А 95/9

П. А. Александровъ.

Сѣверная система

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ИДЕЙ и ХОДА ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССІИ ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

МОСКВА.
Типографія п./ф. „ЛОМОНОСОВЪ", 1-я Тверская-Ямская, д. 22.
1914.

МОСКВА.
Типографія п.|ф. „ЛОМОНОСОВЪ“, 1-я Тверская-Ямская, д. 22.
1914.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 7667
6 „ VII 1931 г.

А 95/9.

й поли-
ины II.

арство-
е и во-
юря на
кой на-
и есте-

ловинѣ
встріей.
А. П.
Фридри-

катери-
ніе по
и со-

внѣш-
рлянд-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль работы. Важность направленія внѣшней политики въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Источники и пособія.

ГЛАВА I.

Введеніе.

I.

Задачи внѣшней политики Россіи къ началу царствованію Екатерины II. Вопросы территоріальные и вопросы національные; 1) вопросъ о достиженіи моря на западѣ; 2) вопросъ о достиженіи границъ русской національности на западѣ; 3) вопросъ о достиженіи естественныхъ границъ на югѣ.

II.

Очеркъ внѣшней политики Россіи въ половинѣ XVIII вѣкѣ (1725—1726 г. г.). Союзъ съ Австріей. Минихъ и Остерманъ. Елизавета Петровна и А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Петръ III. Его союзъ съ Фридрихомъ. Екатерина II и Н. И. Панинъ.

III.

Состояніе Россіи къ началу царствованія Екатерины II: численность населенія и его распредѣленіе по территоріи; экономическія условія; политическія и соціальныя условія.

IV.

Первые шаги правительства Екатерины II во внѣшнѣй политикѣ: 1) отношенія къ Пруссіи; 2) Курлянд-

скій вопросъ; 3) вопросъ объ избраніи короля въ Польшѣ. Состояніе Польши. Роль русскихъ министровъ въ Польшѣ. Избраніе Станислава Понятовскаго. 4) Союзъ съ Пруссіей, какъ средство достиженія цѣлей по вышеуказаннымъ вопросамъ.

ГЛАВА II.

Сѣверная система. Вліяніе идеи „Сѣверной системы“ на внѣшнюю политику Россіи.

V.

Сѣверная система. Союзъ съ Пруссіей—ея реальное основаніе. Ея цѣли. Отношеніе Фридриха II къ плану сѣверной системы.

VI.

Отношенія къ Россіи Австріи и Франціи,—державъ южныхъ,—въ первые годы царствованія Екатерины II и вліяніе на эти отношенія идеи сѣверной системы.

VII.

Отношенія къ Россіи державъ сѣверныхъ: Англіи, Даніи и Швеціи въ первые годы царствованія Екатерины II.

ГЛАВА III.

Попытки практическаго осуществленія идеи сѣверной системы.

VIII.

Вліяніе идеи „сѣверной системы“ на участіе Россіи въ польскихъ дѣлахъ. Диссидентскій вопросъ и вопросъ о преобразованіяхъ. Поведеніе въ этомъ вопросѣ Фридриха. Трактатъ 1768 года. Россія—орудіе Пруссіи.

IX.

Дальнѣйшія затрудненія, вызывавшіяся попытками осуществить на практикѣ сѣверную систему. Вражда французскаго и австрійскаго дворовъ. Барская конфедерація и необходимость русскаго вмѣшательства. Польскій вопросъ оказывается невозможнымъ рѣшить безъ одновременной борьбы съ Турціей.

X.

Затрудненія въ присоединеніи къ системѣ сѣверныхъ державъ: Швеціи, Англіи и Даніи.

XI.

Дальнѣйшія неудачи Сѣверной системы: турецкая война; дѣйствія Фридриха, единственнаго союзника Россіи, имѣвшаго съ ней связи не фантастическія, направляются въ сторону, невыгодную для Россіи.

ГЛАВА IV.

Окончательное паденіе сѣверной системы.

XII.

Запутанность сношеній и невозможность соединить въ сѣверный союзъ державы сѣверныя: Швецію, Данію и Англію.

XIII.

Отношенія къ Франціи. Крайняя враждебность Франціи къ Россіи. Враждебныя дѣйствія Франціи противъ Россіи: отказъ въ заходѣ во французскія гавани русской эскадрѣ; помощь польскимъ конфедератамъ и туркамъ; дипломатическая борьба Франціи съ Россіей.

XIV.

Измѣненія отношеній Россіи къ Австріи. Фридрихъ ищетъ сближенія съ Австріей. Онъ первый пускаетъ мысль о раздѣлѣ Польскихъ земель. Упорство Панина. Фридрихъ убѣждаетъ императрицу Екатерину согласиться на раздѣлъ вопреки настояніямъ Панина. Радость Фридриха. Первый раздѣлъ Польши и Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

XV.

Итоги сѣверной системы.

Паденіе значенія Н. И. Панина. Польскій вопросъ и его неправильное направленіе. Тяжесть и неудача турецкой войны. Невниманіе къ внутренней политикѣ. Раззореніе Россіи и особенно тяжкое состояніе податныхъ сословій.

Заключеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль работы. Важность направленія внѣшней политики въ началѣ царствованія Екатерины II. Источники и пособія.

Внѣшняя политика Россіи въ первый періодъ царствованія Екатерины II направлялась по особой системѣ, которую самъ создатель ея, Никита Ивановичъ Панинъ, назвалъ „сѣверной“, или „сѣвернымъ аккортомъ“. Настоящая работа представляетъ попытку разсмотрѣть детально постепенное созданіе этой системы сперва въ теоріи, а затѣмъ и попытки ея осуществленія на практикѣ и выяснить также и то, какъ реагировала на такія теоретическія построенія внѣшней политики современная имъ русская дѣйствительность, и какое она, въ свою очередь, оказывала вліяніе на осуществленіе самой теоріи.

Если и теперь часто бываетъ, что внѣшняя политика совершенно мѣняетъ направленіе и внутренней политики, что она чуть не цѣликомъ захватываетъ вниманіе націй, то еще большее значеніе она имѣла въ XVIII вѣкѣ, вѣкѣ политическихъ „конъюктуръ“ и всякаго рода завоевательныхъ предпріятій, разбивавшихся объ идею политическаго равновѣсія. Тогда внѣшняя политика часто совершенно отвлекала вниманіе правительствъ отъ внутренней и заставляла всѣ силы страны напрягать на рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ ея области, въ ущербъ вниманію къ вопросамъ политики внутренней. Вспомнимъ,

напр., при какомъ крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ страны была окончена Сѣверная война, каково было истощеніе средствъ всей страны, а особенно многочисленнаго крестьянства, какъ даже само шляхетство поголовно должно было служить въ арміи, не имѣя возможности выдѣлить изъ своей среды достаточное количество подходящихъ людей для службы „гражданской". Поэтому-то разъясненіе вопросовъ внѣшней политики того времени имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и для изученія внутренняго состоянія государствъ, такъ какъ внѣшняя политика того времени преобладала надъ внутренней и часто направляла ее.

Важность изученія эпохи первой половины царствованія Императрицы Екатерины II увеличивается еще и тѣмъ, что въ это время, какъ намъ кажется, были заложены основанія отношеній и взглядовъ, долгое время послѣ того имѣвшихъ практическое примѣненіе, такъ или иначе строившихъ привычку одного народа смотрѣть на другой, какъ на дружественный или враждебный, что имѣло значительное вліяніе на ходъ событій и въ первой половинѣ XIX вѣка.

Поэтому-то и первое, открыло объявлявшееся, желаніе вести внѣшнюю политику по строго опредѣленной политической системѣ, а не подчинять ее вліянію случая, должно считаться важнымъ моментомъ, весьма интереснымъ для изученія.

Изученіе эпохи Екатерины II, благодаря многочисленнымъ работамъ ученыхъ, въ настоящее время продвинулось уже далеко впередъ, и многія стороны русской жизни этого времени разсмотрѣны подробно и надлежаще освѣщены; тѣмъ не менѣе изученіе это, можно сказать, еще только начато, еще многое едва лишь затронуто, и поле для изслѣдователя еще открыто весьма широкое. Не говоря о трудахъ, освѣщающихъ разныя стороны этой эпохи, какъ общихъ, вродѣ грандіозныхъ трудовъ С. М. Соловьева, В. А. Бильбасова и Брикнера, такъ и трудовъ, освѣщающихъ лишь отдѣльныя стороны этой эпохи, какъ, напр., труды Сергѣевича, Бланка, Дитятина, Брикнера, Латкина, Багалѣя и др. о знаменитой Большой Комиссіи 1767 года, или Соловьева, Костомарова и Карѣева о паденіи Польши, В. И. Семевскаго о кресть-

янахъ и крестьянскомъ вопросѣ, въ настоящее время упомянемъ лишь вкратцѣ о тѣхъ работахъ, которыя разрабатывали вопросъ о внѣшней политикѣ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II, т.-е. вопросъ, который будетъ разсматриваться и въ настоящей работѣ.

Здѣсь на первомъ планѣ необходимо поставить опять-таки необъятный трудъ **С. М. Соловьева.** Въ томахъ его исторіи Россіи, относящихся къ этой эпохѣ, онъ при своей огромной эрудиціи и навыкѣ къ архивной работѣ сумѣлъ скомбинировать огромнѣйшую массу важнѣйшаго матеріала, представляя его въ тщательной и всесторонней критической оцѣнкѣ. Его работа была особенно трудна потому, что въ его время почти ничего не было изданб по этой эпохѣ, и ему приходилось имѣть дѣло съ необъятнымъ сырымъ архивнымъ матеріаломъ. Между тѣмъ онъ умѣлъ такъ съ нимъ справляться, что взгляды его на извѣстныя стороны жизни того времени во многихъ мѣстахъ остаются непоколебленными до сихъ поръ, несмотря на позднѣйшія работы болѣе спеціальные и потому болѣе детально разрабатывавшія имѣвшійся архивный матеріалъ.

Самая тщательная и точная характеристика личности Екатерины II и выясненіе того, какое вліяніе оказывала эта яркая личность на ходъ государственныхъ дѣлъ, составляетъ главную особенность труда **Бильбасова,** при чемъ и имъ весьма многія данныя впервые вынесены на свѣтъ изъ мрака архивовъ.

Послѣдній по времени трудъ, посвященый вопросамъ внѣшней политики Екатерины II въ первой половинѣ ея царствованія составленъ профессоромъ **Н. Д. Чечулинымъ** (СПБ. 1896). Этотъ трудъ представляетъ оригинальное и весьма своеобразное освѣщеніе вопросовъ, рѣзко расходящееся, напр., со взглядами Соловьева, но освѣщеніе тенденціозное, во многомъ требующее для себя тщательной провѣрки. Въ этомъ трудѣ Екатерина II представляется какимъ-то необыкновеннымъ геніемъ, орлинымъ полетомъ мысли проникающимъ въ самые сокровенные замыслы Фридриха II, не даромъ получившаго также прозвище „Великаго“, и постоянно его

посрамляющимъ. Такимъ образомъ это сочиненіе представляетъ собою какъ бы апологію дѣятельности Екатерины II и Панина и вмѣстѣ съ тѣмъ и панегирикъ ихъ дѣятельности, но тѣмъ самымъ и возлагаетъ на послѣднихъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія ихъ политики, снимая ее съ Фридриха.

Очень много вѣрныхъ взглядовъ и замѣчаній высказываетъ **Ф. Ф. Мартенсъ** съ присущимъ ему знаніемъ международныхъ отношеній того времени въ статьѣ: „Россія и Пруссія при Екатеринѣ II“, помѣщенной въ 5 книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1882 годъ и въ предисловіяхъ его „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“ къ I и II тому (трактаты съ Австріей), къ V и VI т. (трактаты съ Германіей), къ тому IX (X) (трактаты съ Англіей) и къ XIII (трактаты съ Франціей).

Много вѣрныхъ замѣчаній можно найти въ небольшой статьѣ **Г. Есипова.** Фридрихъ II и графъ Панинъ. Прусская политика въ первомъ раздѣлѣ Польши. Бесѣда 1871 г. кн. 1 и у кн. **Павла Вяземскаго.** Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. (по мемуарамъ Фридриха). Осмн. вѣкъ кн. 1 М. 1868.

Много матеріала находимъ также у **Adolf Beer.** Die erste Theilung Polens. Wien 1873, у **Arneth.** Maria Theresia und Joseph II, у **Dunker.** Aus der Zeit Friedrich der Grossen, у **Schlözer.** Friedrich und Katharina, у **Brückner** въ его статьѣ Katharina die Zweite. Berl. 1883 и въ его изданной на русскомъ языкѣ иллюстрированной исторіи Екатерины II, у **Castéra** въ Histoire de Catherine II. P. An. VIII и у **Jauffret** въ Histoire de Catherine II. Въ устарѣвшихъ уже трудахъ **Колотова** „Дѣянія Екатерины II (6 т. СПБ. 1811) и **Лефорта**—Исторія царствованія Екатерины II. М. 1837, отличающихся панегирическимъ тономъ, все-таки находятся кое-какія интересныя данныя. Кое-что можно найти интересное для настоящей работы у **Rulhière.** Histoire de l'anarchie de Pologne et de démembrement de cette république. 4 v. Paris 1807, въ **сборникѣ** „La cour de la Russie il y a cent ans. Berlin 1858, у **Panke.** Die deutsche Mächte und der Fürstenbund. Lpz. 1871, у **M. Alexis de Saint-Priest.** Etudes diplomatigues et litteraires t. I, у **Fr. Smitt.** Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne 1861.

Вопросъ о раздѣлахъ Польши вообще представляетъ собою цѣлую богатую литературу, которую мы не будемъ здѣсь пы-

таться даже перечислить, такъ какъ этотъ вопросъ лишь отчасти касается настоящей работы.

Не задаваясь цѣлью представить критическій обзоръ трудовъ по этой эпохѣ, мы тѣмъ не менѣе должны сказать, что старались ознакомиться со всѣми этими трудами и тщательнымъ изученіемъ ихъ положить основаніе для собственныхъ взглядовъ. Поэтому, высказывая какой-нибудь взглядъ, не похожій на взглядъ, существующій до сихъ поръ, и аргументируя тѣми данными, которыя будутъ у насъ въ каждомъ случаѣ подъ рукою, мы этимъ и будемъ ограничиваться, а не будемъ вступать каждый разъ въ критическій разборъ существующихъ въ наукѣ взглядовъ, такъ какъ доказательства свои всегда будемъ стараться черпать прямо изъ источниковъ.

Преобладающая часть сырого матеріала, относящагося къ нашей темѣ, издана въ **Сборникахъ Императорскаго русскаго историческаго общества:** переписки пословъ при русскомъ дворѣ со своими дворами, переписка Екатерины II съ Фридрихомъ II, бумаги императрицы Екатерины II изданы почти полностью и представляютъ богатѣйшій архивный матеріалъ, еще мало затронутый въ научной разработкѣ.

Затѣмъ много матеріала находимъ еще у **Ф. Ф. Мартенса.** Собраніе трактатовъ и конвенцій и у **Alf. Rambaud.** Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. Russie t. II. P. 1890.

Чрезвычайно важный источникъ для исторіи отношеній Россіи и Пруссіи въ это время представляютъ собою **мемуары Фридриха II,** которыми, однако, нужно пользоваться крайне осторожно, такъ какъ Фридрихъ часто сознательно старался извратить истину. (Mémoires de Frédéric II, publiés par E. Bontaric et E. Campardon. Paris 1866).

Кое-какія свѣдѣнія находятся и въ мемуарахъ разныхъ лицъ того времени: самой **императрицы Екатерины II,** оканчивающихся на 1759 году, кн. **Е. Р. Дашковой** (Архивъ кн. Воронцова, т. 21), **Храповицкаго, Сегюра, Дюмурье** и мн. др.

Настоящая работа отличается тѣмъ, что вопросъ о „сѣверной системѣ“ выдѣленъ и разсматривается, по

возможности, выпукло и всесторонне, между тѣмъ какъ, напр., даже у Соловьева онъ упоминаетъ мимоходомъ; другими словами, въ настоящей работѣ проводится мысль, что идея „сѣверной системы“ не случайно и лишь иногда представлялась возможной къ осуществленію ея творцами Н. И. Панинымъ и императрицей Екатериной, но что она дѣйствительно была фактомъ, направляющимъ внѣшнюю политику Россіи за это время и наложившимъ яркую окраску и на дальнѣйшія отношенія.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Задачи внѣшней политики Россіи къ началу царствованія Екатерины II: вопросы территоріальные и вопросы національные. 1) Вопросъ о достиженіи моря на западѣ; 2) вопросъ о достиженіи границъ русской національности на западѣ; 3) вопросъ о достиженіи естественыхъ границъ на югѣ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка исконныя задачи русской внѣшней политики были всѣмъ понятны и ясны. Однѣ изъ нихъ были вполнѣ рѣшены ранѣе, другія рѣшены на половину, третьи еще предстояло рѣшить. Всѣ эти задачи распадаются на двѣ разнородныя группы: съ одной стороны, задачи территоріальныя—достиженіе естественыхъ границъ страны, а съ другой—національныя—достиженіе границъ русской народности. Главнѣйшія задачи по той и другой категоріи народились на Руси еще чуть ли не вмѣстѣ съМосковскими собирателями Руси. По крайней мѣрѣ и Иваны III и IV и Василій III отлично понимали важность этихъ вопросовъ и особенно осторожно относились къ вопросу національному. Они, усиливъ свою власть, придавъ ей церковно-религіозный характеръ и связавъ ее такимъ образомъ тѣсными узами съ церковью и ея митрополитомъ „всея Руси“, также хотѣли быть государями „всея Руси“, да и не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Но даже и на словахъ они въ этомъ вопросѣ не хотѣли дѣлать уступокъ, считая ихъ какъ бы отступничествомъ отъ своего долга, своего назначенія. Припомнимъ, сколько

препирательствъ и смуты происходило при сношеніяхъ съ Польшей Московскихъ государей во 2 половинѣ XVI и первой половинѣ XVII вѣка изъ-за титула царя. Цари затѣвали важныя ссоры и непремѣнно хотѣли, чтобы ихъ называли царями всея Руси, а поляки, напротивъ, всегда старались ихъ титуловать царями „Московскими"; въ титулѣ царя „всея Руси" сказывалось желаніе выразить, что царь считаетъ себя по праву властителемъ не одной той земли, которая была дѣйствительно въ его власти, но и тѣхъ западныхъ краевъ, населенныхъ русскимъ народомъ, которые принадлежали Польшѣ. Это и придавало смыслъ спорамъ, повидимому, безсмысленнымъ, о предметѣ маловажномъ.

Тѣмъ же объясняется и то, что цари Московскіе съ Литвой и соединенной съ нею Польшей заключали перемирія, а не вѣчный миръ. „За королемъ наша вотчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, говоритъ, напр., Иванъ Грозный посламъ Сигизмунда II Августа,... такъ пригоже ли намъ съ королемъ теперь вѣчный миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, потому что крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не хочу".

Стремленіе Московскихъ государей собрать всю Русь не только Великую, но и Малую и Бѣлую, имѣло много основаній. Прежде всего положеніе русскихъ во владѣніяхъ Польши и соединенной съ нею Литвы было, дѣйствительно, очень тяжелое и при томъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ухудшавшееся. Соціальный бытъ Польши, съ преобладаніемъ высшаго сословія шляхты, тяжело отзывался на бытѣ какъ городовъ, такъ особенно деревни. Несмотря даже на попытки улучшенія жизни городовъ введеніемъ нѣкоторой доли самоуправленія въ видѣ Магдебургскаго права, города бѣднѣли, падали, а о деревнѣ и говорить нечего,—она теперь попала въ очень тяжелое крѣпостное состояніе, ухудшавшееся еще какъ отъ того, что государство вообще давало мало защиты своимъ подданнымъ, какъ отъ враговъ внѣшнихъ, напр., татаръ, уводившихъ тысячами русскихъ людей изъ Литвы въ неволю, такъ и отъ вну-

треннихъ неурядицъ. Религіозная же рознь довершала отчужденіе русскаго народа отъ господствующаго народа. Все это тянулось съ давнихъ поръ. Когда въ 1569 году была заключена Люблинская унія, то къ Польшѣ присоединены были отъ Литвы Полѣсье, Волынь и Кіевская земля. Русское населеніе этихъ областей встрѣтило это свое присоединеніе къ Польшѣ спокойно, такъ какъ въ Польшѣ была въ это время полная вѣротершимость и довольно правильно организованное, по крайней мѣрѣ отъ землевладѣльческаго класса, представительство на сеймахъ. Это было время наибольшаго развитія въ Польшѣ протестантизма; протестантизмъ однако скоро подорвалъ свое значеніе, тѣмъ что раздѣлился на множество толковъ, которые вели между собою ярые и безконечные споры и договаривались до соблазнительныхъ для большинства населенія выводовъ, вродѣ ученія соцініанъ. Это было не въ одной Польшѣ. Такъ было и во всей Западной Европѣ. Поэтому и здѣсь, и тамъ начинаетъ подниматься католическая реакція, при чемъ вождемъ и борцомъ ея становится новый орденъ—іезуиты. Отсутствіе государственныхъ и общественыхъ школъ въ Польшѣ въ это время отдало воспитаніе подрастающихъ поколѣній въ руки іезуитовъ, поведшихъ дѣло окатоличенія населенія очень быстро и умѣло. Быстро подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивавшейся въ обществѣ религіозной нетерпимости, подавляется протестантизмъ, а затѣмъ начинается упорная, вѣковая борьба съ православіемъ. Іезуиты скоро добились того, что высшіе классы западно-русскаго общества стали переходить въ католичество и мало-по-малу православіе становилось „хлопской“—мужицкой вѣрой, и что православіе стало преслѣдоваться какъ помѣха, препятствующая національному объединенію населенія подвластныхъ Польшѣ земель, такъ какъ, дѣйствительно, русскіе, принимавшіе католичество, вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ подчинялись польской культурѣ, становились поляками и по языку, и по жизни.

Для облегченія перехода для русскихъ къ католичеству была придумана унія, и къ ней стали принуждать и простое, крестьянское русское населеніе. Но тутъ оказалось, что унія, которой сравнитель-

но легко подчинились и высшіе классы западно-русскаго общества и даже самое высшее духовенство, рѣшительно отвергалась этимъ сельскимъ населеніемъ, которое въ уніи видѣло отреченіе и отъ вѣры предковъ, и отъ самой своей народности. Это повело къ тяжкой, безчеловѣчной борьбѣ вѣроисповѣданій въ Польшѣ, обострившей и національный вопросъ: русскіе подданные Польши отчаивались въ томъ, что они могутъ добиться когда-нибудь нѣсколько болѣе сноснаго положенія и потому все болѣе и болѣе стали обращать свои взоры на сосѣднія государства, ища себѣ защиты отъ невыносимыхъ утѣсненій. Въ концѣ концовъ населеніе Польши представляло рядъ враждебныхъ лагерей, стоявшихъ лицомъ къ лицу, и твердо увѣренныхъ въ невозможности примиренія. Сначала наиболѣе свободолюбивая и отважная часть населенія—малороссы пытались цѣлымъ рядомъ возстаній отвоевать себѣ необходимыя права, и затѣмъ, потерявъ надежду добиться этого самимъ, обратились къ государству, которое во многомъ для нихъ было весьма симпатично, но въ которомъ многія стороны жизни казались непривычными и невыносимыми,—а именно къ Москвѣ. Только часть Малороссіи присоединилась къ Москвѣ и послѣ долгихъ испытаній пріобрѣла по крайней мѣрѣ свободу исповѣдывать православную вѣру, оказавшись значительно стѣсненной, правда, въ своемъ національномъ самоопредѣленіи. Но изъ двухъ золъ это было меньшее. Оставшаяся подъ властію Польши правобережная Украйна продолжала испытывать всѣ ужасы, порождаемые религіозной нетерпимостью, а равно и тѣмъ безправіемъ, какому подверглось почти все русское населеніе, не попавъ въ шляхетское сословіе, которое стало правящимъ классомъ Польши, сдѣлавшейся теперь чисто аристократическимъ государствомъ, и мало-по-малу приходившей въ полное разстройство вслѣдствіе своеволія этого класса. Положеніе западной Малороссіи было такъ тяжко, что она была готова и даже пробовала нѣсколько разъ поддаться турецкому султану, лишь бы найти хотя какое-нибудь облегченіе отъ религіозныхъ, главнымъ образомъ, притѣсненій. Между тѣмъ Турція, находившаяся въ это время въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, бод-

рая, фанатично настроенная, дисциплинированная страшной деспотической властью султановъ, была не только страшнымъ врагомъ для Польши, но и для Россіи, такъ какъ у Россіи было много причинъ къ ссорамъ съ Турціей. Отъ этого произошло то, что Россіи пришлось даже на нѣкоторое время сблизиться съ Польшей и, позабывъ прежніе счеты, пытаться сообща бороться съ Турціей. И дѣйствительно, такое сближеніе существовало при Петрѣ Великомъ. Это сближеніе однако не помогло нисколько русскимъ, жившимъ въ предѣлахъ Польши. Даже заступничество Петра Великаго мало помогало, и притѣсненія православнаго русскаго населенія какъ религіозныя, такъ и политическія продолжалась попрежнему. Польша слабѣла, разлагалась отъ внутреннихъ неурядицъ, а русское населеніе ея приходило все болѣе къ убѣжденію, что только присоединеніе его къ Россіи можетъ избавить его отъ религіозныхъ и политическихъ притѣсненій.

Такимъ образомъ, ко времени Екатерины II назрѣвалъ и выяснялся первый и главнѣйшій вопросъ внѣшней политики—вопросъ о русскихъ, жившихъ въ предѣлахъ Польши. Вопросъ этотъ можно было легче всего рѣшить такъ, какъ его стремились рѣшить еще московскіе цари, именуя себя царями „всея Руси“, т.-е., стремясь быть государями всѣхъ русскихъ людей, и стало быть, желая просоединить всю западную Русь къ русскому государству. Такимъ образомъ, первый вопросъ внѣшней политики Россіи ко времени Екатерины II былъ вопросъ о достиженіи границъ русской народности на западѣ. Стало быть, этотъ вопросъ былъ вопросъ національный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и территоріальный, такъ какъ естественной границы между русскими и польскими владѣніями не было, и страна вся была одинакова—одна низменная равнина, перерѣзанная лишь рѣками.

Кромѣ задачъ національныхъ, у Россіи въ XVIII вѣкѣ существовалъ еще рядъ задачъ территоріальныхъ, разрѣшеніе которыхъ было необходимо для дальнѣйшаго мирнаго и экономическаго благосостоянія—это вопросы о достиженіи естественныхъ границъ. Московское государство въ эпоху своего зарожденія и долгое вре-

мя впослѣдствіи было, можно сказать, туловищемъ безъ конечностей. Эти конечности нужно было еще пріобрѣсти и тѣмъ довести организмъ слагавшагося государства до здороваго, нормальнаго состоянія. Моря и горы являются естественными границами странъ, и потому задачи русской политики территоріальныя состояли въ достиженіи естественныхъ границъ. На сѣверѣ естественная граница была достигнута ранѣе всего. Новгородцы подчинили сѣверъ Россіи русской культурѣ и потому съ присоединеніемъ Новгорода къ Москвѣ сѣверъ мирно подчинился власти Москвы, и процессъ руссификаціи финновъ, начавшійся еще въ доисторическія времена, продолжался и теперь и шелъ еще болѣе усиленнымъ темпомъ вслѣдствіе все болѣе и болѣе возраставшихъ мирныхъ отношеній. Покореніе Казани, повлекшее за собой покореніе Астрахани, а затѣмъ и Сибири, дало возможность Москвѣ упереться въ Уральскія горы и даже перевалить за нихъ въ Сибирь, куда и стали потомъ направляться люди, въ жилахъ которыхъ еще текла кровь новгородскихъ ушкуйниковъ, гдѣ они мало-по-малу подчиняли Москвѣ инородцевъ и шли все далѣе и далѣе къ берегамъ Великаго Океана, куда они дошли менѣе, чѣмъ въ столѣтіе. Завоеваніе Астрахани продвинуло русскія границы до Терека, т.-е. почти до Кавказа. Не такъ легко было достигнуть естественныхъ границъ на западѣ и югѣ.

И та, и другая задачи русской политики были необыкновенно важны для Россіи, то или другое разрѣшеніе ихъ могло дать совершенно иное направленіе всему ходу русской жизни. Немудрено, что поэтому русскіе государи обращали на эти задачи самое серьезное вниманіе. Уже оба эти вопроса ребромъ были поставлены на разрѣшеніе тѣмъ же Іоанномъ IV, который такъ рѣшительно дѣйствовалъ при покореніи Казани, имѣвшемъ, какъ выше сказано, такія важныя послѣдствія.

Вопросъ о достиженіи естественныхъ границъ на югѣ, о войнѣ съ крымскимъ ханомъ, уже серьезно обсуждался при Іоаннѣ IV, и только справедливое опасеніе того, что Турція, тогда сильная и энергичная, не останется праздным зрителемъ покоренія христіанами мусульманскихъ царствъ, да, кромѣ того, отдаленность

Крыма и трудность передвиженій войскъ по степямъ помѣшали тому, что вопросъ этотъ не только намѣченный, но, можно сказать, ребромъ поставленный, былъ оставленъ совсѣмъ на долгое время.

Но тѣмъ съ большимъ напряженіемъ вниманія и силъ Іоаннъ IV обратился къ разрѣшенію второй территоріальной задачи,—достиженія естественной границы—моря на западѣ. Желаніе стать твердой ногой на Балтійскомъ морѣ, быть независимымъ отъ коварнаго и завистливаго Запада, поставить твердо дѣло сближенія Россіи съ этимъ Западомъ, завязать торговыя и культурныя сношенія съ нимъ, все это принудило Іоанна IV начать тяжкую Ливонскую войну и затѣмъ упорно вести ее при полномъ напряженіи силъ и средствъ. Цѣлый рядъ разнообразныхъ причинъ, которыя здѣсь не мѣсто разсматривать, помѣшали Іоанну разрѣшить эту задачу. Вниманіе правителей Россіи было отвлечено въ другую сторону и на другіе вопросы вплоть до Петра Великаго, который пришелъ къ мысли Грознаго о необходимости достиженія береговъ Балтійскаго моря для дальнѣйшаго развитія Россіи. Цѣлое царствованіе почти ушло на разрѣшеніе этой задачи. Цѣною тяжкой, болѣе чѣмъ двадцатилѣтней, войны Россія добилась своего,—прорубила „окно въ Европу“, и такимъ образомъ эта задача была вполнѣ разрѣшена Петромъ Великимъ.

Оставалась послѣдняя территоріальная задача—достиженіе Россіею естественныхъ границъ на югѣ. Эта задача сознавалась какъ нельзя болѣе ясно со временъ Іоанна Грознаго, но никакъ не могла быть разрѣшенной. Между тѣмъ вслѣдствіе того, что степи были заняты татарами, южныя, самыя лучшія по климату и почвѣ, мѣста для поселенія оставались пустынными, такъ какъ невозможно было обезопасить отъ татарскихъ нападеній эти мѣстности. А возраставшее по численности населеніе Россіи непремѣнно должно было туда направиться,—и вотъ мы видимъ постепенное заселеніе Слободской Украйны и Дона. Сама жизнь толкаетъ народъ, помимо правительства, на разрѣшеніе этой задачи. Донскіе казаки сами захватываютъ Азовъ и пытаются удержать въ своихъ рукахъ даже противъ турокъ. Походы въ

правленіе Софьи вовсе не были ужъ такъ безразсудно предприняты, какъ нѣкоторымъ хочется это видѣть. Безразсудно было только, что, понимая важность и популярность этой задачи русской политики, правительство Софьи не сумѣло расчитать силъ и потому потерпѣло полную неудачу. Немудрено также, что и иноземные политики, стоявшіе во главѣ русскихъ дѣлъ при Аннѣ Іоанновнѣ, понимая важность этой задачи, рѣшились на войну съ Турціей не потому лишь, что этого желало честолюбіе Миниха. Но и походы Миниха, снаряженные съ такими усиліями и жертвами, не достигли желаемыхъ результатовъ. Не только военныя, стратегическія ошибки, но и ошибки во внѣшней политикѣ сдѣлали то, что Крымская орда сохранила свое существованіе и положеніе дѣла осталось прежнее, т.-е., что югъ оставался совершенно необезопаснымъ.

Такимъ образомъ, ко времени императрицы Екатерины II вопросъ о достиженіи естественныхъ границъ на югѣ, т.-е. Чернаго моря и Кавказа, былъ не только намѣченъ, но уже и былъ сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ къ его разрѣшенію. Ко времени Екатерины II вопросъ этотъ не только сдѣлался назрѣвшимъ, но даже, можно сказать, былъ неотложнымъ, больнымъ вопросомъ. Турція къ этому времени уже остановилась въ своемъ развитіи, уже стала отставать отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ, даже и въ военномъ, а Крымская орда была только сильна безсиліемъ сосѣдей, а въ сущности, какъ показали походы Миниха и Ласси, сама по себѣ была совершенно слаба.

Такимъ образомъ, ко времени императрицы Екатерины II вполнѣ ясно были намѣчены и уже назрѣли два вопроса русской политики: 1) достиженіе границъ русской народности на западѣ и 2) достиженіе естественныхъ границъ русской территоріи на югѣ.

Разсмотримъ теперь, какими путями наши политики XVIII вѣка пытались приблизиться къ рѣшенію этихъ задачъ вплоть до воцаренія императрицы Екатерины II.

II.

Очеркъ внѣшней политики Россіи въ половинѣ XVIII вѣка (1725—1762 гг.). Союзъ съ Австріей. Минихъ и Остерманъ. Елизавета Петровна и А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Петръ III. Его союзъ съ Фридрихомъ. Екатерина II. Н. И. Панинъ.

Новый періодъ русской исторіи, особенно въ отношеніи ея внѣшней политики, начинаетъ Петръ Великій. До него Россія всегда стояла въ сторонѣ отъ всего западно-европейскаго міра. Московію мало знали и мало ею интересовались. Лишь на востокѣ Европы знали ее больше: здѣсь часто происходили столкновенія со Швеціею, здѣсь велась вѣковая борьба изъ-за западно-русскихъ земель съ Рѣчью Посполитой.

Петръ Великій въ своемъ стремленіи прорубить „окно въ Европу“ впервые вступилъ въ оживленныя сношенія съ Западомъ, заставилъ Западъ заговорить о себѣ и о Россіи. Уже вторая половина Сѣверной войны шла при постоянномъ и напряженномъ вниманіи всей Европы, при чемъ какъ при русскомъ дворѣ уже постоянно живутъ представители западно-европейскихъ государствъ, такъ и русскіе министры посылаются въ главнѣйшія государства Европы. Важные результаты, достигнутые Россіею по Ништадтскому миру, несмотря на вмѣшательство европейскихъ державъ, враждебное Россіи, несмотря, напр., на присутствіе въ Балтійскомъ морѣ англійской эскадры, показали, что на арену Европейской жизни и отношеній выступаетъ теперь новый дѣятель, постепенный ростъ и силу котораго западные сосѣди во-время не успѣли ни угадать, ни задержать.

И вотъ теперь эту силу хотятъ использовать каждое государство для себя, вслѣдствіе чего наперерывъ другъ

передъ другомъ государства Европы стараются заручиться дружбой и даже союзомъ съ Россіей. Начинается при русскомъ дворѣ борьба за вліяніе. Между тѣмъ со смертью самого преобразователя политика Россіи не могла сохранить ту устойчивость, какую она имѣла при немъ, что казалось сосѣдямъ весьма удобнымъ для поворота дѣлъ въ свою пользу. Въ результатѣ всего этого мы и видимъ, что русская внѣшняя политика отъ Петра до Екатерины II не имѣетъ должной устойчивости и измѣняется въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ; на ея измѣненіе вліяетъ и смѣна лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, и неправильное пониманіе интересовъ и нуждъ Россіи, и неподготовленность и неопытность русскихъ политиковъ, какъ доморощенныхъ, такъ и выписанныхъ изъ-за границы нѣмцевъ. Въ результатѣ всего этого получилось то, что Россіи тогда приходилось впутываться въ дѣла, до нея имѣющія мало отношенія, единственно лишь потому, что стоявшіе во главѣ правленія люди не умѣли ориентироваться въ запутанныхъ обстоятельствахъ и хватались за рискованныя предпріятія.

Въ моментъ кончины Петра Великаго Россія находилась большею частью въ натянутыхъ или прямо враждебныхъ отношеніяхъ къ большинству государствъ, что и выразилось въ проявленныхъ въ этихъ государствахъ чувствахъ при извѣстіи о кончинѣ Петра. Въ Польшѣ, по донесенію Рудаковскаго, русскаго агента, при извѣстіи о кончинѣ Петра, распространившемся еще, кстати сказать, при жизни его, весьма радовались: „слыша объ этомъ, мухи мертвыя носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, да и въ Могилевѣ жизнь моя не безопасна“ (1). Бестужевъ, бывшій въ то время русскимъ министромъ въ Стокгольмѣ, пишетъ, что тамъ при извѣстіи о смерти Петра король и его партизаны были въ великой радости, и затѣмъ уже новой императрицѣ онъ писалъ: „дворъ сильно надѣялся, что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и всѣ дѣла ниспровергнутся но когда узнали, что ваше величество вступили на пре-

столъ и все окончилось тихо, то придворные стали ходить повѣся носъ; такимъ образомъ, этотъ случай открылъ сердца многихъ людей". А Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, русскій резидентъ въ Даніи, писалъ, что при извѣстіи о смерти Петра: „изъ первыхъ при дворѣ яко генерально и всѣ подлые съ радости опилися—было". Королева въ тотъ же день въ четыре церкви для нищихъ и въ госпитали послала тысячу ефимковъ, подъ предлогомъ благодарности Богу за выздоровленіе короля... Только король велъ себя прилично и сердился на тѣхъ, которые обнаруживали нескромную радость. Лишь Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій, получивъ извѣстіе о кончинѣ Петра, прослезился, назвалъ скончавшагося „своимъ дражайшимъ другомъ" и сталъ самъ носить трауръ, чего никогда не дѣлалъ, цѣлую четверть года; своему посланнику въ Петербургѣ—Мардефельду, спросившему, какъ ему носить трауръ по Петрѣ, онъ отвѣтилъ: „какъ по мнѣ". Поэтому нашъ посланникъ въ Пруссіи графъ Головкинъ писалъ императрицѣ: „При нынѣшнихъ конъюнктурахъ надобно дорожить дружбою короля прусскаго, и если ваше величество изволите принять какія-либо мѣры къ продолженію взаимной дружбы, то имѣю надежду успѣть въ этомъ, особенно если со стороны вашего величества будетъ сдѣлано королю что-нибудь угодное, именно присылкою нѣсколькихъ великановъ, потому что этимъ способомъ и при блаженной памяти императорѣ важныя дѣла были исправлены; и другія государства этимъ же способомъ его склоняютъ" (2). Король самъ предлагалъ заключить оборонительный союзъ, имѣя въ виду польскія дѣла. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это, а также и на то, что король готовъ былъ принять проектъ союзнаго договора между Россіей и Пруссіей, составленный въ Петербургѣ, отношенія должны были нѣсколько охладиться вслѣдствіе того, что Пруссія и Россія разошлись въ общемъ направленіи своей политики.

Въ это время вся Европа раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря: союзъ Ганноверскій—Англія, Франція, Данія и впослѣдствіи Швеція, и союзъ Австрійскій, съ Австріей и Испаніей во главѣ. Къ Ганноверскому союзу примкнулъ Прусскій король и предлагалъ свои посред-

ническія услуги къ устраненію препятствій, мѣшавшихъ присоединиться къ этому союзу и Россіи. Тѣмъ не менѣе русское правительство не находило возможнымъ сдѣлать это главнымъ образомъ изъ-за дѣлъ Голштинскихъ, такъ какъ оно обязалось предъ герцогомъ Голштинскимъ, зятемъ Петра Великаго, присоединить къ его владѣніямъ Шлезвигъ, чего не хотѣли допустить ни Данія, владѣвшая Шлезвигомъ, ни Швеція, а Данія принадлежала къ Ганноверскому союзу. Поэтому Голштинскія дѣла и личныя симпатіи лицъ, окружавшихъ Екатерину I, въ особенности Меньшикова, толкали Россію къ противоположному лагерю—къ Австрійскому союзу, въ результатѣ чего и было заключеніе союза 6 августа 1726 года, гарантировавшаго взаимно владѣнія договаривающихся государствъ и обязавшаго подавать помощь другъ другу въ случаѣ войны, при чемъ имѣлась въ виду и Турція, а кромѣ того Австрія обязывалась помогать герцогу Голштинскому возвратить Шлезвигъ. Съ тѣхъ поръ этотъ союзъ съ Австріей былъ долгое время краеугольнымъ камнемъ нашей русской политики и при Петрѣ II и при Аннѣ. Онъ былъ настолько, можно сказать, популяренъ среди русскихъ дипломатовъ XVIII вѣка, что его считали основаніемъ „системы Петра Великаго“, помня, что Петръ Великій считалъ необходимымъ для успѣшности борьбы съ Турціей союзъ съ Австріей. Держаться этого союза побуждали и польскія дѣла и отношенія къ Турціи, закончившіяся войной Россіи противъ Турціи въ 1736—1739 гг. Въ этой войнѣ сначала Австрія дѣйствовала въ союзѣ съ Россіей и помогала одержать существенные успѣхи надъ турками, а потомъ позорнымъ образомъ, не извѣстивъ русскаго двора, заключила миръ съ Турціей отдѣльно и тѣмъ погубила успѣхи Россіи въ этой войнѣ. Когда Минихъ, главнокомандующій русскихъ войскъ, получилъ „нечаянное и печальное“ извѣстіе объ этомъ мирѣ — „стыдномъ и весьма предосудительнымъ“, то такъ выразилъ свои чувства въ донесеніи императрицѣ: „Богъ судья Римско-Цесарскому Двору за таковой, учиненный къ сторонѣ вашего величества нечаянный (т.-е. таковой, какого невозможно было ожидать) злой поступокъ и за стыдъ, который изъ того всему христіан-

скому оружію послѣдуетъ, и я о томъ понынѣ въ такой печали нахожусь, что не могу понять, какъ тѣсный союзникъ таковымъ образомъ поступить могъ". Въ результатѣ всего этого условія Ясскаго мира были прямо позорны для Россіи. Все это повело было сначала къ значительному охлажденію. Только смерть помѣшала императрицѣ Аннѣ подписать союзный договоръ съ Пруссіей. За союзъ съ Пруссіей былъ и Минихъ. Несмотря на то, что Анна Леопольдовна, какъ близкая родственница Вѣнскаго двора, стояла за союзъ съ Австріей, и ее въ этомъ поддерживалъ Остерманъ, Минихъ энергично велъ дѣло сближенія съ Пруссіей и въ концѣ концовъ ему было уже удалось убѣдить правительницу заключить союзъ съ Пруссіей. Это ставило Россію въ невозможное положеніе: новый союзникъ Россіи Фридрихъ II занялъ въ это время своими войсками Силезію, область стараго союзника Россіи—Вѣнскаго двора. Россіи приходилось такъ или иначе высказаться и или выступить въ роли посредника, или же отказаться отъ одного изъ двухъ союзныхъ договоровъ. Минихъ, иниціаторъ заключенія союза съ Пруссіей, не признавалъ возможнымъ предательскаго отношенія къ Австріи, и считалъ прежнія обязательства по отношеніи къ Австріи обязательными для Россіи. При тогдашнемъ положеніи дѣйствительно было очень трудно разобраться, какой союзъ былъ выгоднѣй для Россіи—австрійскій или прусскій. При царившей въ то время въ умахъ политиковъ идеѣ о необходимости поддерживать „политическое равновѣсіе", трудно было рѣшить, чья сторона болѣе нарушаетъ это политическое равновѣсіе. Съ одной стороны, Австрія, съ давнихъ поръ имѣвшая сильное вліяніе на дѣла Европы и зарекомендовавшая при томъ себя не стѣсняющейся въ средствахъ, могла показаться болѣе опасной, и кромѣ того была необходима для борьбы съ Турціей, а, съ другой стороны, теперь выступалъ въ новой роли нарушителя равновѣсія Фридрихъ II, сильный не пространствомъ территоріи, а накопленными его отцомъ средствами: деньгами и войскомъ и необыкновенной энергіей и ясностью пониманія окружающихъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ по наущеніямъ исконнаго врага Австріи,

французскаго правительства, шведы начали войну противъ Россіи. Попросили на основаніи союзнаго договора у Фридриха помощи. Фридрихъ, конечно, въ такой помощи отказалъ, хотя и признавалъ, что война объявлена несправедливо, что по договору онъ обязанъ помочь Россіи, но что ему нѣтъ никакой возможности оказать эту помощь въ то время, когда онъ самъ втянутъ въ упорную войну въ Силезіи. Но и помимо этого Фридриху трудно было бы помогать Россіи, такъ какъ въ это время онъ уже вступилъ въ союзъ съ Франціей для совмѣстной борьбы съ Австріей, а Франція и побудила Швецію къ войнѣ. Такимъ образомъ, противъ ослабѣвшей Австріи собиралась грозная коалиція и можно было ожидать, что она будетъ подѣлена побѣдителями, и что такимъ образомъ политическое равновѣсіе будетъ нарушено существеннымъ образомъ. Это побуждало Россію думать скорѣе о поддержкѣ Австріи, чѣмъ Пруссіи, тѣмъ болѣе, что Франція, союзница Пруссіи, старалась поднять на Россію, кромѣ Швеціи, и Турцію, хотя это ей на этотъ разъ и не удалось.

Общее желаніе ослабить Францію побуждало Англію искать сближенія съ Россіей и, дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что въ 1741 году идутъ дѣятельные переговоры о заключеніи союзнаго договора. При дворѣ шли сложныя интриги, сопровождавшіяся подкупами, или попытками подкупа главныхъ дѣятелей, и въ концѣ концовъ болѣе хитрый и менѣе стѣснявшійся въ средствахъ Остерманъ одолѣлъ Миниха. Австрійскій союзъ, казавшійся осуществленіемъ идеи Петра Великаго, былъ предпочтенъ невѣрному союзу съ вѣроломнымъ Фридрихомъ.

Подоспѣвшее къ тому времени восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны могло внушить опасеніе, что она, восшедшая на престолъ при дѣятельной помощи Франціи, отступиться отъ возобновленнаго недавно союза съ Австріей. По мнѣнію С. М. Соловьева, выбора однако не могло быть, если только русскіе политики были способны разобраться въ окружающей ихъ политической дѣйствительности. Политическому равновѣсію грозила серьезная опасность: Австрія ослабѣла и не въ силахъ была бороться съ Франціей, когда съ той сталъ

заодно дѣйствовать энергичный и отважный прусскій король, который уже дѣйствовалъ въ то время, когда другіе еще только начинали обдумывать, какъ приступить къ дѣйствіямъ. Польшу и Саксонію нужно было поддержать также, чтобы не отдать ихъ въ руки французовъ и ихъ союзника. Кромѣ того, союзникъ Франціи Швеція объявила войну Россіи, защищая будто бы права Елизаветы Петровны, но на самомъ дѣлѣ открыто стремясь вернуть потери Ништадтскаго мира, и не прекращая войны послѣ того, какъ Елизавета уже вступила на престолъ. Съ другой стороны, Франція въ лицѣ ея посланника Шетарди и его единомышленника доктора Лестока помогли въ значительной степени Елизаветѣ получить престолъ и имѣли на нее сильное вліяніе. Такимъ образомъ дѣло осложнялось и выкажи русскіе политики близорукость, они перешли бы къ союзу съ Франціей, тѣмъ болѣе, что императрица могла поколебаться подъ вліяніемъ Шетарди и Лестока, пользовавшихся ея расположеніемъ и довѣріемъ. На это указывалъ вице-канцлеръ Бестужевъ саксонскому резиденту Пецольду.(3) Тѣмъ не менѣе ни старый канцлеръ Черкасскій, недолюбливавшій ловкаго, по его мнѣнію, выскочку Бестужева, ни Бестужевъ, на котораго вслѣдствіе натянутости отношеній къ канцлеру особенно разсчитывалъ Шетарди, не находили возможнымъ вступить въ союзъ съ Франціей, даже несмотря на то, что императрица сильно колебалась; „князь Кантемиръ пишетъ изъ Парижа, говорилъ Бестужевъ Пецольду, въ каждомъ донесеніи, чтобы ради Бога не довѣряли Франціи, которая имѣетъ въ виду одно—обрѣзать крылья Россіи, чтобъ она не вмѣшивалась въ чужія дѣла". Далѣе онъ прибавляетъ: „мнѣ извѣстно, что мое паденіе составляетъ цѣль нѣкоторыхъ лицъ, но я полагаюсь на правое дѣло".(4) Взятку въ видѣ ежегодной пенсіи въ 15000 ливровъ отъ Франціи онъ не взялъ, объявивъ, что онъ еще ничего не сдѣлалъ, чтобы имѣть право на королевскую благосклонность. Лестокъ же тогда согласился на пенсію отъ французскаго двора, обѣщая ее заслужить, а потомъ согласился принять пенсію и отъ Англіи въ 600 ф. ст. въ годъ.

Между тѣмъ интересы Англіи и Франціи были пря-

мо противоположны, поэтому хотя брать взятки министры, завѣдующіе иностранными сношеніями, и не считали въ то время предосудительнымъ, но брать сразу у двухъ, враждебныхъ другъ другу дворовъ, это было по меньшей мѣрѣ беззастѣнчиво.

Впрочемъ, само французское правительство какъ бы задалось цѣлью воспрепятствовать сближенію съ Россіей, удобный случай къ чему представлялся благодаря помощи Шетарди при восшествіи Елизаветы на престолъ. Шетарди подъ вліяніемъ внушеній своего двора, велъ себя высокомѣрно, чуть не требовалъ, чтобы Россія согласилась на невозможно вздорныя условія мира, выставленныя Швеціей и тѣмъ самымъ толкалъ императрицу въ сторону возобновленія союзныхъ отношеній съ Австріей и Англіей. Поэтому результатомъ охлажденія по отношенію къ Франціи было сближеніе съ Англіей, ея врагомъ; слишкомъ явный сторонникъ правительницы Анны, англійскій министръ Финчъ замѣненъ былъ въ угоду Елизаветѣ Вейчемъ; ему было вмѣнено въ обязанность добиться всѣми средствами заключенія новаго союзнаго трактата, такъ какъ правительство Елизаветы не желало признать трактата 1741 года(5). Лестокъ, какъ писалъ Вейчъ Картерету, „получаетъ отъ Франціи пенсію; но должно отдать ему справедливость, что онъ былъ мнѣ очень полезенъ, ибо ускорилъ заключеніе нашего договора“(6). 11 декабря 1742 года договоръ союзный на 15 лѣтъ былъ подписанъ. Россія обѣщала въ случаѣ нападенія на Англію 10000 пѣхоты и 2000 конницы на помощь, а Англія въ случаѣ нападенія на Россію 12 военныхъ и линейныхъ кораблей съ 700 пушекъ и 4560 человѣкъ экипажа, или же 500.000 рублей въ годъ субсидіи. Въ сепаратномъ артикулѣ говорилось, что этого трактата „единый видъ и намѣреніе есть къ безопасности взаимной ихъ обороны и къ соблюденію, сколько отъ ихъ попеченія зависитъ можетъ общаго, а особливо въ Сѣверѣ покоя и тишины“(7). Шведская война, возбужденная французскимъ правительствомъ, подходила къ своему позорному для Швеціи концу; Франція не помогла ей, ограничиваясь только переговорами, и тѣмъ самымъ выказывая свое безсиліе, равняв-

шееся ея высокомѣрію. Предавши союзниковъ шведовъ, могли ли французскіе политики надѣяться на искреннее сближеніе Россіи съ Франціей, когда французское правительство до сихъ поръ все еще не хотѣло признать императорскаго титула русской государыни. Это помогло и Бестужеву удержаться, несмотря на то, что его паденія желали и свои, и чужіе.

Особенно былъ опасенъ Фридрихъ. Послѣ окончанія войны Россіи со Швеціей нѣкоторое время отношенія Елизаветы къ Фридриху улучшились. Онъ давалъ какъ будто искренніе совѣты и эти совѣты принимались; такъ онъ посовѣтовалъ избрать невѣсту наслѣднику изъ какого-нибудь маленькаго нѣмецкаго дома, который будетъ обязанъ императрицѣ своимъ счастіемъ. Мало того, онъ даже настоялъ на томъ, чтобы Вѣнскій дворъ отозвалъ отъ прусскаго двора посла маркиза Ботта, который ранѣе былъ посломъ въ Петербургѣ и замѣшанъ былъ въ дѣлѣ Лопухиныхъ, желавшихъ низверженія Елизаветы въ пользу Іоанна Антоновича. Этимъ Фридрихъ дѣлалъ большую любезность Елизаветѣ.

И тѣмъ не менѣе Бестужева все-таки не могли устранить его многочисленные враги; противъ нихъ онъ выдвинулъ средство, практиковавшееся, правда, уже и другими—перлюстрацію писемъ и донесеній пословъ. Въ результатѣ получилась высылка Шетарди (6 іюня 1744 года), какъ человѣка, позволившаго себѣ дерзко и неуважительно отзываться о довѣрявшейся ему императрицѣ. Бестужевъ послѣ этого укрѣпился и, назначенный канцлеромъ, легче могъ проводить свою систему, которую онъ считалъ „древней Россійской и толь паче государя Петра Великаго системой“ (8). Съ этого времени Бестужевъ выступаетъ убѣжденнымъ и постояннымъ врагомъ Фридриха II. Да и дѣйствительно трудно было удержаться отъ враждебныхъ отношеній противъ Фридриха, который рѣшительно не стѣснялся въ своей политикѣ, часто говоря одно и дѣлая совершенно другое. Бестужевъ старался всячески мѣшать усиленію Фридриха и сдерживать его, окружая цѣпью союзовъ. Боясь отчасти за свое личное вліяніе, онъ старался разорвать дипломатическія сношенія съ Пруссіей, чтобы вы-

жить изъ Петербурга прусскаго посланника, который поддерживалъ интриговавшихъ противъ Бестужева его враговъ, что ему и удалось въ 1750 году. Въ борьбѣ съ Фридрихомъ Бестужевъ думалъ опираться на Англію, такъ какъ Англія враждовала изъ-за колоній съ Франціей, а Франція, въ свою очередь, была въ вѣковой враждѣ съ Австріей изъ-за соперничества за преобладаніе въ дѣлахъ Европы. Исходъ войны за Австрійское наслѣдство уже поколебалъ эти старыя отношенія. Франція, стремившаяся всегда ослабить и раздробить Германію, увидѣла, что вмѣсто ослабѣвшей Австріи теперь тамъ оказалось новое государство со свѣжими силами и энергичнымъ главою—это Пруссія съ королемъ ея Фридрихомъ II, завладѣвшимъ Силезіей и стремившимся къ новымъ захватамъ. Правда, Пруссія была въ это время въ союзѣ съ Франціей, но на Фридриха II трудно было полагаться. Австрія также должна была понять, что Фридрихъ II, а не Франція, ея главный и самый опасный врагъ. Явилась поэтому мысль о сближеніи съ Франціей противъ Фридриха, но Франція держалась дружественныхъ отношеній съ Фридрихомъ и достигнуть здѣсь какого-либо успѣха не удалось даже и новому австрійскому канцлеру Кауницу. Но сближенію Австріи съ Франціей помогла измѣнчивость политики Англіи. Англія, будучи врагомъ Франціи изъ-за колоній, держалась союза съ Австріей, которая, въ свою очередь, поддерживала союзныя отношенія съ Россіей; вполнѣ послѣдовательно Англія должна была быть враждебна и къ союзнику Франціи Фридриху II. Между тѣмъ Англія, добившись отъ Россіи согласія на заключеніе субсиднаго договора, при чемъ дѣло только задержано было тѣмъ, что императрица Елизавета не рѣшалась ратификовать договоръ, въ то же самое время совершенно тайно вела переговоры съ Фридрихомъ о заключеніи союзнаго договора, которые и привели къ заключенію союза 16 января 1756 года. Отвѣтомъ на это было заключеніе въ Версали оборонительнаго союза между Франціей и Австріей 1 мая 1756 года (9). На упрекъ англійскаго посланника Кейта, что этотъ союзъ нарушаетъ прежнія дружественныя отношенія Австріи и Англіи, Марія-Терезія отвѣтила: „не я покинула старую систему, но

Англія покинула меня и систему, когда вступила въ союзъ съ Пруссіей. Извѣстіе объ этомъ поразило меня какъ громомъ. Я и король прусскій вмѣстѣ быть не можемъ, и никакія соображенія въ мірѣ не могутъ меня побудить вступить въ союзъ, въ которомъ онъ участвуетъ. Мнѣ нельзя много думать объ отдаленныхъ земляхъ, пришлось ограничиться защитою наслѣдственныхъ владѣній, и здѣсь я боюсь только двухъ враговъ: турокъ и пруссаковъ. Но при добромъ согласіи, которое теперь существуетъ между обѣими императрицами, онѣ покажутъ, что могутъ защищать себя, и что нечего имъ много бояться и этихъ могущественныхъ враговъ“ (10). Здѣсь Марія-Терезія выразила большую надежду на помощь и поддержку Россіи, чѣмъ ея канцлеръ Кауницъ, думавшій, что политика Россіи истекаетъ не изъ дѣйствительныхъ интересовъ, но зависитъ отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ, и что невозможно строить на Россіи продолжительную систему. То же самое повторялъ и англійскій посланникъ Вильямсъ, думая, что въ Петербургѣ все продажно, что можно подкупить и того, и другого. Отвѣтомъ на вѣроломство Англіи было твердое рѣшеніе русскаго правительства разорвать съ Англіей и немедленно начать войну съ Фридрихомъ, при чемъ уже Россія стала торопить Австрію. Императрица Елизавета твердо рѣшила бороться съ Фридрихомъ, а потому и согласилась на сближеніе съ Франціей и приступленіе Россіи къ Версальскому договору между Франціей и Австріей. Пока Австрія собиралась, Фридрихъ II самъ напалъ на Австрію и тѣмъ началъ семилѣтнюю войну.

Мы не будемъ слѣдить подробно за ходомъ семилѣтней войны, скажемъ только, что въ это время Россія твердо держалась союза съ Австріей и Франціей противъ Пруссіи и Англіи, не только при канцлерѣ Бестужевѣ, но и послѣ его паденія, такъ какъ императрица Елизавета твердо стояла на своемъ рѣшеніи одолѣть „скоропостижнаго“ прусскаго короля, и дѣйствительно довела его до полнаго истощенія силъ и средствъ къ концу своего царствованія.

Новый императоръ былъ ярымъ поклонникомъ прусскаго короля, чего онъ не умѣлъ скрывать даже и при

императрицѣ Елизаветѣ настолько, что нѣкоторые историки готовы были допустить возможность того, что Петръ III, будучи великимъ княземъ, сообщалъ тайно отъ императрицы нужныя свѣдѣнія Фридриху, проще сказать, служилъ ему шпіономъ, но доказательства, приведенныя уже Соловьевымъ, вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что этого никогда не было (11). Не мудрено, что при такомъ настроеніи Петръ III, едва вступивъ на престолъ, первымъ дѣломъ своимъ считалъ прекращеніе войны съ Фридрихомъ. Въ сущности, въ этомъ поступкѣ по тогдашнему положенію дѣлъ не было уже такъ много безразсудства, какъ это иногда хотятъ представить. Война уже шла нѣсколько лѣтъ; она поглотила огромное количество жертвъ людьми и довела разстройство финансовъ до огромныхъ, невѣроятныхъ размѣровъ; изъ доклада сената императору 8 мая 1762 года видно было, что изъ 15.350.636 руб. 93 коп. государственныхъ доходовъ на войско расходуется 10.418.747 руб. 70 коп.; между тѣмъ конечная цѣль ея—ослабленіе Фридриха—уже была достигнута, даже болѣе, чѣмъ предполагалось: Фридрихъ находился въ отчаянномъ положеніи, при полномъ истощеніи средствъ и возможности борьбы. Не въ интересахъ Россіи было окончательно губить его и тѣмъ возстановлять и даже увеличивать силу Австріи, вѣроломство политики которой Россія имѣла уже не разъ случай испытать на себѣ. Австрія въ это время стала уже вести себя двусмысленно въ вопросѣ о желаніи Россіи присоединить къ Россіи королевство Пруссію; канцлеръ Воронцовъ нотою 2 февраля 1761 года объявилъ, что императрица Елизавета Петровна замѣтила недружеское поведеніе Маріи-Терезіи, которая не сообщаетъ ей во-время всѣ дѣла, касающіяся Россіи, какъ союзной Австріи державы, но только тогда, когда они уже совершенно почти окончены. Между тѣмъ Россія до сихъ поръ раздѣляетъ съ Вѣнскимъ дворомъ „всѣ труды, бѣды, выгоды и пожертвованія“. Наслѣдникъ русскаго престола Петръ III, какъ герцогъ Голштинскій, заявлялъ настойчиво Даніи претензіи на Шлезвигъ. Вопреки первому секретному и сепаратному артикулу союзнаго трактата 1760 года Австрійскій кабинетъ совѣтовалъ прекратить требованія

отъ Даніи голштинскихъ земель. (Сообщеніе Эстергази отъ 29 іюля 1760 года). Этимъ объясняется отчасти угрожающій тонъ, принятый въ то время Даніей, въ переговорахъ о голштинскихъ дѣлахъ съ Петербургскимъ дворомъ (12). На Францію, дѣйствовавшую заодно противъ Фридриха, нельзя было полагаться — союзъ съ ней былъ случайный, а ранѣе Франція была всегда враждебна и дерзка по отношеніи къ Россіи. Такимъ образомъ, ясно, что для Россіи война была уже больше не нужна, а скорѣе нуженъ и выгоденъ миръ. Тѣмъ не менѣе изъ-за отсутствія такта и выдержки въ характерѣ Петра III это дѣло поведено было такъ, что казалось оскорбленіемъ достоинства русскаго государства и народа. Сразу, безъ всякихъ предупрежденій, приказано было войскамъ отступиться отъ прежнихъ союзниковъ, условія мира предложено было выработать и прислать самому Фридриху. Едва успѣвъ заключить миръ, уже повели дѣло и о заключеніи оборонительнаго союзнаго договора, а это было все равно, что объявленіе войны прежнимъ своимъ союзникамъ, еще не заключившимъ мира съ Фридрихомъ. Одно обстоятельство было особенно непріятно въ условіяхъ заключенія мира— это возвращеніе всѣхъ завоеваній Фридриху, между тѣмъ какъ ранѣе хотѣли удержать восточную Пруссію и обмѣнить ее съ Польшей на Курляндію,— это все казалось крайне обиднымъ. Кромѣ того Петръ III не забывалъ, что онъ герцогъ Голштинскій и рѣшился осуществить то, о чемъ мечтали голштинскіе герцоги, но не могли сдѣлать,—о возвращеніи Голштиніи Шлезвига, находившагося во владѣніи Даніи, и рѣшилъ это сдѣлать силами Россіи, хотя, въ сущности, Россіи не было никакого дѣла до Шлезвига и Голштиніи. Между тѣмъ Петръ повелъ съ Даніей дѣло такъ круто, что война стала неизбѣжной.

При такомъ положеніи внѣшней политики произошло низверженіе Петра III его супругой Екатериной, воспользовавшейся неудовольствіемъ противъ Петра III и спасшей себя тѣмъ отъ заточенія и униженія.

Императрица Екатерина II съ самаго вступленія на престолъ весьма энергично и внимательно относилась къ вопросамъ внѣшней политики и мало-по-малу про-

никлась убѣжденіемъ, что она вполнѣ цѣлесообразно и умѣло можетъ руководить этой политикой сама лично и лишь для выработки деталей и средствъ къ осуществленію своихъ плановъ прибѣгала къ совѣтамъ лицъ, ее окружающихъ. Первое мѣсто среди нихъ въ дѣлахъ внѣшней политики съ самаго начала занялъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель цесаревича Павла Петровича, опытный дипломатъ, высокообразованный и вполнѣ неподкупный человѣкъ. Съ 1763 года онъ оффиціально уже становится во главѣ завѣдыванія иностраными дѣлами, будучи назначенъ управлять Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ. Будучи однимъ изъ участниковъ переворота, Панинъ, однако, никогда не хотѣлъ быть льстецомъ, легко соглашающимся съ каждымъ мнѣніемъ императрицы. Нѣтъ, онъ въ своей дѣятельности всегда имѣлъ въ виду благо и выгоды своего отечества и не стѣснялся высказывать Екатеринѣ взгляды, хотя бы они и не были пріятны ей. Такъ въ самомъ началѣ царствованія уже произошло нѣкоторое недоразумѣніе по вопросу объ учрежденіи особаго Императорскаго Совѣта, который долженъ былъ существенно стѣснить дѣятельность императрицы. Онъ предположенъ былъ въ формахъ, сильно напоминающихъ подобный же Совѣтъ въ Швеціи, гдѣ Панинъ долго былъ посланникомъ и успѣлъ подробно изучить строй государства. Горячимъ защитникомъ учрежденія такого Совѣта былъ Н. И. Панинъ, желавшій обезопасить правленіе отъ вліянія фаворитовъ и „припадочныхъ“ людей, а это было крайне обидно для императрицы. Вслѣдствіе такого отношенія къ дѣламъ, Панинъ никогда не былъ любимцемъ, другомъ Екатерины, но былъ человѣкомъ, безъ услугъ котораго не представлялось возможнымъ обойтись. Старика А. П. Бестужева, возвращеннаго изъ ссылки и возстановленнаго во всѣхъ своихъ достоинствахъ, кромѣ канцлерскаго, Екатерина побаивалась—слишкомъ уже опредѣленной казалась его система и самъ онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы во-время могъ отступиться отъ системы, которой держался цѣлую жизнь. А безъ него только Панинъ, просвѣщенный дипломатъ, поклонникъ европейскаго просвѣщенія, опытный дѣлецъ и честный человѣкъ, могъ быть помощникомъ Екатерины въ дѣлѣ веденія внѣшней политики.

III.

Состояніе Россіи къ началу царствованія Екатерины II: численность населенія и его распредѣленіе по территоріи; экономическія условія; политическія и соціальныя условія.

Для болѣе правильнаго пониманія хода внѣшней политики первой половины царствованія Екатерины II, составляющей задачу настоящей работы, необходимо хотя вкратцѣ обозрѣть внутреннее состояніе Россіи и такимъ образомъ видѣть, какія средства и какой матеріалъ былъ въ рукахъ правительства, которымъ приходилось располагать и дѣйствовать.

Въ 1762 году, по даннымъ 3 ревизіи, населенія въ Россіи было 19 милліоновъ. Если не принимать во вниманіе населеніе тѣхъ областей, которыя вошли позже въ составъ Россійской имперіи, то населеніе областей, принадлежавшихъ Россіи въ 1762 году, ко времени послѣдней переписи 1897 года возросло до 65 милліоновъ, т.-е. увеличилось почти въ 4 раза. Значитъ, населеніе Россіи въ то время было въ 4 раза менѣе плотно, чѣмъ теперь. А если и теперь Россія страдаетъ скорѣе отъ недостатка населенія, чѣмъ отъ его переполненія, то можно себѣ представить, какъ подавляла человѣка величина разстояній въ то время, когда не было такихъ усовершенствованныхъ средствъ сообщенія, какія имѣются теперь, какъ она задерживала развитіе культуры. Для того, чтобы попасть, напр., въ Москву, единствен-

ный университетскій городъ Россіи въ то время, нужно было совершить тяжелое и опасное путешествіе. Нужно вѣдь помнить, что дороги были не безопасны отъ разбойниковъ, что проѣздъ былъ очень дорогъ и доступенъ лишь лицамъ очень состоятельнымъ, что, наконецъ, такія путешествія были необычны, и много людей рождалось, жило и умирало въ тѣсныхъ предѣлахъ своего родного города или села, ни разу не выѣзжая изъ него. Но невыгодная сторона малочисленности населенія сравнительно съ обширностью территоріи окажется еще невыгоднѣе, если принять во вниманіе, что населеніе при этомъ было распредѣлено по территоріи крайне неравномѣрно. Въ болѣе населенныхъ областяхъ старой Московской Руси еще могла кое-какъ двигаться впередъ культура, а въ глухихъ окраинахъ сѣвера, востока и юго-востока жизнь поневолѣ нисколько не развивалась, такъ какъ человѣкъ все время употреблялъ на борьбу за свое существованіе.

Городское населеніе въ 1762 г. составляло едва 3% всего населенія. А только эти 3% съ ничтожной прибавкой дворянства и составляли тотъ очень тонкій верхній слой общества, который былъ затронутъ культурной реформой Петра Великаго; тѣмъ не менѣе и изъ городского населенія $^{9}/_{10}$ было такъ же невѣжественно, какъ и сельское.

Общеобразовательныхъ школъ, доступныхъ для всего свободнаго населенія, не было почти совсѣмъ. Народная масса поэтому коснѣла въ невѣжествѣ. Начинанія Петра Великаго такъ и остались начинаніями. Ни Петру, ни его преемникамъ не удалось сдѣлать многаго по недостатку средствъ. При Петрѣ Великомъ войны, а послѣ него расточительность и часто безразсудность двора истощали тѣ скудныя средства, которыя можно было выжать изъ населенія. Крестьянское населеніе составляло въ Великороссіи и Сибири 7.153.890 душъ мужескаго пола, т.-е. $^{3}/_{4}$ всего населенія; изъ нихъ крѣпостныхъ было 3.786.771 д. мужескаго пола, т.-е. 52,9 % общаго числа крестьянъ. Крестьянство жило крайне бѣдно и не могло выбраться изъ своего печальнаго положенія, какъ въ силу крайняго невѣжества, царившаго въ его средѣ, такъ и въ силу безправія, въ

какое оно попало въ XVIII вѣкѣ, безправія, поддерживавшаго и усиливавшаго даже крайнее его невѣжество.

Господствующимъ типомъ экономической жизни въ теченіе всего XVIII вѣка было натуральное хозяйство, обходящееся почти совершенно безъ обмѣна. Натуральное хозяйство было и идеаломъ богатаго помѣщика, старавшагося имѣть у себя все свое, начиная отъ предметовъ первой необходимости, и кончая даже культурными потребностями, какъ напр., оркестрами музыки и цѣлыми трупами артистовъ, но это же натуральное хозяйство было и идеаломъ бѣднаго крестьянина, которому приходилось довольствоваться только тѣмъ, что онъ могъ самъ произвести въ своемъ хозяйствѣ, а деньги ему необходимы были лишь для уплаты повинностей. Немудрено поэтому, что ни фабрики, ни заводы, о насажденіи и развитіи коихъ въ Россіи, такъ хлопоталъ Петръ Великій, не могли процвѣтать и развиваться за отсутствіемъ сбыта. Изъ 100 фабрикъ, открытыхъ при Петрѣ, до времени Екатерины II уцѣлѣло только 22, а всего къ началу царствованія Екатерины II фабрикъ было около 200.

Центральная правительственная власть страдала тоже отъ многихъ существенныхъ недостатковъ: непрочность престолонаслѣдія, вслѣдствіе неопредѣленности и произвола, допущеннаго Уставомъ о престолонаслѣдіи 1722 года, обезпечивавшимъ за монархомъ право по своему желанію назначить себѣ преемника, отсутствіе прямыхъ по линіи и способныхъ къ правленію преемниковъ у царствовавшихъ лицъ, происходившій вслѣдствіе этого нѣкоторый произволъ въ избраніи изъ имѣющихъ права на престолъ кандидатовъ и вмѣшательство гвардіи въ престолонаслѣдные вопросы, расшатывали центральный правительственый механизмъ, что отражалось тяжело на всей странѣ. Въ связи съ участіемъ гвардіи въ переворотахъ развивалось все болѣе и болѣе привиллегированное положеніе шляхетства, добившагося существеннаго облегченія своихъ обязанностей нести государственную службу и увеличенія своихъ правъ въ отношеніи землевладѣнія и подчиненія ему крѣпостного крестьянства, все болѣе и болѣе приближавшагося къ полному закрѣпощенію и лишенію гражданскихъ правъ. Лег-

кость и безнаказанность, съ которыми совершались придворные перевороты, расшатывали авторитетъ и обаяніе монархической власти. Наконецъ, господство при дворѣ иностранцевъ вплоть до царствованія Елизаветы Петровны много также способствовало разстройству государственнаго управленія въ центрѣ и областяхъ и ослабленію престижа монархической власти.

Таково было положеніе Россіи къ началу царствованія Екатерины II, вступившей на престолъ также путемъ переворота и при дѣятельномъ участіи шляхетской гвардіи (1).

IV.

Первые шаги правительства Екатерина II во внѣшней политикѣ: 1) Отношенія къ Пруссіи. 2) Курлянскій вопросъ. 3) Вопросъ объ избраніи короля въ Польшѣ. Состояніе Польши. Роль русскихъ министровъ въ Польшѣ. Избраніе Станислава Понятовскаго. 4) Союзъ съ Пруссіей, какъ средство достиженія цѣлей по вышеуказаннымъ вопросамъ.

Вступая на престолъ послѣ переворота 28 іюня и заявляя, что переворотъ произведенъ во имя интересовъ Россіи, Екатерина одной изъ главныхъ ошибокъ Петра III объявила его миръ и затѣмъ союзъ съ Фридрихомъ II. „Слава Россійская“, говоритъ она въ манифестѣ, „возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе, а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего Нашего Отечества, совсѣмъ испровержены“ (1). Естественно было ожидать, что она возобновитъ войну съ Фридрихомъ. Такъ думалъ и самъ Фридрихъ, на котораго извѣстіе о переворотѣ произвело сильное впечатлѣніе; при извѣстіи о переворотѣ онъ приказалъ поспѣшно перевезти ночью свою казну въ Магдебургъ (2). Такъ думалъ и фельдмаршалъ Салтыковъ, который заключая изъ выраженій манифеста, что Екатерина вернется къ Елизаветинской политикѣ, занялъ снова очи-

щенныя было уже прусскія области; но скоро получилъ приказъ ихъ снова очистить, а Чернышовъ, который командовалъ войскомъ, дѣйствовавшимъ вмѣстѣ съ пруссаками противъ австрійцевъ, получилъ указъ Екатерины, въ которомъ она повелѣвала „объявить торжественно королю прусскому, что намѣреніе наше было и нынѣ есть всѣ средства употребить къ полученію общаго въ Европѣ мира. Но тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотложно, чтобъ, вы, получа сіе, немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію"... „Что же касается до заключеннаго въ послѣднее время мира съ его величествомъ королемъ прусскимъ, то мы нашего императорскаго величества именемъ повелѣваемъ его величеству объявить торжественно, что мы оный заключенный миръ съ его величествомъ содержать будемъ свято и нерушимо, доколѣ его величество къ разрыву онаго, а особливо при нынѣшнемъ случаѣ, явныхъ къ тому видовъ не подастъ" (3).

Такимъ образомъ, несмотря на свое заявленіе въ манифестѣ о вступленіи на престолъ, Екатерина объявила почти тотчасъ же, что желаетъ сохранить миръ съ Пруссіей. Причинъ, побуждавшихъ ее къ этому, было много. Прежде всего Екатерина побаивалась Фридриха, видя въ немъ выдающагося по уму человѣка, къ тому же весьма опытнаго въ политическихъ дѣлахъ, сумѣвшаго удержаться на своемъ мѣстѣ вопреки самымъ тяжелымъ критическимъ обстоятельствамъ. Она сознавала, что если онъ сдѣлается ея врагомъ, то будетъ врагомъ опаснымъ, могущимъ совершенно погубить ее. Она вѣдь хорошо знала, напр., обстоятельства вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, и то, какую роль въ этомъ вступленіи играло вмѣшательство иностранныхъ державъ. Она не желала, чтобы ее постигла участь Брауншвейгскаго дома, а положеніе было во многомъ похожее. Все было непрочно... Гвардія волновалась, вельможи, привыкшіе къ интригамъ, составляли всевозможные проекты, то, напр., думали объявить Екатерину только регентшей, то женить на ней Григорія Орлова; настроеніе народа тоже было неопредѣленное. Въ Москвѣ, напр., Екатерину встрѣчали съ враждебнымъ молчаніемъ (4). Екатеринѣ хотѣлось имѣть на всякій

случай поддержку въ Западной Европѣ. Гдѣ же она могла найти эту поддержку, кромѣ какъ не у Фридриха. Австрія была обезсилена, императрица бездѣятельна. Министры французскіе только и жили хитростями и могли надуть въ самую критическую минуту, Фридрихъ же былъ во всякомъ случаѣ выдающійся дѣятель, да притомъ уже извѣстный Екатеринѣ. Благодаря вѣдь его стараніямъ былъ устроенъ и бракъ ея съ Петромъ III. Все это и побудило ее искать мира съ Фридрихомъ. Миръ ей былъ нуженъ и для упроченія своего положенія и для того, чтобы можно было заняться внутренними дѣлами, которыя она считала запущенными; она надѣялась улучшить положеніе народа и тѣмъ оправдать себя въ совершеніи переворота. Въ замѣткахъ, которыя дѣлала Екатерина, еще будучи великой княгиней, она высказала рядъ мыслей, представляющихъ собою ея теоретическіе взгляды на разныя стороны государственной жизни, полученные путемъ чтенія различныхъ сочиненій по политической литературѣ. Въ замѣткѣ подъ цифрой 9 она говоритъ: „Миръ необходимъ этой обширной имперіи: мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; заставьте, если это возможно, кишмя кишить народъ въ нашихъ пространныхъ пустыняхъ. Миръ намъ доставитъ болѣе уваженія, чѣмъ случайности войны, всегда раззорительной“ (5). Уже можно было предвидѣть предстоящіе важные вопросы въ Польшѣ, гдѣ король Августъ III былъ близокъ къ смерти, и въ Курляндіи, и во всѣхъ этихъ вопросахъ Фридрихъ могъ быть какъ могучимъ помощникомъ, такъ и еще болѣе страшнымъ врагомъ. Поэтому въ интересахъ Екатерины было сохранить Фридриха и его Пруссію и не доводить Пруссіи до окончательнаго паденія. Ее нужно было сохранить, какъ тогда выражались, для политическаго равновѣсія; а эта идея „политическаго равновѣсія“ признавалась въ то время неоспоримой аксіомой политики.

Въ свою очередь и Фридрихъ долженъ былъ искать мира съ Екатериной. Паденіе Петра III поразило его, какъ громомъ; онъ зналъ, что Екатерина окружена людьми, большею частью ему враждебными, и боялся возможности возобновленія войны, черезчуръ хорошо зная силу русскихъ и отличныя качества русскаго войска.

Онъ всячески старается задобрить Екатерину, замѣнивъ, напр., непріятнаго для нея Гольца Сольмсомъ, Фридрихъ уже потерялъ охоту къ рискованнымъ предпріятіямъ и его желѣзная энергія съ годами стала уменьшаться, а положеніе его было довольно обособленное. Онъ не могъ надѣяться сблизиться съ Австріей, такъ какъ хотѣлъ во что бы то ни стало удержать за собой Силезію; не было надежды сблизиться и съ Франціей, а съ единственнымъ союзникомъ—Англіей была, по выраженіе Соловьева, „болѣе, чѣмъ холодность“ (6). Не мудрено поэтому, что и Фридрихъ стремился къ миру.

Польша въ это время находилась въ состояніи крайнаго упадка во всѣхъ отношеніяхъ. Главнѣйшей причиной этого упадка было безсиліе законодательной власти и разстройство исполнительной. Какъ же государство пришло къ такому безсилію и разстройству и почему это случилось, на этотъ вопросъ различно отвѣчали какъ польскіе, такъ и русскіе историки. Одни видятъ причины этого внутри самого польскаго государства, другіе же во внѣ, въ сильныхъ сосѣдяхъ, необходимо долженствовавшихъ такъ или иначе оторвать необходимыя для нихъ владѣнія, т.-е. въ Пруссіи и въ Россіи. Истина будетъ какъ на той, такъ и на другой сторонѣ, хотя, кажется, несмотря на всѣ притязанія сосѣдей, Польша могла бы удержаться отъ своей политической гибели, если бы внутренное состояніе ея было иное, а не такое безпорядочное во всѣхъ отношеніяхъ, какимъ оно было въ концѣ XVIII вѣка. Къ этому состоянію Польша шла неуклонно съ очень давняго времени и обстоятельства складывались такъ, что все и хорошее, и плохое одинаково въ своемъ результатѣ вело къ ослабленію и разстройству.

Въ эпоху реформаціи уже сказалась сильная разобщенность общества даже въ объединенной, повидимому, до сихъ поръ въ религіозномъ отношеніи католическихъ Польшѣ и Литвѣ; каждый шелъ своимъ путемъ, не было единодушія, и въ результатѣ реформація, возродившая другія страны, повела къ торжеству католической реакціи и связаннаго съ ней упадка въ религіозномъ и умственномъ отношеніяхъ. А какъ рели-

гіозная нетерпимость была опасна, въ особенности для Польши, для этого достаточно припомнить, что огромныя пространства земли, принадлежавшія Польшѣ, были населены православнымъ русскимъ народомъ, а городское населеніе состояло въ значительной степени изъ евреевъ, которые ранѣе гостепріимно принимались еще бывшими свободомыслящими и терпимыми въ религіозномъ отношеніи поляками, а потомъ попали въ весьма тяжелое положеніе въ политическомъ отношеніи, сохраняя за собой экономическое преобладаніе въ странѣ.

Само польское общество не было ни единодушно, ни однородно. Шляхетское сословіе захватило себѣ всѣ права, ослабило совсѣмъ власть короля, лишило его всякаго значенія, превратило государство въ республику, гдѣ не было сильной исполнительной власти и гдѣ не было возможности измѣнить это положеніе, потому что законодательная власть, принадлежавшая сейму, въ сущности не существовала, такъ какъ разбивалась о партійность и непониманіе общихъ цѣлей государства отдѣльными мѣстными сеймиками и объ извѣстное пресловутое „liberum veto“, а измѣненіе этого положенія сейма не представлялось возможнымъ сдѣлать мирнымъ путемъ. Лучъ свѣта въ это темное царство своеволія, насилія, ограниченнаго эгоизма и фанатизма могло бы внести просвѣщеніе, особенно просвѣтительныя идеи XVIII вѣка, но доступъ имъ былъ прегражденъ въ Польшѣ заботливымъ фанатическимъ духовенствомъ; школъ свѣтскихъ не было; онѣ всѣ были, въ сущности, духовныя, іезуитскія и другихъ орденовъ. Какъ тамъ учили и чему учили, вопросъ нынѣ уже достаточно разъясненный въ наукѣ.

Такъ какъ престолъ былъ избирательнымъ, то особенно много безпорядка бывало въ періодѣ подготовки къ избирательнымъ сеймамъ; шла тутъ борьба различныхъ партій, поддерживавшихъ различныхъ претендентовъ, и открывалось широкое поле вмѣшательству иностранцевъ.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ приближался, очевидно, къ смерти польскій король Августъ III, бывшій въ то же время курфюрстомъ саксонскимъ. Его глаза всегда были болѣе обращены на Саксонію, его наслѣдственное государство, чѣмъ на Польшу, и самъ онъ

извѣстенъ былъ только крайней бездѣятельностью, любовью къ роскоши и любовными похожденіями. Дѣламъ Польши онъ предоставлялъ итти, какъ имъ угодно. По смерти короля, случившейся въ 1763 году, по поводу выбора новаго въ Польшѣ, какъ всегда бывало тамъ въ такомъ случаѣ, начались смуты. Образовывались партіи. Но въ этотъ разъ простору этимъ партіямъ не оказалось: вмѣшались иностранцы.

Русскій дворъ еще со временъ Петра I имѣлъ наибольшее вліяніе при польскомъ дворѣ, такъ какъ Польша деморализовалась и слабѣла все болѣе. Августъ III, вступившій на престолъ также при дѣятельной помощи Россіи, передъ смертью сильно хлопоталъ о томъ, чтобы кандидатура его сына на польскій престолъ была поддержана Россіей, но это ему не удалось вслѣдствіе столкновенія изъ-за дѣлъ Курляндскихъ.

Въ Курляндіи былъ герцогомъ сынъ Августа III, принцъ Карлъ, а Екатерина, вступивъ на русскій престолъ, рѣшила возстановить на курляндскомъ престолѣ Бирона, подвизавшагося ранѣе въ Россіи, и затѣмъ попавшаго въ ссылку, въ Пелымъ. Принцъ Карлъ былъ выгнанъ. Польскій дворъ передъ смертью Августа изъза этого охладѣлъ очень сильно къ Россіи. Русскій дворъ не одобрялъ кандидатуры и другого сына Августа III, Ксаверія, и Екатерина рѣшила еще тогда доставить польскую корону во что бы то ни стало своему старому знакомому Станиславу Понятовскому. Тутъ было много интригъ. Французскій дворъ интриговалъ особенно сильно, желая провести кандидатуру Саксонскаго принца; онъ надѣялся, что вражда принцевъ къ Россіи уменьшитъ вліяніе Россіи на Польшу. Эти интриги заставили русскій дворъ продолжать начатое сближеніе съ Пруссіей, при чемъ хитрый Фридрихъ интриговалъ пуще всѣхъ. При дворѣ русскомъ высказывались различныя мнѣнія, при чемъ Панинъ держался мнѣнія о поддержкѣ проведенія въ короли Пяста, т.-е., природнаго поляка, каковымъ былъ Станиславъ Понятовскій, племянникъ Михаила и Августа Чарторыйскихъ. „Иностранный принцъ, говорилъ онъ Сольмсу, прусскому министру при русскомъ дворѣ, будетъ полякомъ только по имени; онъ будетъ дѣйствовать въ интересахъ того дома, къ ко-

торому принадлежалъ, и находиться въ зависимости отъ государства, посадившаго его на престолъ; между тѣмъ, какъ Пястъ, обязанный своимъ возвышеніемъ поддержкѣ короля прусскаго и Россіи, не только будетъ управлять республикой согласно съ конституціей, но еще болѣе будетъ питать признательность и, за оказанную ему услугу, сообразоваться съ ихъ видами (7). Поддерживая уже Понятовскаго, Панинъ дѣлалъ угодное Екатеринѣ и тѣмъ пролагалъ себѣ дорогу къ значенію одного изъ важныхъ совѣтниковъ ея по всѣмъ дѣламъ, хотя все-таки въ началѣ положеніе Панина было довольно шатко. Ему въ это время приходилось бороться со старикомъ Бестужевымъ, сторонникомъ елизаветинской системы дружбы съ Австріей. „Не могу скрыть отъ васъ, говорилъ онъ въ октябрѣ 1763 г. Сольмсу, что только Ея Величество и я стоимъ за прусскую систему, и я поступаю такъ не изъ какихъ-нибудь личныхъ видовъ, но единственно потому, что считаю ее наиболѣе выгодною для моего двора и наиболѣе славною для моей государыни. У вѣнскаго двора здѣсь столько друзей, сочувствующихъ прежней системѣ, что надо обладать необыкновенной твердостью и употреблять всевозможныя старанія, чтобы быть въ состояніи устоять противъ тѣхъ искушеній, къ которымъ они прибѣгаютъ для возстановленія ея и для подчиненія Россіи желаніямъ вѣнскаго совѣта. Я одинъ борюсь съ ними, но мнѣ нужна поддержка". Такую поддержку, по его мнѣнію, можетъ оказать только прусскій король, содѣйствуя планамъ русскаго двора. „Въ случаѣ, если бы Ея Императорскому Величеству могли быть указаны какіе-нибудь поводы сомнѣваться въ искренности намѣреній короля прусскаго и я былъ бы не въ состояніи представить неопровержимыя доказательства противному, то графу Бестужеву и приверженцамъ его скоро удалось бы свергнуть меня, а вмѣстѣ со мной опрокинуть то зданіе, надъ созданіемъ котораго я тружусь (8).

Фридрихъ соглашался поддерживать планы Екатерины относительно будущаго короля только подъ условіемъ союзнаго трактата Пруссіи съ Россіей. Вотъ какъ писалъ онъ объ этомъ Сольмсу:

„Несмотря на мое стремленіе исполнить все, что можетъ быть пріятно для русской императрицы, я, тѣмъ не менѣе, не въ состояніи заходить въ дѣлахъ Польши далѣе, чѣмъ я до сихъ поръ сдѣлалъ, до заключенія и подписанія союзнаго трактата. Точно также относительно предлагаемаго гр. Панинымъ изданія декларации съ цѣлью воспрепятствовать образованію конфедерации, вы замѣтите ему, что, послѣ изданія подобной декларации, легко можетъ случиться, что вспыхнетъ война, такъ какъ, если Россія введетъ въ Польшу свои войска, то почти несомнѣнно, что и Австрія со своей стороны сдѣлаетъ то же самое. Если тогда союзъ между мною и Россіей не будетъ дѣломъ рѣшеннымъ, то я не буду имѣть ни права, ни основанія вмѣшаться какимъ бы то ни было образомъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, если выборъ въ короли Польши падетъ на поляка, то, какъ вы согласились, до остального мнѣ должно быть совершенно безразлично, изъ дома ли Чарторыйскихъ онъ, или изъ какого-нибудь другого, а если я вхожу въ болѣе точныя указанія, согласныя съ видами Россіи, то дѣлаю это единственно изъ любезности къ императрицѣ, для чего, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы, чтобы союзный трактатъ между нами былъ предварительно рѣшенъ и подписанъ“ (9).

Мысль о томъ, что поддерживаніемъ избранія Станислава Понятовскаго королемъ, Фридрихъ дѣлаетъ любезность русскому двору, требующую въ вознагражденіе за себя также любезность—въ видѣ союза, видна также и изъ письма Фридриха къ Екатеринѣ. Онъ, напр., обнадеживаетъ Екатерину, говоря, что цѣль ея достижима, что стоитъ только сумѣть кстати разбрасывать въ Польшѣ деньги и угрозы, что надо опасаться только интригъ Франціи и Австріи, а что на войну онѣ не рѣшатся; нужно только остерегаться, чтобы онѣ не подняли противъ Россіи Порту; что поляковъ самихъ опасаться нечего: „Вступленіе въ Польшу войскъ вашего императорскаго величества, поддерживаемое сильными декларациями, остановятъ, по всей вѣроятности, ихъ запальчивость и пылкость. Большинство поляковъ пусты и трусливы, гордятся, когда почитаютъ себя защищенными отъ опасности, и пресмыкаются, когда опасность предста-

вляется глазамъ ихъ. Я думаю, что не будетъ пролито крови, развѣ только изъ носа или уха какого-нибудь шляхтича, разгорячившагося на маленькомъ сеймикѣ“ (10). Всѣ эти предсказанія, оправдавшіяся почти вполнѣ на дѣлѣ, ярко намъ показываютъ, какъ ясно схватывалъ и предугадывалъ напередъ ходъ политики геніальный умъ Фридриха.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти же слова Фридриха показываютъ, какъ настойчиво и нетерпѣливо добивался онъ союзнаго договора.

Сольмсъ свою неуспѣшность въ этомъ дѣлѣ оправдывалъ медлительностью русскаго двора, которая, къ слову сказать, вѣроятно, сильно бросалась въ глаза, такъ какъ о ней толкуютъ и англійскіе министры при русскомъ дворѣ: напр., лордъ Бокингамъ, въ одномъ своемъ донесеніи говоритъ: „дѣла идутъ съ болѣе, чѣмъ русскою медленностью, слѣдовательно и сама по себѣ „русская“ медленность бросалась въ глаза (11).

Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, эта медленность объясняется колебаніями Екатерины. Она боялась связать себя союзнымъ договоромъ и считала сначала возможнымъ для себя управиться съ польскими дѣлами безъ заключенія союза съ Пруссіей, но Панинъ стоялъ все время за союзъ и считалъ его необходимымъ. „Не бойтесь ничего, сказалъ онъ Сольмсу въ началѣ октября 1763 г., пока моя кровать стоитъ во дворцѣ, но когда вы услышите, что она вынесена оттуда, то точно также не сомнѣвайтесь, что вскорѣ за этимъ послѣдуетъ разрывъ между обоими дворами“ (Петербургскимъ и Берлинскимъ) (12).

Только тогда, когда и Екатерина убѣдилась, въ томъ, что союзъ съ Фридрихомъ ей нуженъ, не только для уложенія польскихъ дѣлъ, но и вообще для направленія всей внѣшней политики Россіи, она рѣшилась на него. 31 марта 1764 года договоръ былъ дѣломъ рѣшеннымъ.

По этому договору оба государства обезпечивали взаимно европейскія владѣнія другъ друга. Въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ, употреблялись сначала добрыя услуги для прекращенія войны; въ случаѣ же неуспѣшности, черезъ три мѣсяца по востребованіи, союзникъ выставляетъ 10.000 пѣхоты и

2.000 кавалеріи, въ случаѣ же нужды, оба государства соглашаются объ увеличеніи этого числа и о защитѣ всѣми силами.

1-я секретная статья: если нападеніе послѣдуетъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, на Россію со стороны Турціи и Крыма, а на Пруссію за Везеромъ, то вмѣсто войска помощь можетъ быть доставлена деньгами, именно уплатой по 400.000 рублей.

2-я секретная статья: союзники обязываются дѣйствовать за одно въ Швеціи для поддержанія равновѣсія между борющимися тамъ партіями; въ случаѣ опасности для существующей формы шведскаго правленія союзники соглашаются насчетъ средствъ отвратить опасное событіе.

3-я секретная статья: король гарантируетъ голштинскія владѣнія великаго князя.

4-я секретная статья о Польшѣ: „такъ какъ въ интересахъ обоихъ государей и русской, и прусскаго, чтобы польская республика сохраняла свое право свободнаго избранія короля, и чтобы старая династія не овладѣла избирательнымъ тономъ этой страны, оба вышеназванные государя обязываются мѣшать всѣми средствами, которыя окажутся въ ихъ распоряженіи, тому, чтобы Польша не была лишена своего права избранія и не была преобразована въ наслѣдственное королевство, и они также обѣщаютъ совмѣстно противиться, и, если окажется нужнымъ, даже силою оружія, всѣмъ планамъ и намѣреніямъ, которыя могли бы касаться этого, тотчасъ же, какъ только такіе планы будутъ обнаружены, для того, чтобы охранить республику отъ ниспроверженія конституціи и ея основныхъ законовъ.

Отдѣльная статья. Союзники со скорбью, замѣчая огромныя преслѣдованія, возбуждаемыя противъ ихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и Литвѣ, соглашаются покровительствовать этимъ, такъ называемымъ, диссидентамъ и даже добиться посредствомъ представленій королю и польской республикѣ того, чтобы эти самые диссиденты получили снова всѣ права, привилегіи, свободы и прерогативы, принадлежавшія имъ ранѣе много вѣковъ, или же, по меньшей мѣрѣ, если нельзя будетъ получить ихъ

сразу, то мѣшать по крайней мѣрѣ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ тому, чтобы ихъ положеніе не было еще болѣе отягощено".

Союзъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ, но можно было возобновить его и прежде.

Результатомъ этого договора было то, что кандидатъ Екатерины былъ водворенъ на предназначенное ему мѣсто безъ всякаго прекословія со стороны Фридриха и вопреки стараніямъ Австріи и Франціи.

ГЛАВА II.

СѢВЕРНАЯ СИСТЕМА. ВЛІЯНІЕ ИДЕИ „СѢВЕРНОЙ СИСТЕМЫ“ НА ВНѢШНЮЮ ПОЛИТИКУ РОССІИ.

V.

Сѣверная система. Союзъ съ Пруссіей—ея реальное основаніе. Ея цѣли. Отношеніе Фридриха къ плану „сѣверной системы“.

Итакъ, 31 марта былъ заключенъ союзъ Россіи съ Пруссіей, который одинаково казался нужнымъ и той и другой сторонѣ. Раньше мы уже показали, насколько союзъ съ Россіей нуженъ былъ Фридриху. Тогда же было указано также, что не менѣе нуждалась въ этомъ союзѣ и Екатерина, какъ по соображеніямъ государственнаго характера, такъ и чисто личнаго, но кромѣ этихъ, чисто реальныхъ, побудительныхъ къ союзу причинъ была еще одна—характера чисто принципіальнаго—это то, что иностранной политикѣ Россіи хотѣли дать извѣстное направленіе по разъ задуманному и разработанному плану, а не держаться той политики случая и подкупа, каковой держались во 2 четверти XVIII вѣка. Авторомъ этого плана былъ Н. И. Панинъ, мало-по-малу ставшій во главѣ завѣдыванія иностранными дѣлами, конечно, при постоянномъ и непосредственномъ участіи Екатерины. Сама Екатерина, въ сущности, всегда была склонна направить ходъ русской политики по пути коньюктюръ.

Она сама это высказывала иногда въ частныхъ бесѣдахъ. Вспомнимъ, что въ письмѣ къ Бретейлю она сама говоритъ, что съ иностранными государями ведетъ себя, какъ опытная кокетка, а въ политикѣ она, какъ сама говорила своему личному секретарю Храповицкому, не руководится никакими принципами: „Вся моя политика основывается на трехъ словахъ: случай, союзъ, обстоятельства“ (1).

Такая политика случая господствовала и въ царствованіе Елизаветы Петровны. Хотя Бестужевъ и утверждалъ, что онъ держится системы Петра Великаго, но на самомъ дѣлѣ онъ также часто зависѣлъ, какъ отъ случая, такъ и отъ того, какой дворъ давалъ ему большую взятку.

Такъ англійскій министръ при русскомъ дворѣ Вилльямсъ въ 1755 году писалъ своему двору, кого нужно привлечь на свою сторону для того, чтобы русское правительство согласилось на союзъ противъ Фридриха, и при этомъ пишетъ счетъ суммъ, какія нужно употребить на подкупы. Бестужевъ тогда получилъ 10.000 фунтовъ стерлинговъ (2).

9 іюля 1756 г. этотъ же Вилльямсъ писалъ такъ: „Бестужевъ жалуется, что императрица даетъ ему только 7000 рублей въ годъ, которыхъ недостаточно для того, чтобы онъ былъ независимымъ. Если король Англіи захочетъ положить ему содержаніе въ 2500 фунтовъ стерлинговъ, то онъ впредь будетъ служить ему и будетъ вполнѣ ему преданъ“.

Если такъ поступать не стѣснялся Бестужевъ, твердившій о томъ, что онъ слѣдуетъ системѣ Петра Великаго, то о другихъ дѣятеляхъ того времени и говорить нечего—ихъ можно было склонить на свою сторону любому европейскому двору за менѣе значительныя суммы.

И вотъ вдругъ завѣдываніе внѣшней политикой Россіи попадаетъ въ руки двухъ лицъ, одинаково неподкупныхъ: одно—это Екатерина, другое—гр. Н. И. Панинъ.

Иностранные послы всѣ единогласно утверждаютъ, что Панинъ не бралъ денежныхъ суммъ отъ иностранныхъ дворовъ (3).

Панинъ, опытный и старый политикъ, пріобрѣтя довѣріе императрицы и ставъ во главѣ коллегіи иностран-

ныхъ дѣлъ, задумалъ дать опредѣленное направленіе русской внѣшней политикѣ и образовать „сѣверный аккортъ“ или союзъ некатолическихъ государствъ Европы противъ государствъ южныхъ—католическихъ.

Идея эта зародилась, впрочемъ, не у него самого, а у русскаго министра при датскомъ дворѣ Корфа, который, сообщилъ ее въ февралѣ 1764 г. Екатеринѣ и Панину, усвоившему ее и пытавшемуся разработать детально.

Идея эта заключалась въ слѣдующемъ: „Нельзя ли на Сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ противъ Бурбонскаго союза, который, кажется, чрезъ Австрійскій домъ получаетъ себѣ приращеніе, если Вѣнскій дворъ и до сихъ поръ находится въ союзѣ съ Франціей, то Англія перестанетъ попрежнему поддерживать равновѣсіе между Австріей и Франціей, слѣдовательно, принуждена будетъ принять чью-нибудь сторону. Въ такомъ случаѣ что же ей другое остается дѣлать, какъ не пристать къ сѣвернымъ державамъ. Если въ моемъ мнѣніи найдется что-нибудь полезное, то я увѣренъ, что такое дѣло предоставлено совершить вашему императорскому величеству“ (4).

Эту идею усвоилъ Панинъ и вскорѣ послѣ этого началъ о ней говорить уже, какъ о существующемъ фактѣ. Ставя въ основаніе системы Россію и Пруссію, Панинъ желаетъ главнѣйшимъ образомъ привлечь къ системѣ датскій и шведскій дворы, какъ сосѣдніе Россіи и Пруссіи и думаетъ, что Англія, очутившись одинокой, сама потомъ пристанетъ къ системѣ. Впервые о проектѣ „системы“ говоритъ Сольмсъ въ донесеніи Фридриху отъ 2 (13) марта 1764 г. еще до заключенія союзнаго договора, при чемъ Сольмсъ прямо говоритъ, что идея „сѣверной системы“ одна изъ побудительныхъ причинъ къ заключенію союзнаго трактата съ Пруссіей.

„Панинъ убѣжденъ, пишетъ онъ, что какъ только союзъ съ вашимъ величествомъ будетъ заключенъ и оглашенъ, Англія, Швеція и, можетъ быть, даже Данія, помимо протестантскихъ князей имперіи, заявятъ желанія присоединиться къ нему. Поэтому онъ еще болѣе желаетъ, чтобы этотъ трактатъ, долженствующій слу-

жить основаніемъ и образцомъ для прочихъ, поскорѣе былъ оконченъ“ (5).

Въ депешѣ королю отъ 17 апрѣля 1764 г., то-есть послѣ заключенія союзнаго договора, онъ уже подробно сообщаетъ планы Панина. „Цѣль системы должна заключаться въ сохраненіи мира и спокойствія на сѣверѣ, она не будетъ сколько-нибудь спеціально направлена противъ частныхъ интересовъ Англіи, Франціи, Испаніи или Австріи, хотя, по важности, которую она пріобрѣтетъ, она будетъ не только въ состояніи, но, въ силу самаго назначенія своего, можетъ быть поставлена въ необходимость вмѣшаться въ нихъ, какъ только усилія одной или всѣхъ державъ, связанныхъ между собою фамильными договорами, будутъ стремиться къ измѣненію равновѣсія, существующаго въ настоящее время между европейскими державами“ (6).

Заключенный уже Пруссіей и Россіей союзъ долженъ послужить основаніемъ зданію сѣверной системы, а тѣ, которые впослѣдствіи образуются съ прочими дворами, будутъ примѣнены къ нему.

Данію Панинъ полагалъ легко привлечь къ системѣ уступкою герцогства Голштиніи, а затѣмъ, совмѣстно съ Даніей и Пруссіей, дѣйствовать въ Швеціи для того, чтобы и ее привлечь къ системѣ и уничтожить тамъ сильное французское вліяніе. Вторая секретная статья договора съ Пруссіей поэтому и касалась Швеціи: союзники обязывались дѣйствовать за одно, поддерживать существующую тамъ форму правленія; такими согласными дѣйствіями союзники могли, какъ надѣялся Панинъ, уничтожить въ Швеціи французское вліяніе и сдѣлать, такимъ образомъ, это королевство столпомъ великаго сѣвернаго союза. Польшу Панинъ сначала также былъ не прочь считать однимъ изъ столповъ сѣверной системы. Онъ полагалъ, что Польша, избавившись путемъ реформъ отъ вѣковыхъ неурядицъ, можетъ быть полезной союзницей Россіи противъ Турціи и въ этомъ отношеніи замѣнить Австрію, ставшую враждебной Россіи изъ-за союза съ Пруссіей.

Съ Англіей о сѣверной системѣ заговорили также уже въ 1764 г., какъ это видно изъ донесенія гр. Букингамскаго своему двору отъ 6-го ноября 1764 г., гдѣ онъ пи-

шетъ своему правительству: „Изъ всего моего разговора съ Панинымъ, очевидно, что хотя онъ сильно желаетъ соединить сѣверныя державы для устрашенія Бурбонскаго дома, тѣмъ не менѣе онъ твердо рѣшился сбросить на долю Англіи большую половину издержекъ“ (7).

Въ Англіи въ общемъ отнеслись сочувственно къ идеѣ „сѣверной системы“, но хотѣли получить ее даромъ, безъ всякихъ для себя хлопотъ и жертвъ, Панинъ же хотѣлъ и ее привлечь къ несенію общихъ тяготъ „системы“, почему переговоры о союзѣ безъ конца тянулись безъ всякаго успѣха, какъ это мы подробнѣе разсмотримъ ниже.

Изъ всего сказаннаго понятно, что съ самаго начала успѣшность „системы“ должна была зависѣть, главнымъ образомъ отъ главнѣйшихъ членовъ ея, уже заключившихъ союзный договоръ,—то-есть Россіи и Пруссіи. Предположенія Россіи мы видѣли. Посмотримъ теперь, какъ отнесся къ идеѣ „сѣверной системы“ Прусскій король.

Фридрихъ рѣшительно не хотѣлъ знать никакой системы. Хитро притворяясь сочувствующимъ ей, онъ всегда и во всемъ велъ свою линію, и притомъ велъ ее настолько искусно, что успѣлъ переубѣдить своихъ новыхъ союзниковъ въ самыхъ существенныхъ, основныхъ идеяхъ построенія „сѣверной системы“.

Ниже мы увидимъ, какъ онъ отнесся къ вопросу о реформахъ въ Польшѣ, а, слѣдовательно, и къ вопросу объ участіи Польши въ сѣверной системѣ, теперь же обратимъ вниманіе на то, что онъ съ самаго заключенія союза упорно хотѣлъ лишь держаться союза съ Россіей, не входя ни въ какіе другіе союзы и обязательства, такъ что, въ сущности, „сѣверную систему“ хотѣлъ признавать лишь настолько, насколько можно было ему пользоваться ею въ свою пользу.

Вообще переговоры о соглашеніи дѣйствій для установленія „сѣверной системы“ съ Фридрихомъ весьма интересны и разсмотрѣніе ихъ можетъ въ подробности выяснить правильность высказаннаго выше взгляда.

Въ апрѣлѣ 1766 г. графъ Сольмсъ передалъ русскому правительству замѣчанія Фридриха относительно го-

сударствъ и государей, заслуживающихъ нѣкотораго вниманія для того, чтобы быть принятыми въ союзъ между Пруссіей и Россіей, то-есть въ „сѣверную систему", слѣдующаго содержанія: „Его величество, король прусскій, признавая за неоспоримое, что система государствъ, связанныхъ между собою фамильнымъ договоромъ, можетъ сдѣлаться опасною для спокойствія Европы, полагалъ бы весьма полезнымъ включить въ союзъ между ея величествомъ императрицей всероссійской и имъ— всѣ государства и всѣхъ государей, которые изъявятъ свое желаніе принять участіе въ ихъ планахъ и, совмѣстно съ ихъ императорскимъ и королевскимъ величествами, воспротивиться намѣреніямъ домовъ бурбонскаго и австрійскаго. Но его прусскому величеству кажется, что, судя по настоящему положенію дѣлъ, мало государствъ и государей будетъ расположено присоединиться къ этимъ видамъ, такъ какъ, насколько ему извѣстны ихъ чувства,—Саксонія вполнѣ зависитъ отъ вѣнскаго двора, Баварія связана съ Австріей, вслѣдствіе брака императора, духовные курфюрсты также преданы вѣнскому двору, потому что они избираются обыкновенно изъ австрійскихъ фамилій, курфюрстъ Палатинскій находится въ зависимости отъ Франціи; англійскій король, какъ курфюрстъ ганноверскій, имѣетъ свою собственную партію, герцогъ Брауншвейгскій преданъ Англіи, гессенскіе ищутъ того, кто имъ больше заплатитъ. Что касается республики Голландіи, то сомнительно, чтобы она пожелала присоединиться: во-первыхъ, вслѣдствіе значительной торговли, которую Амстердамъ ведетъ съ Франціей, а, во-вторыхъ, потому, что эта республика обыкновенно получаетъ свои главнѣйшіе доходы отъ торговли; датчане не въ силахъ дѣйствовать, если только имъ не дадутъ хорошей субсидіи, а положеніе шведовъ слишкомъ хорошо извѣстно для того, чтобы на нихъ разсчитывать. Его величество заключаетъ, что, кромѣ Польши, нѣтъ въ Европѣ другой державы, которая могла бы присоединиться къ этому союзу и связать свои интересы съ интересами его и русской имперіи" (8).

Здѣсь прямо и открыто говорится о невозможности практическаго осуществленія идеи „сѣверной системы" и нежеланіи Фридриха содѣйствовать ея осуществленію.

На эти замѣчанія Фридриха Екатерина сама составила отвѣты, интересные для насъ потому, что выясняютъ, какъ сама императрица думала о сѣверной системѣ и возможности ея практическаго осуществленія.

„Ея императорское величество находитъ, что самое вѣрное средство для поддержанія въ Европѣ равновѣсія противъ союза двухъ домовъ: австрійскаго и бурбонскаго заключается въ томъ, чтобы сѣверныя державы составляли между собою систему, совершенно независимую. Онѣ гарантируютъ себя этимъ отъ вмѣшательства во внѣшніе раздоры, въ которыхъ иначе онѣ обязаны были бы принимать участіе, какъ это бываетъ при обязательствахъ, заключаемыхъ на всякій случай. Онѣ не будутъ, вслѣдствіе этого, менѣе свободны принимать участіе въ означенныхъ раздорахъ, въ случаѣ надобности и насколько ихъ интересъ и выгода ихъ системы того потребуютъ. Что же касается расположенія различныхъ государствъ и государей Европы присоединиться къ системѣ и тѣхъ выгодъ, которыя изъ этого можно бы было извлечь, какъ для самой сѣверной системы, такъ и въ различныхъ частныхъ случаяхъ, то ея императорское величество полагаетъ, что было бы полезно привлечь въ сѣверный союзъ Саксонію, и думаетъ, что это государство, которое съ давнихъ поръ впуталось въ интересы слишкомъ многосложные австрійскаго дома, не прочь будетъ покинуть ихъ, когда въ состояніи будетъ сдѣлать это съ безопасностью. Союзъ съ сѣверными державами будетъ менѣе вовлекать его во внѣшніе раздоры, а, слѣдовательно, и подвергать меньшимъ опасностямъ, и такъ какъ достаточно было бы его пассивнаго участія въ союзѣ, то это положеніе вполнѣ согласовалось бы съ ощущаемою имъ необходимостью въ спокойствіи.

Итакъ, надо будетъ только предоставить ему наслаждаться этимъ спокойствіемъ и, оказавъ ему, кромѣ того, нѣкоторое снисхожденіе въ спорахъ, которые сосѣдство можетъ породить, не трудно будетъ поручиться за его готовность присоединиться къ видамъ системы.

Союзъ съ Англіей представляется для сѣверныхъ державъ столько же естественнымъ, сколько и полезнымъ. Эта держава навѣрно всегда будетъ на сторонѣ, враждебной Франціи. Собственная партія англійскаго

короля, какъ курфюрста ганноверскаго, будетъ тогда также на сторонѣ союза.

По присоединеніи къ сѣвернымъ державамъ Англіи, уже ей придется побудить Данію къ дѣятельности, и надо удержать это государство отъ заключенія какихъ-нибудь другихъ союзовъ. Сохраняя за Швеціей лишь пассивную роль въ ея союзѣ съ прочими сѣверными державами, эти послѣднія, кажется, получатъ все, чего онѣ могутъ желать. Ея императорское величество соглашается, что союзъ съ Польшею, при настоящемъ положеніи дѣлъ, поставитъ оба двора въ возможность дѣйствовать болѣе свободно въ пользу поддержанія въ Европѣ равновѣсія, вслѣдствіе безопасности, которую она доставляетъ со стороны Турціи. Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что Польша есть центральный пунктъ для сосредоточенія силъ Россіи и Пруссіи, и русскій дворъ не скроетъ, что для него весьма важно имѣть республику на своей сторонѣ, чтобы вознаградить себя за то, что онъ потерялъ по отношенію къ Портѣ, вслѣдствіе отдѣленія своихъ интересовъ отъ интересовъ австрійскаго дома“ (9).

Изъ этихъ отвѣтовъ видно, что Екатерина и въ 1766 г. Польшу еще считала важнѣйшимъ членомъ системы послѣ Пруссіи, между тѣмъ она уже въ 1764 году поддалась настойчивымъ убѣжденіямъ Фридриха не помогать полякамъ вывести свое отечество изъ хаотическаго состоянія и не постѣснялась поддержать силою свои требованія. А между тѣмъ вѣдь было ясно, что такой союзникъ, какъ Польша въ ея анархическомъ состояніи, принесетъ мало пользы. Вопросъ объ измѣненіи взгляда Екатерины на Польшу и о роли Фридриха въ этомъ вопросѣ будетъ разсмотрѣнъ ниже, теперь же разсмотримъ далѣе, какъ Фридрихъ относился къ идеѣ „сѣверной системы“.

Панинъ, носясь уже два года съ проектомъ системы и видя, что она осуществляется очень медленно и совсѣмъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось, въ 1766 г. напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы осуществить ее. Особенно ему хотѣлось убѣдить въ ея необходимости Фридриха. Поэтому вскорѣ послѣ обмѣна мыслями Фридриха и Екатерины, приведеннаго выше, чтобы попытаться еще разъ

убѣдить Фридриха въ важности системы, онъ послалъ къ Фридриху Сальдерна; на пріемѣ, состоявшемся въ Шарлотенбургѣ 8-го мая 1766 г., Сальдернъ и Фридрихъ толковали сначала о польскихъ дѣлахъ, при чемъ король распространился о томъ, что надобно непремѣнно оставить Польшу въ томъ положеніи, въ какомъ она теперь.

Затѣмъ онъ вошелъ въ длинное разсужденіе о томъ, что Россія и Пруссія не имѣютъ нужды ни въ какомъ другомъ союзѣ, кромѣ своего, и что онъ не желаетъ ни съ кѣмъ быть въ союзѣ, кромѣ Россіи.

Сальдернъ высказалъ противное мнѣніе, что Россія и Пруссія имѣютъ нужду въ приступленіи къ ихъ союзу другихъ державъ для утвержденія сѣверной системы, совершенно независимой; что это единственное средство обезпечить себя отъ чужихъ распрей и оказать услугу другимъ государствамъ, которыя естественно должны бояться страшнаго союза австрійскаго и бурбонскаго домовъ. Тутъ Фридрихъ прервалъ Сальдерна: „Я вамъ сказалъ, что намъ нечего бояться этого союза, который вамъ кажется такъ страшенъ; потому что это голь, у которой нѣтъ ничего денетъ“.

Сальдернъ продолжалъ выставлять необходимость сѣверной системы, въ которую естественно войдутъ государства активныя и пассивныя. Цѣль этой системы,— говорилъ онъ,—сохраненіе мира на долгое время для удержанія равновѣсія въ Европѣ, для поддержанія цѣлости Прусской монархіи, столь полезной и необходимой.

„Все это хорошо и прекрасно, замѣтилъ король, но что вы хотите сказать этими вашими государствами активными и пассивными?“

Сальдернъ отвѣчалъ, что на сѣверѣ три активныхъ государства: Россія, Пруссія и Великобританія. Фридрихъ засмѣялся: „Великобританія?—считайте ее за ничто въ настоящее время. Король самый слабый человѣкъ въ мірѣ; онъ мѣняетъ своихъ министровъ, какъ мѣняетъ рубашки. Въ чемъ же вы можете положиться на великобританское министерство? Развѣ вы не знаете, что министерство уже перемѣнилось; что герцогъ Графтонъ оставилъ свое мѣсто; можетъ быть замѣнитъ его графъ Эгмонтъ, самый горячій приверженецъ австрійскаго дома. Прошу не разсчитывать на Англію“.

Когда въ дальнѣйшемъ разговорѣ Сальдернъ замѣтилъ, что въ числѣ пассивныхъ государствъ желательно было бы имѣть Саксонію, то это взорвало Фридриха. Онъ прямо заявилъ: „дайте мнѣ управляться самому съ саксонцами, потому что тутъ дѣло идетъ о моихъ интересахъ“ (10).

Этотъ разговоръ представляется весьма интереснымъ потому, что здѣсь встрѣтились, такъ сказать, два типа политиковъ: трезвый, практическій, ясно сознающій свои цѣли и твердо стоящій на своемъ—Фридрихъ и Сальдернъ, выражавшій мысли и настроеніе Панина и императрицы Екатерины, усвоившей въ данномъ случаѣ, идею Панина. Его планы фантастичны, не имѣютъ подтвержденія въ существующихъ, уже сложившихся отношеніяхъ, и потому легко разбиваются возраженіями Фридриха, какъ мыльные пузыри вѣтромъ. Разговоръ, бывшій 8-го мая, продолженъ былъ на новой аудіенціи Сальдерна—13-го мая, когда Фридрихъ продолжалъ перебирать всѣ государства, долженствовавшія войти въ систему и старался доказать, что они не будутъ приносить системѣ никакой пользы. Трезвый умъ Фридриха уже тогда видѣлъ, что Франція и въ 10 лѣтъ не поправитъ своихъ финансовъ, а безъ денегъ не будетъ предпринимать ничего рѣшительнаго, что заставить англичанъ давать субсидію на устройство дѣлъ по плану системы въ Даніи и Швеціи—трудъ Геркулеса, т.-е., другими словами, что англичане не согласятся давать деньги, что дѣйствительно впослѣдствіи и оправдалось.

Интересно, что на этомъ второмъ свиданіи съ Сальдерномъ Фридрихъ не утерпѣлъ, чтобы вновь не заговорить о реформахъ въ Польшѣ. „Я васъ усердно прошу, сказалъ онъ, чтобы не было никакой перемѣны въ польской конституціи: все это будетъ вредно“. Сальдернъ сталъ увѣрять короля, что императрица никогда не думала ни о какой существенной перемѣнѣ въ формѣ польскаго правленія, и больше всѣхъ будетъ блюсти, чтобъ законы республики никогда не нарушались. Но при этомъ Сальдернъ просилъ Фридриха обратить вниманіе на то, что для Россіи очень важно, чтобъ Польша, въ отношеніи Турціи замѣнила для нея Австрію, которая, вслѣдствіе прусскаго союза, удалилась отъ Россіи.

На вопросъ короля, какъ это сдѣлать, Сальдернъ отвѣчалъ, что для этого можно позволить въ Польшѣ ввести нѣкоторыя реформы, а король опять настаивалъ на томъ, что надобно оставить Польшу въ летаргіи“ (11).

Итакъ, самый главный членъ предполагаемой системы—Фридрихъ энергично отказывался отъ нея, признавая ее практически неосуществимой. Поведеніемъ Сальдерна во время обѣихъ аудіенцій онъ былъ весьма недоволенъ и со свойственной ему рѣзкою насмѣшкой сдѣлалъ въ своихъ мемуарахъ такую замѣтку о немъ:

„Этотъ дипломатъ пріѣхалъ въ Берлинъ, **снабженный обширными проектами; графъ Панинъ составилъ ихъ и носился съ ними** по своему тщеславію. (et son goût le portait à l'ostentation et à l'éclat). Сальдернъ, не имѣвшій ни приличныхъ манеръ, ни тонкости разума, принялъ тонъ римскаго диктатора, чтобъ заставить короля согласиться на присоединеніе Англіи, Швеціи, Даніи и Саксоніи къ петербургскому договору. Такъ какъ этотъ проектъ былъ совершенно противенъ интересамъ Пруссіи, то король не могъ его принять... Какъ въ самомъ дѣлѣ можно было предполагать, чтобы король взялъ des arrangements съ Англіей, послѣ всего того, что ему было сдѣлано (éprouvé) съ ея стороны? Участіе Швеціи, Даніи и Саксоніи было ничтожно, потому ихъ можно было принудить къ дѣйствію только платя имъ большія субсидіи; даже болѣе, будучи заодно съ Россіей, онѣ могли раздѣлить вліяніе, которое король надѣялся получить въ этой странѣ. Поэтому лучшее было на время отдалить ихъ отъ Россіи, тѣмъ болѣе, **что не нужно было безъ необходимости черезчуръ увеличивать ея средствъ“.**

Всѣ эти причины заставили короля отклонить предложенія Сальдерна. Этотъ министръ разсердился, считая себя преторомъ Попиліемъ, и, принимая его величество за Антіоха, царя сирійскаго, онъ хотѣлъ предписывать законы государю; король, который не считалъ себя Антіохомъ, отпустилъ министра со всевозможнымъ хладнокровіемъ, увѣряя его, что будетъ всегда другомъ Россіи, но никогда не будетъ ея рабомъ“ (12).

И въ дальнѣйшемъ Фридрихъ всегда оставался врагомъ „сѣверной системы“. Яркую характеристику его дѣй-

ствій въ этомъ отношеніи даетъ завѣдывавшій англійскимъ посольствомъ Гейнрихъ Шерлей въ донесеніи своему двору въ ноябрѣ 1767-го года, т.-е. годъ слишкомъ послѣ свиданія Фридриха съ Сальдерномъ.

„Я долженъ сознаться, говоритъ Шерлей, что, по моему убѣжденію, онъ (Фридрихъ) не принимаетъ искренняго участія въ видахъ этого (русскаго) двора и **далеко не сторонникъ сѣверной системы**; что ничто, кромѣ необходимости (необходимости, происходящей отъ союза, естественно враждебнаго ему австрійскаго дома съ домомъ бурбонскимъ) не могло вынудить его обратиться къ покровительству Россіи; что если бы онъ только могъ безопаснымъ для себя образомъ дѣйствовать открыто, я полагаю, что онъ нимало не усомнился бы составить сильную оппозицію противъ намѣреній императрицы, и что онъ съ величайшимъ безпокойствомъ слѣдитъ за быстротой, съ которой ежедневно усиливаются ея сила и значеніе. Стоитъ внимательно прослѣдить за его дѣйствіями въ Константинополѣ, въ Польшѣ, въ Даніи и при здѣшнемъ дворѣ, для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ болѣе опасается Россіи, чѣмъ питаетъ преданность къ ея интересамъ; и что, хотя онъ не смѣетъ открыто заявить свои намѣренія и дѣйствуетъ только подъ рукой, тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры съ цѣлью **не допустить до выполненія системы Панина.** Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для него было бы чрезвычайно досадно видѣть прочный союзъ между королемъ (англійскимъ) и императрицей, а чѣмъ же объяснить это, если не опасеніемъ, что подобный союзъ доставилъ бы ей значительное могущество ([13]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ, по возможности, выяснена эта роль Фридриха въ переговорахъ о союзѣ Россіи съ сѣверными государствами.

VI.

Отношенія къ Россіи Австріи и Франціи,—державъ южныхъ, въ первые годы царствованія Екатерины II и вліяніе на эти отношенія идеи „сѣверной системы".

Саксонскому дому покровительствовали и Австрія и Франція. Изгнаніе его изъ Курляндіи и отстраненіе принца этого дома отъ польскаго престола, наконецъ, союзъ Россіи съ Пруссіей—все это враждебно настраивало, какъ Австрію, такъ и Францію.

Сѣверная система должна была ожидать этого охлажденія;—это вытекало прямо изъ ея плана; поэтому это охлажденіе не было для Россіи неожиданностью. Если мы теперь прослѣдимъ подробнѣй отношенія къ Австріи, то мы замѣтимъ, какъ эти отношенія становились все болѣе и болѣе натянутыми, виною чему были первые, еще не систематичные, такъ сказать, шаги сѣверной системы: сперва миръ, а потомъ и союзъ съ Пруссіей.

При извѣстіи о восшествіи на престолъ Екатерины въ Вѣнѣ сперва, естественно, возлагали много надеждъ на эту перемѣну. Надѣялись, что новая императрица пойдетъ по слѣдамъ покойной императрицы Елизаветы, вѣрной союзницы Австріи, тѣмъ болѣе что манифестъ, изданный Екатериною при восшествіи на престолъ и извѣщавшій подданныхъ объ этомъ событіи, казалось, оправдывалъ эти надежды.

Одна изъ причинъ, побуждавшихъ Екатерину на революціонное движеніе противъ Петра III формулировалась такъ: „Слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе заключеніемъ новаго мира съ

самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе“ и т. д.

Такія надежды выражены ясно въ собственноручномъ письмѣ императрицы Маріи Терезіи, въ которомъ она поздравляла Екатерину съ восшествіемъ на престолъ. Между прочимъ она писала такъ (1): „По моему мнѣнію, послѣ покойной императрицы Елизаветы, никто не могъ быть достойнѣе престола и никто не могъ достойнѣе замѣнить ее въ моемъ сердцѣ, какъ ваше величество. Жажду случая доказать вашему величеству мои чувства. Я такъ много полагаюсь на проницательность и взаимную вашу ко мнѣ дружбу, что надѣюсь отъ нея всего, чего только требуютъ наши общіе интересы и чего можно ожидать отъ вашего великодушія“. Екатерина, бывшая въ то время въ положеніи еще чрезвычайно шаткомъ, будучи угрожаема опасностью контръреволюціи, подобно случившейся ранѣе противъ правительницы Анны Леопольдовны, и не увѣренная въ преданности близкихъ къ ней людей, поспѣшила разсыпать въ собственноручномъ письмѣ всевозможныя сердечныя изліянія, хотя въ то же самое время, вѣроятно, уже подумывала о сближеніи съ врагомъ Австріи—Пруссіей. Она писала (письмо 22-го августа 1762 года) (2):

„Письмо вашего величества, которое мнѣ вчера передалъ гр. Мерси, доставило мнѣ тѣмъ большее удовольствіе, что оно совершенно соотвѣтствуетъ моимъ чувствамъ къ вашему величеству. Я благодарна за привѣтствія этого письма и особенно за ту честь, которая касается того, что Богу было угодно сдѣлать въ мою пользу; я всегда преисполнена была отличнѣйшимъ почтеніемъ къ особѣ вашей, я сердечно интересуюсь всѣмъ тѣмъ, что до васъ касается, и въ этомъ весьма охотно готова итти по слѣдамъ моей дражайшей тетки, покойной императрицы Елизаветы, которой память намъ обѣимъ такъ дорога. Ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ получить отъ васъ предложеніе дружбы. Я надѣюсь подать вамъ доказательство такой же дружбы и съ моей стороны. Наши общіе интересы скрѣпятъ эти узы дружбы“. Мы напрасно бы стали искать въ этихъ словахъ дѣйствительныя убѣжденія Екатерины. Здѣсь

все—одна вѣжливость и желаніе оставить противника подольше въ пріятномъ заблужденіи.

Между тѣмъ еще 6 іюля 1762 года посолъ Австріи, талантливый и ловкій дипломатъ гр. Мерси Аржанто, на конференціи съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ спросилъ, намѣренъ ли русскій дворъ сохранить свои прежнія обязательства по отношенію къ Австріи, т.-е. попросту говоря, намѣрена ли Екатерина, принимая во вниманіе дѣйствія Елизаветы, снова возобновить войну съ Пруссіей, прерванную Петромъ III, то отвѣтъ Екатерины показалъ, что она принимала во вниманіе не однѣ только личныя симпатіи.

Графу Мерси Аржанто отвѣтили, что императрица готова подавать всякіе опыты искренней своей дружбы императрицѣ-королевѣ (замѣтимъ, что Екатерина никогда и не думала быть другомъ Маріи-Терезіи, а скорѣй всегда была къ ней болѣе враждебна, чѣмъ дружественна), но что положеніе Россіи и истощеніе ея народа отъ продолжительной войны побуждаетъ ее отказаться отъ участія въ войнѣ. Затѣмъ 12 іюля 1762 года гр. Мерси писалъ своему министру Кауницу: „Вообще государыня рѣшилась (по словамъ князя Голицына) твердо держаться прежняго союза, при чемъ я снова привелъ надлежащія соображенія, которыя не могу почтительнѣйше привести здѣсь за недостаткомъ времени“... Далѣе онъ указывалъ, какъ, по его мнѣнію, нужно было бы дѣйствовать въ интересахъ обоихъ императорскихъ дворовъ, настаивая на необходимости активныхъ дѣйствій по отношенію къ Пруссіи... „Тѣхъ же самыхъ предметовъ касался я въ своемъ разговорѣ съ Панинымъ, который выразилъ еще болѣе убѣжденія въ томъ, что Россія въ настоящее время не въ состояніи расточать свои военныя силы внѣ русскаго государства; онъ высказалъ, что истощеніе страны доведено до крайней степени“, и что поэтому война съ Пруссіей не можетъ быть возобновлена. Въ концѣ донесенія онъ прибавляетъ: „Панинъ увѣрялъ меня съ своей стороны, что здѣсь признаютъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, существенную необходимость воспрепятствовать прусскому превосходству, что здѣшній дворъ искренно желаетъ этого, и самъ охотно, насколько въ его силахъ, будетъ

содѣйствовать тому. И такъ, единственно, что ставитъ серьезныя преграды добрымъ намѣреніямъ новой государыни это—истощенное состояніе Россіи, впрочемъ, государыня твердо рѣшилась придерживаться прежнихъ союзниковъ и сохранить государственную политическую систему, господствовавшую въ царствованіе покойной Елизаветы“ (3). Далѣе въ донесеніи Кауницу отъ 24 іюля 1762 года графъ Мерси пишетъ, что у лицъ, недавно вступившихъ въ здѣшнее (Петербургское) министерство, съ каждымъ днемъ, кажется, глубже, укореняются предразсудки, будто Россія достаточно мощна своими собственными силами, чтобы быть въ состояніи одной защищаться отъ всякаго будущаго иноземнаго нападенія; вслѣдствіе того здѣшній дворъ утверждается въ главномъ и основномъ правилѣ: заниматься преимущественно и прежде всего внутренними дѣлами, и думаетъ составить въ Европѣ, такъ сказать, особенное государство, могущее само по себѣ предписывать законы сосѣднимъ державамъ, при чемъ часто повторяютъ заявленіе, что Россія во всякое время много дѣлала для своихъ союзниковъ, не извлекая изъ того для себя существенной пользы; какъ и то, что всѣхъ иностранцевъ выключить должно изъ военной службы, и на таковую слѣдуетъ назначать впредь только природныхъ русскихъ“ (4). На конференціяхъ съ русскими министрами гр. Мерси настаивалъ все на томъ, чтобы они разъяснили ему, намѣрена ли императрица исполнять всѣ обязательства относительно Австріи, какъ они опредѣлены при императрицѣ Елизаветѣ, или съ какимъ-нибудь ограниченіемъ; Вѣнскому двору нужно знать объ этомъ тѣмъ болѣе, что заключенный въ бывшее правленіе договоръ съ Пруссіей теперь подтвержденъ и Вѣнскому двору еще не сообщенъ, а какъ извѣстно, одною статьею этого договора постановлено всѣ прежнія обязательства русскаго двора уничтожить“. На это ему былъ данъ такой отвѣтъ: „война, которая еще ведется съ королемъ Прусскимъ и изъ которой Россія вышла по обстоятельствамъ и государственнымъ причинамъ, представляетъ такой кризисъ въ Европѣ, что никакое государство не можетъ составить себѣ опредѣленной системы, ни обозначить своихъ интересовъ

относительно будущаго мира. При такихъ обстоятельствахъ всего вѣрнѣе искать утвержденія дружбы и добраго согласія въ пользѣ дѣйствительной, въ интересѣ общемъ, основанномъ на положеніи государствъ. Хотя внутреннія дѣла и государственныя причины потребовали, чтобы императрица не участвовала болѣе въ войнѣ, однако она доказала Вѣнскому двору, что смотритъ на его благосостояніе, какъ на свой истинный интересъ и сердечно желаетъ имѣть съ нимъ дружбу и тѣсную связь. Такъ какъ Вѣнскій дворъ уже знаетъ, что императрица не намѣрена участвовать въ настоящей войнѣ, то ея величество думаетъ, что ея стараніе объ общемъ мирѣ будетъ имѣть гораздо больше значенія, если противная сторона положительно знаетъ, что русскій дворъ не вышелъ изъ центра своей системы, и что стараясь доставить выгоды своему естественному союзнику, онъ сохранилъ себѣ свободныя руки и держитъ значительную армію на границахъ".

Гр. Мерси продолжалъ настаивать на болѣе опредѣленномъ отвѣтѣ относительно отношеній къ Пруссіи и обязательствъ императрицы Елизаветы, „намѣрена ли императрица Екатерина исполнять ихъ всѣ, или съ какою-нибудь перемѣною, ибо эти обязательства, будучи уничтожены послѣднимъ договоромъ съ Пруссіей, даютъ причину думать, будто русскій дворъ въ настоящую минуту не имѣетъ никакихъ союзныхъ договоровъ, кромѣ упомянутаго прусскаго. Если императрица смотритъ на благополучіе Вѣнскаго двора, какъ на свой существенный интересъ, то этотъ дворъ долженъ бы ласкать себя надеждою, что императрица объявитъ это его непріятелямъ и будетъ на самомъ дѣлѣ стараться, чтобы Вѣнскій дворъ не впалъ въ крайній упадокъ и истощеніе отъ настоящей войны. Заключенный съ Прусскимъ дворомъ договоръ и неподтвержденіе съ Вѣнскимъ прежнихъ обязательствъ не только русскому двору не оставляетъ свободныхъ рукъ, но напротивъ связываетъ ихъ. Простое содѣйствіе русскаго двора Вѣнскому при общемъ мирѣ предвозвѣщаетъ мало пользы послѣднему. Прусскій король, несмотря на великія благодѣянія, оказанныя ему русскою императрицею, выведшею его изъ совершенной гибели, не обращаетъ никакого вниманія

на русскія представленія и заступничество. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, королю Прусскому объявить, что русскія войска изъ его владѣній прежде не выйдутъ, пока онъ не исполнитъ требованій императрицы".

Канцлеръ на это отвѣчалъ по прежнему, что при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ Вѣнскій дворъ самъ долженъ признать, что русскій дворъ не можетъ вступить въ новую войну съ королемъ Прусскимъ (5). Да о согласныхъ дѣйствіяхъ съ Австріей противъ Пруссіи при русскомъ дворѣ совсѣмъ и не думали; не могли того же предполагать и въ Австріи. Поэтому на предложенія кн. Дмитрія Голицына, русскаго посла въ Вѣнѣ, русской медіаціи для заключенія мира съ Пруссіей, ему отвѣтили, что „хотя Вѣнскій дворъ очень благодаренъ императрицѣ за попеченіе о его пользѣ и очень хвалитъ человѣколюбивое намѣреніе принять на себя посредничество въ прекращеніи войны, но не хочетъ прежде времени откровенно высказать свои мысли, чтобы Прусскій дворъ не возгордился и не приписалъ такого съ австрійской стороны поступка слабости и недостатку силъ къ продолженію войны, притомъ обязательства и тѣсная дружба Вѣнскаго двора съ французскимъ не позволяютъ первому лишней откровенности ни съ какою другою державою иначе, какъ по согласію съ Франціею. Здѣшній дворъ изъявляя искреннѣйшую свою благодарность за посредничество, писалъ Голицынъ, считаетъ, однако, себя въ правѣ былъ осторожнымъ, видя, къ своему сожалѣнію, что Россія хочетъ дѣйствовать заодно съ Австріей только по дѣламъ, касающимся Оттоманской Порты". „Гр. Кауницъ, писалъ далѣе Голицынъ, все мною ему представленное принялъ отъ меня съ особливою скромностію, и ничего въ немъ не можно было примѣтить, кромѣ прискорбія и сожалѣнія, что издавна установленный между императорскими дворами союзъ остается на одной дружбѣ и согласіи".

Въ началѣ 1763 года Австрія, совершенно истощенная и покинутая своими союзниками, должна была повести переговоры съ Пруссіей въ Губертсбургѣ о мирѣ.

Отношенія Австріи къ Россіи послѣ этого не стали лучше. Теперь начинались сразу недоразумѣнія изъ-за

кандидатуры на польскій престолъ, который могъ оказаться вакантнымъ вслѣдствіе того, что король Августъ III былъ при смерти. Австрія и Франція хотѣли непремѣнно, чтобы польскій престолъ остался въ рукахъ Саксонскаго дома и перешелъ къ одному изъ братьевъ Августа, между тѣмъ какъ Екатерина хотѣла во что бы то ни стало посадить на польскій престолъ своего кандидата изъ Пястовъ (прирожденнаго поляка), лично ей извѣстнаго Станислава Понятовскаго, и Фридрихъ II соглашался поддерживать кандидата императрицы Екатерины лишь въ томъ случаѣ, если съ нимъ Екатерина согласится на союзный договоръ. Австрія была такъ истощена, что ея бояться было нечего, умъ же Фридриха и его энергія могли бы оказаться очень опасными,—понятно, что Екатерина и ея дворъ должны были скорѣе считаться съ Пруссіей, чѣмъ съ Австріей, а это все болѣе и болѣе озлобляло Вѣнскій дворъ.

Въ концѣ 1763 года графъ Мерси былъ замѣненъ въ С.-Петербургѣ княземъ Лобковичемъ, который въ первомъ же своемъ донесеніи изъ Петербурга (10 января 1764 года) говоритъ, что Панинъ встрѣтилъ его при первомъ посѣщеніи любезно, но холодно, а императрица (по словамъ его дальнѣйшихъ донесеній) выказываетъ къ нему холодность и не приглашаетъ къ себѣ, въ Красное Село, какъ пословъ другихъ государствъ (6).

Когда былъ заключенъ русско-прусскій союзъ, что повлекло за собой содѣйствіе Пруссіи въ дѣлѣ возведенія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, то это все казалось гр. Лобковичу для Вѣнскаго двора невыгоднымъ, и если когда-либо съ этой стороны пришли бы къ болѣе дружескому соглашенію, то „это было бы по всей вѣроятности только хитрымъ намѣреніемъ вовлечь нашъ высочайшій дворъ въ союзъ противъ Порты и дать къ этому случай (7).

Улучшенія отношеній къ Австріи назрѣваетъ весьма медленно и незамѣтно. Въ апрѣлѣ 1767 года Лобковичъ пишетъ: „судя по обращенію Панина русскій дворъ намѣренъ сохранить съ Вѣнскимъ вполнѣ дружественныя отношенія. Все-таки я не могу оставить незамѣченнымъ то, что я получаю изъ различныхъ мѣстъ,

при которыхъ Панинъ при всякихъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о нашемъ высочайшемъ дворѣ, пользуется такими выраженіями, которыя указываютъ на исключительное уваженіе здѣшняго двора и также самыя откровенныя желанія въ будущемъ быть съ нами въ единомысліи“ (8).

Въ іюлѣ того же года дружелюбныя заявленія Вѣнскаго двора были весьма благопріятно встрѣчены Панинымъ, который далъ понять, что желаніе Вѣнскаго двора сохранить общій миръ будутъ въ высшей степени пріятны и императрицы Екатеринѣ (9).

Впрочемъ, все время, начиная съ Губертсбургскаго мира, Австрія поневолѣ должна была отказаться отъ самостоятельнаго и энергическаго образа дѣйствій вслѣдствіе крайняго истощенія государства войною и потому поневолѣ должна была итти за своимъ союзникомъ, единственнымъ оставшимся до сихъ поръ,—Франціей. Поэтому-то и русское правительство гораздо больше прислушивалось къ тому, что говорилось и замышлялось въ Версали, чѣмъ въ Вѣнѣ.

Во Франціи, также какъ и въ Австріи, на переворотъ 28 іюня возлагали сначала большія надежды. Какъ и въ Австріи, здѣсь надѣялись на возобновленіе стараго союза трехъ государствъ: Австріи, Франціи и Россіи. Такъ, 2 іюля 1762 года секретарь французской миссіи Беранже доноситъ маркизу Шуазелю: „Кажется, что съ настоящаго момента вліяніе Вѣнскаго двора будетъ преобладающимъ при здѣшнемъ... Графъ Мерси старается угождать всѣмъ, онъ единственный посолъ и съ нимъ обращаются съ величайшимъ вниманіемъ и величайшимъ уваженіемъ. Все предвѣщаетъ, что возвращеніе г-на Бестужева будетъ еще болѣе благопріятно для Вѣнскаго двора“ (10). Далѣе онъ прибавляетъ, что императрица старается выражать открыто свои симпатіи къ французамъ.

Скоро, однако, въ этихъ надеждахъ пришлось понемногу разочаровываться. Уже 5 іюля Беранже доноситъ: „меня увѣряли, что новая императрица послала курьера къ прусскому королю извѣстить его, что она желаетъ конфирмовать и ратификовать миръ, заключенный между нимъ и царемъ“ (т.-е. императоромъ Петромъ III). Распространяется слухъ, что русскія войска эвакуиро-

вали прусскія владѣнія, и что новообразимое истощеніе Россіи, страшныя потрясенія, которыя только что колебали ее, броженіе и внутренняя смута, необходимость укрѣпить новое и колеблющееся царствованіе спокойнымъ состояніемъ государства, боязнь вторженія со стороны татаръ, всѣ эти соображенія и тысячи еще другихъ заставляютъ вѣрить, что Россія откажется отъ продолженія этой гибельной и невыносимой долѣе для нея войны“ (11).

Мирный договоръ съ Пруссіей и выведеніе изъ нея русскихъ войскъ указывали на то, что русская политика не будетъ итти по старымъ путямъ елизаветинскаго времени. На совѣты Франціи удержаніемъ русскихъ войскъ въ Пруссіи заставить Фридриха заключить миръ, русскій дворъ отвѣтилъ, что, когда уже миръ заключенъ, было бы не въ интересахъ имперіи и человѣколюбія давать опять поводы къ войнѣ, дѣйствуя насильственными мѣрами. Это все, конечно, положило начало охлажденію между дворами. Но это охлажденіе между дворами—русскимъ съ одной стороны и французскимъ и австрійскимъ—съ другой, уже должно было ожидаться отъ сближенія съ Пруссіей. Немудрено, что очень скоро инструкціи послу барону Бретейлю изъ Версаля становятся враждебными русскому двору. Такъ уже въ инструкціи 10 сентября 1762 года говорится: „Вы уже знаете и я (король) еще разъ повторяю теперь совершенно ясно, что единственная цѣль моей политики по отношенію къ Россіи—это удалять ее, насколько будетъ возможно, отъ дѣлъ Европы“ (12).

Такимъ образомъ, сближеніе съ Пруссіей повело къ ослабленію и паденію старыхъ связей съ Австріей и Франціей.

Въ силу этого ослабленія связей Россіи съ Австріей и Франціей, у этихъ послѣднихъ явилась потребность сближенія, и мы, дѣйствительно, это и замѣчаемъ. Бокингамъ уже 25 апрѣля 1763 года могъ написать, что „Вѣнскій дворъ управляется французскими совѣтами“ (13).

Русскому двору, согласно предположенной системѣ, нужно было сближаться съ государствами сѣверной Европы, кромѣ Пруссіи съ Англіей, Швеціей и Даніей.

Но между этими государствами и Россіей было чрезвычайно мало общихъ интересовъ, а было болѣе причинъ для того, чтобы эти государства „брели розно“. Каждое государство всегда, понятно, преслѣдуетъ прежде всего свои собственные интересы. Но въ то время для сѣверныхъ государствъ выгоды одного были противоположны выгодамъ другого.

Какъ мы увидимъ подробнѣе далѣе, несмотря на всѣ старанія Россіи, сѣверная система не удавалась: сближенія не было, а если и было, то государства вели дѣло своекорыстно, и каждое старалось только провести другое.

Пруссія благодаря уму и коварству Фридриха II, почти безсовѣстнымъ образомъ эксплуатировавшаго своихъ союзниковъ, старалась только о себѣ, а о Россіи и ея интересахъ и думать позабыла. Швеція, какъ и ранѣе, все злобилась на Россію за отнятыя еще Петромъ Великимъ земли и затаивала проявленія своей вражды только до удобнаго момента.

Англія не хотѣла ничего дѣлать безъ заключенія торговаго договора съ Россіей, вреднаго и убыточнаго для послѣдней.

VII.

Отношенія къ Россіи державъ сѣверныхъ: Англіи, Даніи и Швеціи въ первые годы царствованія Екатерины II.

Прослѣдимъ теперь, какъ слагались отношенія Россіи къ державамъ сѣвернымъ—Англіи, Швеціи и Даніи, которыя по плану „сѣвернаго аккорта“ нужно было склонить къ согласному образу дѣйствій.

Съ самаго начала царствованія Екатерины II, отношенія къ Англіи были очень дружественны (1). Этому способствовало то, что Панинъ, скоро ставшій, по выраженію секретаря Французской миссіи въ Петербургѣ, Беранже, „главнымъ двигателемъ въ машинѣ“, держался мысли, что, самый полезный и самый естественный союзникъ для Россіи, это—Англія, что другихъ союзниковъ и не нужно вовсе искать, что англичане одни могутъ вывозить русскіе товары, давать сбыть всѣмъ продуктамъ и ввозить въ Россію всѣ предметы комфорта и роскоши, которыхъ ввозъ должно ограничить или уменьшить для развитія искусства въ Россіи, или даже и совсѣмъ запретить законами противъ роскоши, что, наконецъ, торговыя связи съ Англіей, единственно на самомъ дѣлѣ выгодны для этой страны, и что эти два государства прямымъ и твердымъ союзомъ должны взаимно сообщить себѣ уваженіе и преимущественное вліяніе въ Европѣ“ (2).

Поэтому какъ-будто хотѣли возобновить союзъ съ Англіей, такъ какъ съ Фридрихомъ отношенія еще не уяснились. 21 сентября 1762 года Екатерина писала русскому министру въ Лондонѣ гр. А. Р. Воронцову, что она желаетъ видѣть миръ, что съ прискорбіемъ видитъ короля прусскаго несклоннымъ къ миру, и что за нема-

лый способъ пресѣченія войны она считаетъ неплатежъ Англіей субсидіи Пруссіи и согласіе между Англіей и Россіей, которое она покажетъ себя склонной умножить и утвердить охотно (3).

Англія въ дѣйствіяхъ относительно Фридриха хотѣла стать въ сторонѣ, такъ какъ прежнія неудачи отбили у ней охоту вмѣшиваться въ дѣла материка, да и Фридрихъ принималъ заявленія англійскія безъ всякаго уваженія.

Англія стала скоро стараться о возобновленіи елизаветинскаго союзнаго и оборонительнаго трактата и торговаго договора. Екатерина же допускала только возможность заключенія такого торговаго договора, который бы не тормозилъ русской торговли, а отъ заключенія союзнаго и оборонительнаго трактата рѣшила уклоняться до тѣхъ поръ, пока дѣла въ Европѣ не прояснятся болѣе или менѣе, и пока не установятся отношенія Россіи къ различнымъ государствамъ (4).

На заявленіе тогдашняго посла при русскомъ дворѣ Бокингама о томъ, что дворъ его сердится на него, такъ какъ думаетъ, что онъ не достаточно старается о заключеніи союза и договора, отвѣчали, что къ англійскому двору русскій очень расположенъ, а дѣло о возобновленіи трактатовъ затягивается отъ того, что въ Россіи нужно окончить много нужнѣйшихъ внутреннихъ дѣлъ (5). Между тѣмъ французскій дворъ интриговалъ противъ англійскаго тѣмъ, что, стараясь отдалить сближеніе Россіи съ Англіей, сдѣлалъ неожиданное, по меньшей мѣрѣ, предложеніе Россіи о заключеніи съ нимъ торговаго договора (6).

Въ депешѣ отъ 24 іюня 1763 г. графа Галифакса къ гр. Бокингаму въ энергическихъ выраженіяхъ англійское правительство требуетъ отъ своего посла хлопотать о томъ, чтобы русскій дворъ продолжавшій тянуть дѣло о союзномъ договорѣ и торговомъ трактатѣ, категорически высказался по этимъ вопросамъ.

„Я не могу долѣе, говоритъ Галифаксъ, откладывать повтореніе и напоминаніе вамъ всѣхъ прежнихъ инструкцій, посланныхъ вамъ по этому дѣлу; я долженъ выразить вамъ также, для передачи императрицѣ и ея министрамъ, съ какимъ глубокимъ сожалѣніемъ его вели-

чество видѣлъ, что въ теченіе столь долгаго времени и, несмотря на усердныя заявленія съ нашей стороны, ничего не было сдѣлано по вопросу, представляющему такую важность для сохраненія мира въ Европѣ и для естественно общихъ интересовъ обѣихъ націй. Было бы весьма желательно, чтобы русскій дворъ понялъ эти интересы такъ же хорошо, какъ понимаетъ ихъ дворъ великобританскій, ибо въ такомъ случаѣ союзъ, столь необходимый для обѣихъ націй, былъ бы давно заключенъ. Отсрочка въ этомъ дѣлѣ ослабила кредитъ обоихъ дворовъ и въ то же время дала возможность тѣмъ державамъ, чьи виды совершенно противоположны мыслямъ короля и императрицы, снестись съ нѣкоторыми европейскими государствами, которыя, когда ихъ величества, дѣйствуя заодно, найдутъ удобнымъ вступить съ ними въ политическіе переговоры, вѣроятно, окажутся связанными отношеніями, принятыми ими на себя, лишь вслѣдствіе несвоевременности съ нашей стороны. Англійское правительство не желаетъ никакого союза такъ сильно, какъ союза съ Россіей: оно знаетъ послѣдствіе его для обоихъ, какъ ближайшія и немедленныя, такъ и то вліяніе, которое союзъ этотъ окажетъ на тѣ обязательства, въ которыя они найдутъ полезнымъ вступить по отношенію къ другимъ державамъ.

Такъ какъ, очевидно, что таково положеніе дѣлъ, король не можетъ понять, ни одобрить политику Россіи, отсрочивающей немедленно по заключеніи общаго мира рѣшить дѣло оборонительнаго союза, предложеннаго его величествомъ, и медлящей возобновленіемъ торговаго договора, въ которомъ Россія заинтересована болѣе существеннымъ образомъ, чѣмъ Великобританія. Съ своей стороны его величество не можетъ ни въ чемъ упрекать себя, такъ какъ въ доказательство своего высокаго уваженія къ императрицѣ и искренняго намѣренія поддерживать дружбу съ ней, онъ постоянно относился съ величайшимъ вниманіемъ къ желаніямъ ея, какъ по вопросу о польскомъ наслѣдствѣ, такъ и во всякомъ встрѣчавшемся дѣлѣ. Поэтому теперь наступило время провѣрить мысли и намѣренія вашего двора; ибо о насъ и дома, и за границей распространяется мнѣніе, какъ будто мы пренебрегаемъ своими естественными союзни-

ками. Тѣсный союзъ съ Россіей разсматривается первымъ и лучшимъ основаніемъ дѣла. Однажды это будетъ выполнено, мы можемъ заняться благоразумнымъ и правильнымъ планомъ, соотвѣтствующимъ нашимъ общимъ интересамъ и имѣющимъ цѣлью сохраненіе мира въ Европѣ. Коль скоро слова наши и дѣла будутъ проникнуты совершеннымъ единодушіемъ, мы можемъ говорить съ достоинствомъ и вѣсомъ съ тѣми дворами, съ которыми будемъ поставлены въ сношенія, и не подлежитъ сомнѣнію, что насъ выслушаютъ со вниманіемъ. Таково будетъ тогда наше положеніе. При настоящихъ же обстоятельствахъ королевство великобританское и русская имперія въ общей, европейской политикѣ, играютъ роль capita mortua, что весьма гибельно для обѣихъ націй.

Какъ бы то ни было, мы, наконецъ, дождались того времени, когда, какъ увѣряли насъ, дѣло это будетъ рѣшено, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящую минуту императрица уже возвратилась въ Петербургъ.

Поэтому теперь вашему превосходительству предстоитъ употребить всѣ усилія для того, чтобы добиться ея исполненія этихъ обѣщаній, тѣмъ болѣе, что, по увѣренію графа Воронцова, расположеніе его двора совершенно искренно. Дѣло это слишкомъ важно для дальнѣйшей отсрочки, и потому я отъ имени его величества долженъ настоятельно повторить вамъ, милордъ, чтобы, приступая къ этимъ переговорамъ, вы не теряли бы ни одной минуты и чтобы вы присылали мнѣ съ каждой почтой для сообщенія королю отчеты о мѣрахъ, принимаемыхъ вами, и обо всемъ, что произойдетъ между дворомъ императрицы и вами по поводу этихъ обоихъ важныхъ дѣлъ“ (7).

Бокингамъ 8-го іюля подалъ записку, передающую мѣстами почти буквально только что приведенную депешу Галифакса. Настойчивыя требованія, заключавшіяся въ ней, заставили заняться составленіемъ проекта союзнаго договора. Русскій дворъ желалъ субсидій для веденія въ его интересахъ, а также и интересахъ Англіи, дѣлъ въ Польшѣ и Швеціи, и объ этомъ были составлены двѣ статьи въ проектѣ договора (8) и, кромѣ того, хотѣли также, чтобы Англія помогала Россіи въ случаѣ войны съ Турціей.

Статьи были слѣдующаго содержанія:

Статья 1-ая секретная: Такъ какъ взаимныя выгоды обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ необходимо требуютъ, чтобы онѣ заблаговременно и единодушно приняли мѣры на случай упраздненія польскаго престола, то, хотя Ея Императорское Всероссійское Величества чрезъ посредство своего министра при британскомъ дворѣ уже объяснялось дружески откровеннымъ образомъ съ Его Величествомъ королемъ великобританскимъ, вслѣдствіе чего Его Величество король повелѣлъ своему резиденту въ Варшавѣ поступать относительно этого дѣла заодно съ министромъ Ея Императорскаго Величества, тѣмъ не менѣе обѣ высокія договаривающіяся стороны согласились, кромѣ того, въ силу настоящей и секретной статьи въ томъ, что въ случаѣ кончины нынѣ царствующаго короля польскаго, онѣ направятъ свои усилія къ тому, чтобы возвести на престолъ кандидата, выборъ котораго былъ бы не опасенъ, а скорѣе благопріятенъ ихъ взаимнымъ интересамъ. Въ этихъ видахъ Его британское Величество обязывается и обѣщаетъ снабдить своего министра въ Польшѣ инструкціями на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ дѣйствительнаго упраздненія польскаго престола, онъ дѣйствовалъ бы по соглашенію съ министромъ Ея Императорскаго Величества и употребилъ бы всѣ усилія, чтобы возвести на польскій престолъ то лицо, которое будетъ избрано обоими дворами. А такъ какъ при подобныхъ обстоятельствахъ необходимо потребуются издержки, Его британское Величество обѣщаетъ всегда держать наготовѣ въ Польшѣ значительную сумму денегъ и употребить ее, въ случаѣ надобности, для достиженія общей цѣли, какъ съ своей стороны не преминетъ сдѣлать и Ея Императорское Всероссійское Величество. Если же при избраніи польскаго короля, дѣла въ Польшѣ достигнутъ такой крайности, что Ея Имп. Всерос. Величество, вслѣдствіе близости своего государства, вынуждена будетъ поддержать оружіемъ виды обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, въ такомъ случаѣ Его Величество король великобританскій обѣщаетъ съ своей стороны оказать пособіе деньгами для покрытія военныхъ издержекъ, выславъ Ея Императорскому Всерос. Величеству, какъ

только русскія войска вступятъ въ Польшу, сумму въ пятьсотъ тысячъ рублей; въ отвѣтъ на что Ея И. В. обѣщаетъ поступать во всемъ по соглашенію съ Его британскимъ Величествомъ и оказывать возможное вниманіе его видамъ во всемъ, что не окажется вреднымъ собственнымъ интересамъ Ея И. В.

Такъ какъ можетъ случиться, что какая-либо иностранная держава, вслѣдствіе вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, возымѣла бы враждебныя намѣренія противъ русской имперіи и, быть можетъ, даже открыла бы враждебныя дѣйствія противъ Ея И. В., въ такомъ случаѣ Его британское Величество обѣщаетъ и обязывается употребить всѣ зависящія отъ него средства и дружелюбныя увѣщанія, чтобы остановить таковыя дѣйствія, а буде мѣры эти не получатъ желаемаго успѣха, оказать Ея И. Всеросс. В. пособіе, означенное въ главномъ договорѣ оборонительнаго союза.

Статья 2-ая секретная.

Такъ какъ для взаимной выгоды обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ необходимо заботиться о поддержаніи мира и спокойствія на сѣверѣ для того, чтобы подданные ихъ не были стѣснены въ своей торговлѣ, а между тѣмъ многолѣтній опытъ доказалъ, что нѣкоторыя державы стараются поддерживать въ Швеціи партію, постоянно внушающую этой націи желаніе смущать сѣверъ, употребляя различныя средства для достиженія этой цѣли, то Ея И. Всеросс. Величество и Его британское В. въ противодѣйствіе этимъ мѣрамъ, вредящимъ ихъ подданнымъ, но употребляемымъ другими державами, согласились между собой и обязываются въ силу настоящей секретной статьи снабдить своихъ министровъ при шведскомъ дворѣ инструкціями, по смыслу которыхъ они будутъ дѣйствовать за одно, какъ для ослабленія вышеупомянутой партіи, поддерживаемой другими державами, такъ и для сохраненія равновѣсія между этой партіей и партіей противоположной, чтобы первая не одержала верхъ надъ второй и черезъ то не достигла бы своихъ цѣлей, клонящихся ко вреду подданныхъ обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ“ (9).

Эти статьи въ Англіи нашли невозможными. Въ депешахъ Галифакса и Сандвича (Сандвичъ былъ преем-

никомъ Галифакса по сѣверному департаменту иностранныхъ дѣлъ) къ Бокингаму справедливо говорится, что измѣненія въ прежнемъ договорѣ, требуемыя русскимъ дворомъ, клонятся всѣ къ выгодѣ Россіи въ ущербъ Англіи. Бокингамъ долженъ былъ хлопотать объ заключеніи союзнаго оборонительнаго договора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ заключенъ при Елизаветѣ въ 1742 году; ему писали, что двѣ новыя секретныя статьи положительно невозможны: онъ долженъ былъ стараться также, чтобъ съ союзнымъ трактатомъ обсуждали и вмѣстѣ заключили трактатъ торговый. Русскій же дворъ хотѣлъ заключеніе торговаго трактата отдѣлить и рѣшать послѣ, такъ какъ условія его не были выгодны для русской торговли, а Панинъ, по словамъ Сольмса (10), составляя планъ сѣверной системы, полагалъ, что Англія сама увидитъ, въ какой опасности она находится, оставаясь одинокою, и „сознавъ обоюдную пользу, которая послѣдуетъ, какъ для Великобританіи, такъ и для сѣвернаго союза отъ тѣснаго ихъ сближенія другъ съ другомъ, попроситъ включить и ее и сдѣлается полезною союзницею не только своими силами, но также и своими деньгами“.

Поэтому русскій дворъ хотѣлъ, чтобы Англія приняла дѣятельное участіе въ дѣлахъ польскихъ, а той, конечно, до нихъ было очень мало дѣла.

Все это порождало натянутость и холодность, даже недоразумѣнія. Такъ 16 декабря Воронцовъ (русскій посланникъ въ Англіи) писалъ о своемъ разговорѣ съ Сандвичемъ (11). Послѣдній отъ имени короля объявилъ ему, что къ англійскому резиденту въ Варшавѣ посылались такіе указы: при избраніи новаго польскаго короля наблюдать за тѣмъ, чтобы сохранялась свобода голосовъ въ выборахъ, и чтобы польскія области не были никѣмъ захвачены. Послѣднее требованіе было сказано какъ бы въ пику русскому двору, и при этомъ еще игнорировалось заявленіе Россіи, что она не имѣетъ намѣренія дробить Польшу. Заговорили открыто, наконецъ, и о сѣверной системѣ, именно въ концѣ декабря 1764 г. (12). Гроссъ, русскій посолъ, смѣнившій Воронцова въ Лондонѣ, въ разговорѣ съ Сандвичемъ сказалъ, что императрица не желаетъ возстановленія елизаветинскаго

договора, въ которомъ участвовала Австрія, а хочетъ не зависимо и прямо заключить союзъ съ англійскимъ дво ромъ, и этимъ утвердить равновѣсіе европейскихъ силъ. Поэтому и включены въ проектъ новаго оборонительна го трактата, переданнаго въ прошломъ 1763 году, два секретные параграфа, касающіеся дѣлъ материка, именно Польши и Швеціи. „Они имѣютъ связь съ той сѣверной системой, по которой сѣверныя державы соединяются между собою союзами и составляютъ твердое равновѣсіе въ Европѣ мимо бурбонскаго и австрійскаго домовъ“ (13).

Этотъ разговоръ произвелъ на Сандвича пріятное впечатлѣніе. Казалось бы теперь, когда заговорили о цѣли союза, о сѣверной системѣ, цѣли, касающейся Англіи, Англія должна была согласиться на русскія условія, уступить...

Но дѣло оказывается далеко не такимъ. Препирательства продолжались пуще прежняго. Они происходили преимущественно изъ-за пункта, требовавшаго субсидіи для Россіи отъ Англіи въ 500.000 рублей въ случаѣ турецкой войны и такой же отъ Россіи для Англіи въ случаѣ испанской.

Но въ Англіи говорили, что испанская война не страшна, а участіе, хотя бы и косвенное, въ турецкой можетъ нанести громадный ущербъ ихъ торговлѣ. Имъ не нравилась и кратость срока для предполагаемаго договора—восемь лѣтъ.

Панинъ былъ очень недоволенъ требованіями и упорствомъ англійскаго правительства. Онъ срывалъ свое озлобленіе на донесеніяхъ Гросса, приписывая на нихъ замѣчанія, вродѣ: „купеческая отговорка. Все сіе состоитъ только въ томъ, чтобъ, какъ лавочникамъ торговаться, покамѣсть время есть, и сколько возможно выторговать“. Раздраженіе его понятно: по своей склонности къ утопизму и идилличности онъ полагалъ, что всѣ схватятся съ жадностью за его систему, а теперь Англія, самый главный участникъ этой системы по силѣ и по важности послѣ Пруссіи, медлила заключеніемъ союза.

Въ систему должны были входить съ мелкими государствами государства крупныя, кромѣ Россіи—Англія, Пруссія, Швеція, Данія, а если возможно, то и Польша.

Послѣднія два государства были слабы и весьма враждебны Пруссіи.

Фридрихъ и спалъ и видѣлъ только, какъ бы урвать хорошій кусъ съ той или другой стороны. Онъ не становился поперекъ дороги европейской жизни съ какой-нибудь сочиненной напередъ теоріей, но, какъ истинный практикъ, изъ всякаго событія, всякаго переворота старался получить себѣ выгоду.

Англія, какъ мы сейчасъ видѣли, не хотѣла поступиться ни на пядь въ своихъ интересахъ, да и не изъза чего ей было поступаться. Россія точно также смотрѣла на Польшу жадными глазами, должна была побаиваться за нее сосѣдей;—не легко догадаться, какъ трудно было заставить государства дѣйствовать согласно при такихъ разнообразныхъ интересахъ.

Толки о союзѣ съ Англіей и о присоединеніи ея къ сѣверной системѣ безплодно тянулись изъ-за субсидіи въ дѣлахъ турецкихъ и такъ и не кончились ничѣмъ ни въ 1765, ни въ 1766 годахъ.

Вопросъ о союзномъ договорѣ отдѣлили въ концѣ концовъ отъ вопроса о торговомъ договорѣ, и русское правительство уступило лишь въ томъ, что согласилось вопросъ о заключеніи торговаго договора рѣшить ранѣе заключенія союзнаго договора. Но и тутъ явился камнемъ преткновенія пунктъ, гласившій (въ 4-ой статьѣ) „но въ такомъ случаѣ Россія, по примѣру великобританскаго акта мореплаванія, сохраняетъ за собою право принимать внутри государства всѣ мѣры, которыя окажутся полезными для поощренія и развитія россійскаго мореплаванія“. Англійское же правительство требовало измѣнить этотъ пунктъ такъ: „но въ такомъ случаѣ обѣ высокія договаривающіяся стороны сохраняютъ за собою свободу принимать внутри государства всѣ мѣры, которыя окажутся полезными для поощренія и развитія ихъ взаимнаго мореплаванія“. Едва изъ-за этого не разстроилось все дѣло. Панинъ рѣзко отказалъ въ измѣненіи 4-го пункта и сказалъ: „какъ видно, сэръ, у насъ никогда не будетъ торговаго трактата“ (14); и при этомъ заявилъ, что немедленно будетъ уничтоженъ прежній трактатъ и, такимъ образомъ, англійскіе купцы лишатся тѣхъ привилегій, которыми они до тѣхъ поръ пользовались.

Макартней, желая склонить русское правительство къ уступкѣ, написалъ Панину цѣлый меморіалъ: „Въ нашей странѣ, писалъ онъ, интересы политическіе и торговые не могутъ быть раздѣлены,—на торговлѣ основано могущество Англіи, и неужели вы изъ-за одной формальности захотите показать передъ цѣлымъ свѣтомъ неуваженіе, питаемое вами къ основѣ нашего величія. Возможно ли кому-нибудь повѣрить, чтобъ заявленіе, какого мы требуемъ, могло повредить достоинству императрицы. Ея имп. величество обладаетъ не только героическими добродѣтелями, но также кротостію и умѣренностью, и не откажетъ особенной благосклонности, на которую король, мой государь, будетъ смотрѣть, какъ на оказанную ему лично. Постоянная цѣль англійской политики состоитъ въ томъ, чтобъ угождать императрицѣ. Чтобъ угодить императрицѣ, король послалъ министра въ Стокгольмъ, несмотря на оскорбленіе, ему тамъ нанесенное; по требованію русскаго интереса, онъ забылъ оскорбленіе. Чтобъ угодить императрицѣ, онъ дружится съ ея друзьями: такъ недавно онъ сдѣлалъ предложеніе королю датскому. Чтобъ угодить императрицѣ, онъ снова посылаетъ министра къ Берлинскому двору; министру этому приказано содѣйствовать во всемъ русскимъ интересамъ. Если императрица останется неумолимою, то что я долженъ донести моему государю? Что она предпочитаетъ одинъ пунктикъ не только горячему желанію короля пріобрѣсти ея дружбу, но и счастію рода человѣческаго, **ибо установленіе сѣверной системы упрочитъ не только спокойствіе и счастіе нашего вѣка, но и отдаленнаго потомства.** Развѣ мало еще намъ униженія отъ императрицы вслѣдствіе ея повторительныхъ отказовъ? Неужели она не захочетъ насъ поднять и явиться столь же великою своимъ снисхожденіемъ, какъ и вниманіемъ къ поддержкѣ своего значенія и достоинства. Мы питаемъ къ ней полное довѣріе; мы удовольствовались бы и словеснымъ обѣщаніемъ съ ея стороны; но кто поручится, что всѣ русскіе государи будутъ похожи на нее, и что ея жизнь будетъ такъ же безконечна, какъ и ея слава? Умоляю васъ обратить вниманіе на различіе между конституціей Англіи и конституціей вашей великой и страшной имперіи, на тонкія границы, которыя у насъ раздѣляютъ

власть государя отъ привилегій народа. Если бы, къ нашему счастію, ваше превосходительство были министромъ въ Англіи, то вы бы вникли въ геній нашей конституціи и прощали бы намъ наши недостатки, снисходили бы къ нашимъ слабостямъ; вашъ высокій умъ проникъ бы въ тайны нашей политики, и вы увидали бы, что мы можемъ сдѣлать и чего не смѣемъ сдѣлать. Развѣ я знаю, чѣмъ мы обязаны способностямъ человѣка, который умѣлъ успокоить и шведскіе предразсудки и датскую зависть, и сдѣлать Россію рѣшительницею судебъ Сѣвера? И вотъ, въ ту самую минуту, когда блестящее будущее открылось нашимъ глазамъ, когда одной ничтожной уступки съ вашей стороны достаточно для окончательнаго прославленія царствованія императрицы и мудрости вашихъ совѣтовъ,—изъ-за чистой формальности (ничтожной для Россіи и необходимой для насъ) вы покинете эту великую систему, которая держитъ въ нерѣшительномъ положеніи всю Европу, систему, прекраснѣйшую, какую политическій геній когда-либо придумывалъ, и которая содѣлаетъ вѣкъ Екатерины самымъ блестящимъ вѣкомъ въ лѣтописяхъ міра. Неужели вы захотите изъ-за сущей бездѣлицы упустить случай подчинить Великобританію вашимъ идеямъ, заставить ее присоединиться къ вашимъ союзникамъ, дѣйствовать подъ вашимъ руководствомъ“.

Въ этой запискѣ расчетъ взять противника лестью и похвалами его системы слишкомъ былъ шитъ бѣлыми нитками; не мудрено поэтому, что такой опытный и искушенный опытомъ политикъ, какимъ былъ Панинъ, не придалъ особеннаго значенія всему этому и твердо настаивалъ на своей редакціи. Въ своемъ отвѣтѣ Макартнею на его меморіалъ и приложенное къ нему письмо онъ говоритъ:

„При поднесеніи императрицѣ, моей государынѣ, поданной вашей министерству промеморіи, не преминулъ я притомъ представить ея в-ству и партикулярное ваше письмо, которое вы къ оной промеморіи приложили, такожде и другое, коимъ вы меня потомъ вторично почтить изволили. Если бы я могъ поступить въ силу склонностей моихъ въ разсужденіи должнаго соотвѣтствованія той довѣренности, которою вы меня удостоиваете, то я бы вамъ

отвѣтствовалъ во всемъ согласно съ вашими мнѣніями; но различное наше разсужденіе о раздѣляющемъ насъ пунктѣ столько же по несчастію насъ другъ отъ друга отдаляетъ, сколько партикулярныя наши мнѣнія насъ соединяютъ.

При принятіи окончательной резолюціи о дѣлѣ, столь обѣимъ націямъ нужномъ, какъ то есть о ратификаціи или о уничтоженіи коммерческаго трактата, уже министрами подписаннаго, ея имп. в-ство себѣ совершенно представила все то признаніе, кое она имѣть должна въ разсужденіи склонности, которую вы столь сильно доказываете со стороны короля вашего государя къ приращенію той дружбы, которая ихъ величества соединяетъ и къ утвержденію политическихъ ихъ интересовъ **союзомъ, отъ котораго императрица,** моя государыня, **чувствуетъ себѣ и союзникамъ своимъ** и какъ генерально Европѣ, **такъ особливо Сѣверу, пользу.** Если бы то, что отъ ея имп. в-ства требуется, касалося до одной только дружбы, то ея в-ство, не имѣя предѣла своимъ къ королю и къ націи британской сентиментамъ, безъ толь усильныхъ чинимыхъ ей домогательствъ въ томъ свое снисхожденіе оказала бы. Но государыня, по усмотрѣніи невозможности согласиться на такую требуемую декларацію, принужденною себя видитъ отказаться въ оной и, увѣряясь вновь объ основательности тѣхъ причинъ, по которымъ она сначала изволила на то поступить, принуждена теперь не отдаляться прежняго своего намѣренія, какъ вы о томъ усмотрите изъ промеморіи, которую я, по ея указу, имѣю честь при семъ сообщить вамъ.

Сіе жалости достойное есть дѣло, и Россіи такъ, какъ и Великой Британіи чувствительно будетъ, что по такимъ съ обѣихъ сторонъ стараніямъ не могло изыскано быть къ согласованію средство. Я принимаю отъ правосудія вашего ожиданное свидѣтельство въ томъ, что никакое самонравіе и никакіе партикулярные сентименты отнюдь никакого дѣйства въ моихъ поступкахъ не имѣли; но такое ли сіе обстоятельство, чтобъ я могъ оные принять? **Англія натуральнѣйшая Россіи союзница, дружба ея намъ дорога,** мы должны всемѣрно стараться сохранить союзы, которые насъ соединяютъ, и вновь увеличить, если можно, взаимственнную обоихъ дворовъ довѣренность. Та-

ковы суть наши сентименты, такое есть правило нашихъ поступковъ; отличнѣйшія угожденія должны то засвидѣтельствовать. Для чего же не можно намъ почесть за то актъ, который отъ насъ требуется.

При начатіи негоціацій о возобновленіи коммерческаго трактата старались точнѣйшія постановить взаимства. А какъ великобританское постановленіе (т. е. актъ мореплаванія) ограничиваетъ ту часть, которую чужестранцы могутъ имѣть въ ея коммерціи, то надлежитъ учинено быть такое учрежденіе, которое оному акту служило бы эквивалентомъ или равенствомъ. Для достиженія нѣкоторымъ образомъ того, мы съ своей стороны предоставили себѣ власть учинить со временемъ такое внутреннее учрежденіе, которое за полезно разсудится къ ободренію и къ распространенію россійскаго мореплаванія. Сіе есть такое предоставленіе, въ коемъ намъ отказано быть не можетъ безъ явнаго неправосудія, дѣйствію котораго воспрепятствовано быть не можетъ безъ покушенія напасть на независимость нашего правительства. Каково будетъ въ самомъ дѣлѣ самодержавство, когда у него отнимается власть дѣлать то, что ему угодно внутри областей своихъ? Можетъ ли постановленіе или узаконеніе, находящееся въ силѣ своей, болѣе почитаемо быть въ одномъ правительствѣ, нежели въ другомъ, равномѣрномъ независимомъ государствѣ вольность учинить то, когда оно за выгодно разсудитъ? Будетъ ли сіе предписываніе законно, если кто скажетъ: мы имѣемъ наши постановленія, отъ которыхъ мы издавна превеликія себѣ получаемъ выгоды, вы же такихъ еще не учинили, почему состояніе дѣлъ клонится въ нашу пользу, останемся при ономъ, какъ оно есть.

Мы весьма удалены находимся отъ того, чтобъ таковыя разсужденія приписывать британскому министерству. Но какъ ея императорское величество отнюдь не можетъ въ чемъ-либо отказать такому королю, который находится съ нею въ дружбѣ, и такой націи, которой интересы ей драги суть, то я за потребно разсудилъ показать сущій пунктъ затрудненія для избѣжанія нареканія въ разрушеніи трактата за одну токмо форму, или поступая не столько по правилу, какъ по случаю и въ предо-

ставленіи себѣ пользованіе перемѣною министровъ къ принятію нашихъ мнѣній.

Великобританское министерство, будучи столько же увѣрено, сколько вы и мы находимся о тонкости онаго дѣла, говоритъ именемъ британской націи и представляетъ сумнѣнія съ ея стороны; но оная нація и сама столь просвѣщенна, что видитъ она по трактату, съ коликимъ стараніемъ ея интересы въ ономъ менажированы были, а учиненное сперва въ письмѣ моемъ отъ 25 іюля и потомъ деклараціею повторенное обѣщаніе императрицы, моей государыни, имѣло бъ противу того, что оное показалось бы ей быть недѣйствительнымъ актомъ почитаемо быть за прибавленіе къ тѣмъ выгодамъ, которыя ея министры чрезъ свои таланты ей доставили, или изъ самопроизвольной щедроты той державы, которая склонность къ ней свою оказываетъ, ей дозволены. Нація, которая съ толь давняго времени пользуется одною только деклараціею самодержицы, хотя британское министерство и почитаетъ оную актомъ толь недостаточнымъ, и оная, повторяю, нація съ толь давнихъ лѣтъ пользуясь по единственно дозволенію блаженной памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны всѣми выгодами трактата коммерціи, конечно, сумнѣваться не должна была бъ о доброй вѣрѣ въ исполненіи обѣщаній нынѣ государствующей императрицы.

Коммерція можетъ быть основаніемъ англинской политики, но коммерція не уничтожена тѣмъ, что не имѣется трактата, который опредѣлилъ бы ея кондиціи. Обоюдныя наши нужды завсегда настоя, установятъ взаимственное различіе, которое мы учинимъ между собою и другими націями, и сохранятъ въ своей силѣ тѣ политическія сопряженія, которыя насъ соединяютъ.

Итакъ, я не нахожу въ семъ предметѣ столь великихъ неудобствъ, какія вы себѣ изображаете, а съ другой стороны, я желалъ бы, чтобъ въ моей власти состояло сократить наши причины или скрыть силу оныхъ. Вы столь извѣстны о моемъ усердіи ко всему, что можетъ продолжать и утвердить дружбу обѣихъ имперій, что не можете сумнѣваться о приложенномъ мною стараніи къ отъятію всякаго затрудненія. Я жъ повторю вамъ при семъ, что упоминаемое въ промеморіи препятствіе ратификаціи на

трактать не можетъ воспричинствовать никакой отмѣны въ сентиментахъ императрицы моей государыни и короля, ниже какого-либо безпорядка въ системѣ, которую въ виду имѣютъ оба дворы для совершеннаго покоя. Союзный трактатъ дозволяетъ, равно какъ и коммерческій, совершенное взаимство интересовъ. Получаемыя отъ онаго выгоды производятъ усердіе къ исполненію кондицій онаго. Но какъ бы британская нація по всей своей возможности не способствовала къ исполненію видовъ своего государя, сопряженныхъ съ намѣреніями императрицы, моей государыни, естли не можно подозрѣвать, что ея имп. величество имѣетъ какіе-либо особенные, въ которыхъ ея союзники не должны быть соучастниками.

Ея имп. величество отнюдь не чаетъ, чтобъ столь существительная обида показана была ея безпристрастію, усматриваемому изъ ея обязательствъ, которое всѣ происшествія въ государствованіи ея всей Европѣ явно засвидѣтельствуютъ. Мы особливо старались въ послѣднемъ шведскомъ дѣлѣ Англію извѣстною учинить, сколь ея интересы намъ драги; когда ея величество желала при ономъ дворѣ британскаго министра видѣть, то правда, что она желала къ принятымъ своимъ мѣрамъ присовокупить столь сильную инфлюенцію, какова есть великобританская, но ея величество не меньше же имѣла намѣреніе чрезъ то усильнѣйше стараться и о поправленіи склонностей правительства изъ давняго времени пріобыкшаго нѣкоторымъ образомъ зависѣть отъ натуральныхъ Англіи непріятелей, которые въ то самое время чинили всякіе происки для заключенія оборонительнаго союза, въ коемъ одна Англія первымъ могла быть предметомъ; а что мы при томъ дворѣ чинили, то же мы теперь дѣлаемъ при берлинскимъ и копенгагенскомъ; всѣ наши поступки служить будутъ единственно къ увѣренію Россіи и Англіи о томъ, что ихъ интересъ нераздѣленъ и что не можно о себѣ стараться, не стараясь при томъ о своемъ союзникѣ.

Я не дѣлаю сіи примѣчанія въ такомъ намѣреніи, чтобъ увеличивать нашу къ Англіи податливость или снисхожденіе; нашъ поступокъ былъ всегда по правилу своему въ тѣсномъ согласіи нашей системы съ великобританскою, и я отнюдь не намѣренъ здѣсь разсматривать усердіе, съ которымъ каждый изъ оныхъ дворовъ старал-

ся въ разныхъ случаяхъ поспѣшествовать пользу другаго. Я оставлю въ молчаніи всѣ тѣ перемѣны, кои случились въ принятіи нашихъ мѣръ по польскимъ и въ Швеціи дѣламъ, и только себѣ представлю тѣ причины, кои наши союзы толь натуральными, коль нераздѣльными чинятъ. Но не съ меньшимъ сожалѣніемъ вижу я, какъ пропадаетъ стараніе многихъ лѣтъ, присовокупленное столь многими трудами и попеченіемъ, да и еще больше сожалѣлъ бы я, естли бъ вы не усмотрѣли во мнѣ, такъ какъ я ласкаю себѣ такое же усердіе, которое вы имѣете къ соединенію интересовъ нашихъ государей, кои интересы никакой министръ лучше знать, ни менажировать будетъ какъ вы. Если старанія наши были тщетны, то искренность нашего усердія, которая насъ побуждаетъ, должна быть утѣшеніемъ нашимъ, сіе вмѣсто того, чтобъ насъ отвращать должно паче насъ поощрять къ вящщему старанію о заключеніи такого союза, который бы показалъ Европѣ, что никакое препятствіе не можетъ отдѣлить россійскую политическую систему отъ великобританской. Мы первые стараться будемъ доказывать то такимъ поступкомъ, который наблюдаемъ будетъ въ нашей имперіи къ британскимъ купцамъ и безъ трактата по пристойному уваженію къ показанію, что мы умѣемъ различать пріятелей нашихъ“ (15).

Тщетно послѣ этого Макартней пытался убѣдить Панина иначе редактировать спорный вопросъ 4-ой статьи.

Впрочемъ, ходъ этихъ переговоровъ настолько интересенъ для выясненія стойкости характера Панина, что лучше всего предоставить слово самому Макартнею. Въ донесеніи своему правительству отъ 23 іюня (4 іюля) 1766 года онъ пишетъ: „Вамъ, сэръ, слишкомъ хорошо извѣстна гордость этого двора, характеръ его министровъ и ихъ способъ вести переговоры для того, чтобы разсчитывать на то, что послѣ всего происшедшаго, они уступили бы намъ по какому то бы ни было вопросу добровольно и съ готовностью. Панинъ, продержавъ у себя около шести недѣль проектированное мною измѣненіе касательно спорнаго вопроса 4-ой статьи, возвратилъ его мнѣ съ предложеніемъ измѣнить его слѣдующимъ образомъ:

Статья, предложенная Великобританіей.	**Статья,** предложенная Россіей.
Но въ такомъ случаѣ, обѣ высокія договаривающіяся стороны, сохраняютъ за собой право принимать во внутренности государства всякія мѣры, признанныя ими полезными для поощренія и развитія ихъ мореплаванія.	Но въ такомъ случаѣ, каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ сохраняетъ за собой право принимать во внутренности своихъ владѣній всякія мѣры, признанныя ею полезными для поощренія и развитія своего собственнаго мореплаванія.

Я самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ, чтобы статья эта была сохранена въ томъ видѣ, какъ было мною предложено, но къ немалому своему сожалѣнію убѣдился, что не имѣю вліянія даже на столько, чтобы настоять на такой бездѣлицѣ, говорю „бездѣлицѣ", потому что, несмотря на разницу въ выраженіяхъ, смыслъ совершенно одинаковъ. Но гордость этого двора не измѣнила себѣ до конца. Члены комиссіи остались упрямы и непоколебимы, и я, наконецъ, принужденъ былъ согласиться на предложенное ими измѣненіе".

Указывая дальше, какъ подозрительно относились къ нему по вопросу о полномочіи его на подписаніе трактата, онъ заканчиваетъ такъ: „взвѣсивъ, какъ опасно даже самое затишье этого правительства, какимъ бурямъ оно подвержено, и какъ часто непоправимо гибельны послѣдствія отсрочекъ, я еще разъ поставилъ на карту собственную безопасность, имѣя въ виду лишь службу государства, и подписалъ трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ имѣю честь переслать вамъ. Содержаніе его отъ слова до слова одинаково съ прежнимъ трактатомъ, за исключеніемъ вышеупомянутаго пункта 4-ой статьи, который теперь выраженъ, какъ означено на другой страницѣ красными чернилами". ([16]) (т.-е. въ редакціи, предложенной Россіей) *).

*) Эта статья редактирована была во всеподданнѣйшемъ докладѣ (19 іюня 1766 года) такъ: „но тогда каждая высокодоговаривающаяся сторона себѣ предоставляетъ свободу дѣлать внутри своихъ областей такія особливыя учрежденія, каковыя она за благо изобрѣтетъ къ ободренію и распространенію своего собственнаго мореплаванія." Сб. Р. И. О. т. 57, стр. 553.

Только послѣ такихъ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, наконецъ, договоръ съ передѣланной 4 статьей былъ подписанъ Макартнеемъ 20 іюня 1766 года, а 24 августа того же года былъ ратификованъ. Обѣ стороны были довольны окончаніемъ этого дѣла, въ особенности былъ доволенъ Панинъ, видѣвшій въ этомъ новую ступень къ созданію и укрѣпленію „сѣверной системы". Онъ писалъ А. С. Мусину-Пушкину, смѣнившему умершаго Гросса, что императорское правительство твердо намѣрено поддерживать самыя близкія отношенія къ Англіи, которая есть „государство, интересы котораго, по природѣ своей, неразрывнымъ образомъ связаны съ интересами Всероссійской имперіи" (17).

Поэтому послѣ заключенія коммерческаго трактата сейчасъ же стали вести переговоры о союзномъ договорѣ, о чемъ мы будемъ говорить еще впереди.

Дѣла въ Даніи, долженствовавшей также составлять звено въ „сѣверномъ аккортѣ", сначала обстояли, повидимому, хорошо.

Петръ III изъ-за наслѣдственнаго своего владѣнія Голштиніи поссорился съ датскимъ королемъ и собирался начать войну съ Даніей, при чемъ думалъ ѣхать въ армію и самъ. Понятна поэтому та радость, которую произвело тамъ извѣстіе о переворотѣ 28 іюня. Русскій резидентъ въ Даніи Корфъ выѣхалъ уже въ Пруссію, когда получено было имъ приказаніе отъ императрицы объявить королю, что она искренно желаетъ сохранять и продолжать союзническую дружбу, что она съ сожалѣніемъ видѣла, какъ доходили до крайности несогласія съ Даніей по голштинскимъ дѣламъ и всѣ предпріятія противъ Даніи признавала за несходныя съ интересами своего государства, благополучіе котораго предпочитала всѣмъ постороннимъ видамъ. Екатерина сейчасъ же по восшествіи на престолъ такъ смѣло и круто мѣняла политику по отношеніи къ Даніи потому, что въ Россіи всѣ были чрезвычайно раздражены намѣреніемъ Петра начать ненужную и не могшую принести никакой пользы для Россіи войну, и эта перемѣна оправдывала нѣкоторымъ образомъ переворотъ 28 іюня.

Но несравненно большую радость произвела эта перемѣна отношеній въ Даніи. Когда Корфъ проѣзжалъ по

Даніи въ Копенгагенъ, а оттуда въ загородный замокъ Фриденбургъ, гдѣ былъ король, то вездѣ ото всѣхъ, даже отъ простыхъ крестьянъ, онъ встрѣчалъ выраженіе величайшей радости и восторга. Король точно также увѣрялъ Корфа во всегдашнемъ своемъ расположеніи къ Россіи. Подъ вліяніемъ такого неожиданнаго удачнаго поворота политики король даже заявилъ претензію быть опекуномъ малолѣтняго Павла Петровича, какъ герцога Голштинскаго, но Екатерина сразу же оказала рѣзкій отпоръ этому намѣренію короля, которое могло повести къ полному захвату Голштиніи, такъ что король въ концѣ концовъ долженъ былъ отказаться отъ своего притязанія.

Русское правительство тѣмъ не менѣе старалось поддерживать съ Даніей дружественныя отношенія, такъ какъ помощь Даніи была весьма полезна въ дѣлахъ шведскихъ, гдѣ велась широко французская интрига. 11 марта 1765 года былъ заключенъ оборонительный союзъ, которымъ, между прочимъ, обѣ договаривающіяся стороны обязывались поддерживать основную конституцію Швеціи.

Извѣстный русскій дипломатъ Сальдернъ, не понравившійся Фридриху своей грубостью и настойчивостью, послѣ свиданія съ Фридрихомъ проѣхалъ въ Данію, гдѣ и былъ русскимъ министромъ при датскомъ дворѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. О его дѣйствіяхъ въ Копенгагенѣ Фридрихъ отзывается такъ въ своихъ мемуарахъ: „тамъ онъ, проявляя во всю свой деспотизмъ и свои безграничныя требованія, такъ подчинилъ себѣ короля Даніи, что онъ прогонялъ и министровъ и генераловъ, которые не нравились Сальдерну, и замѣщалъ ихъ его креатурами“ (18).

Отношенія, однако, оставались неискренними, такъ какъ вопросъ о Голштиніи долго не могъ притти къ благополучному разрѣшенію. Кромѣ того, также и вслѣдствіе интригъ Франціи датское правительство вело себя по отношеніи къ Россіи двусмысленно.

Отношенія Швеціи къ Россіи за это время тоже были не особенно пріятны для русскаго двора. Тамъ шла упорная борьба между русскимъ и французскимъ дворомъ (19). Нужно было подкупами проводить своихъ сторонниковъ въ сеймъ, нужно было всевозможными ин-

тригами отвѣчать на интриги французскаго двора. Русская партія не пользовалась народнымъ расположеніемъ, король и королева ненавидѣли ее (20). Когда Россія уладила трактатъ Англіи съ Швеціей, имѣвшій цѣлью оторвать отъ Франціи Швецію этой новой связью, то въ Стокгольмѣ появилась въ ночь на 24 февраля прокламація, взывавшая ко всѣмъ истиннымъ патріотамъ и приглашавшая ихъ собраться и не допустить Россію и Данію наложить на Швецію иго, при чемъ ни въ вождяхъ, ни въ деньгахъ, гласила прокламація, недостатка не будетъ. Для того, чтобы одержать верхъ надъ русскимъ вліяніемъ, Франція рѣшила пытаться возстановить въ Швеціи самодержавіе короля, который тянулъ къ ней, или, по крайней мѣрѣ, измѣнить существовавшую конституцію на такую, которая менѣе стѣсняла кругъ дѣйствій короля, чтобы, такимъ образомъ, избѣжать зависимости отъ извѣстной партіи на сеймѣ, которой постоянно можетъ грозить паденіе. Поэтому французскій дворъ склонялъ даже короля Адольфа-Фридриха дѣйствовать насильственными мѣрами въ стремленіи возстановить монархическую власть. Но это было не въ характерѣ слабаго, но въ то же время добраго и несклоннаго къ насильственнымъ мѣрамъ короля.

ГЛАВА III.

ПОПЫТКИ ПРАКТИЧЕСКАГО ОСУЩЕСТВЛЕНІЯ ИДЕИ „СѢВЕРНОЙ СИСТЕМЫ“.

VIII.

Вліяніе идеи „сѣверной системы“ на участіе Россіи въ польскихъ дѣлахъ. Диссидентскій вопросъ и вопросъ о преобразованіяхъ. Поведеніе въ этомъ вопросѣ Фридриха. Трактатъ 1768 года. Россія—орудіе Пруссіи.

Въ то время, какъ на сѣверѣ Европы такъ медленно и неудачно реализовалась сѣверная система, когда дѣла все тянулись самымъ непріятнымъ образомъ, когда въ будущемъ предвидѣлось мало улучшеній, событія въ Польшѣ не заставляли себя ждать.

Избраніе на престолъ Станислава Понятовскаго, избраніе, стоившее-таки хлопотъ и достаточнаго количества денегъ для Россіи, не могло принести успокоенія въ странѣ. Все царствованіе Станислава-Августа было только послѣдней стадіей агоніи этой страны, обреченной, благодаря своимъ вѣковымъ неурядицамъ, къ конечному исчезновенію политической самостоятельности. Мы уже видѣли ея положеніе предъ смертью Августа III. Всѣ безобразія остались и при Станиславѣ-Августѣ. Словно историческій рокъ висѣлъ надъ этой несчастной страной, подобный, напр., року послѣднихъ лѣтъ римской имперіи.

То, что для другихъ государствъ было спасительнымъ, было великимъ шагомъ впередъ, здѣсь имѣло всегда одинъ результатъ—еще шагъ къ гибели. Стремленія патріотовъ къ преобразованіямъ, стремленія къ этому же и самого короля—все разрушалось и только влекло за собою ускореніе гибели самостоятельности страны. Величайшее и для другихъ государствъ несчастье, отрѣзываніе территоріи сосѣдями, вызывающее взрывы національнаго самолюбія, какъ это мы видимъ, поло-

жимъ, на исторіи Франціи въ революціонный и послѣ революціонный періодъ,—это явленіе въ Польшѣ вызывало въ отрѣзываемыхъ провинціяхъ радость, такъ какъ Польша была государствомъ, гдѣ царилъ безпорядокъ и произволъ. Если бы мы стали выдерживать аналогію между Польшей и существомъ, находящимся въ предсмертной агоніи, то аналогія вышла бы полной и была бы вполнѣ научна. Та же борьба жизни со смертью, тѣ же послѣднія усилія энергіи и ея замираніе. Если бы Польша предоставлена была въ это время самой себѣ, то она должна была бы кончить, вѣроятно, присоединеніемъ къ какому-нибудь сосѣднему государству, такъ какъ для самостоятельной политической жизни она не была способна. Чтобы измѣнить условія политической жизни Польши въ лучшую, жизнеспособную для государства, сторону, нужно было перевоспитаніе всей націи, т.-е. работа нѣсколькихъ поколѣній.

Вѣроятнѣе всего Польша потянула бы къ Россіи, а не къ Пруссіи, такъ какъ съ Пруссіей общности интересовъ совершенно не было, если иногда впослѣдствіи и казалось, что эта общность зарождается (это союзъ съ Пруссіей въ 1790 г.), то эта общность была совершенно случайной и была порождена внѣшними вліяніями. Благодаря самой сѣверной системѣ и ея послѣдствіямъ, Польша не могла быть представлена самой себѣ. Въ дѣла ея вмѣшались сосѣднія государства; особенно старалась урвать себѣ кусокъ получше Пруссія, и поэтому она особенно хлопотала о благѣ Польши.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Станислава-Августа поднятъ былъ вопросъ о диссидентахъ. Диссидентами назывались, какъ извѣстно, некатолики, христіанской вѣры, т.-е. православные и протестанты. Положеніе этихъ диссидентовъ было ужасное, особенно православныхъ. Мы не будемъ дѣлать здѣсь подробнаго очерка событій, вызванныхъ дѣломъ о диссидентахъ, но постараемся, какъ возможно короче, уяснить этотъ вопросъ и участіе въ немъ сосѣднихъ государствъ. Этотъ вопросъ былъ уже не новъ. О немъ еще хлопоталъ, напр., въ 1653 году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ князь Репнинъ. Польша не соглашалась тогда улучшить положеніе диссидентовъ, и слѣдствіемъ этого было воз-

станіе Богдана Хмельницкаго и отпаденіе большей части Малороссіи отъ Польши. Но и въ оставшейся польской Руси оставалось очень много православныхъ. Ихъ положеніе было очень дурно, и когда Петру I пришлось во время Сѣверной войны искать сближенія съ Польшей, поляки воспользовались этимъ случаемъ и еще болѣе производили утѣсненія диссидентовъ. Всѣ заявленія и требованія слѣдовавшихъ за Петромъ государей, всѣхъ почти, начиная Екатериной I-й и кончая Петромъ III-мъ, не имѣли никакихъ результатовъ.

Екатерина II-я не могла примириться съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ, такъ какъ она чутко угадала въ этомъ дѣлѣ дѣло родное для русскаго народа (1). Въ 1763 году православный епископъ Георгій Конисскій горько жаловался Екатеринѣ на притѣсненія. Онъ говорилъ, что поляки угрожаютъ нападать на православныя церкви въ Могилевѣ, и подъ вліяніемъ этихъ угрозъ многіе священники переходятъ въ унію. Трембовльскій староста Іоакимъ Потоцкій отнялъ насильно четыре православныхъ церкви въ унію; пинскій епископъ Булгакъ—14 церквей, да изувѣчилъ игумена Феофана Яворскаго. Всего отнято было у православныхъ до 150 церквей.

Когда Екатерина стала домогаться улучшенія положенія диссидентовъ, тогда же ей пришлось столкнуться въ Польшѣ съ другимъ, еще болѣе важнымъ, вопросомъ о преобразованіяхъ. Дѣло въ томъ, что Чарторыйскіе—„фамилія“, могущественная въ Польшѣ, и считавшая, кромѣ того, короля своимъ, желали произвести въ Польшѣ преобразованія, безъ которыхъ они не надѣялись установить порядка въ Польшѣ, однимъ словомъ, обновить ее. Противъ шляхты, не желавшей дѣлать никакихъ перемѣнъ и пользовавшейся своекорыстно, въ свою пользу, безпорядками, противъ ея liberum veto, „фамилія“ (такъ звалась могущественная фамилія Чарторыйскихъ) сумѣла устроить себѣ лазейку на легальной подкладкѣ. Именно члены ея конфедерировали сеймъ, а какъ извѣстно, въ конфедераціяхъ дѣла искони рѣшались не единогласно, а большинствомъ голосовъ, и слѣдовательно такой конфедерованный сеймъ былъ застрахованъ отъ сорванія помощью liberum veto.

Этотъ конфедерованный сеймъ еще предъ избраніемъ Станислава-Августа успѣлъ сдѣлать кое-какія преобразованія; такъ, ограничили власть гетмана и подскарбія. Ранѣе эти сановники не отдавали никому отчета кромѣ сейма, теперь же устроили четыре комиссіи: войсковую, скарбовую, т.-е. финансовую, полиціи и судопроизводства. Рѣшили также увеличить число войска и доходовъ, пытались улучшить положеніе городовъ; рѣшили, чтобъ дѣла на сеймикахъ (сеймахъ провинціальныхъ, выбиравшихъ на большой сеймъ депутатовъ и дававшихъ этимъ депутатамъ инструкціи), рѣшались большинствомъ. Также были установлены, ранѣе не существовавшія, таможенныя пошлины. Все это было предложено на утвержденіе новому королю Станиславу-Августу при избраніи. Онъ горячо взялся за поддержаніе этихъ мѣръ со всею пылкостью его увлекавшагося постоянно характера, но сразу долженъ былъ наткнуться на препятствія.

Фридрихъ II-й прусскій зорко слѣдилъ за дѣлами Польши. Онъ долженъ былъ бояться всякаго усиленія ея, такъ какъ она могла угрожать истощенной войной Пруссіи. А это усиленіе произошло бы, какъ тогда можно было ожидать, если бы прошли всѣ реформы, предположенныя партіей, стоявшей за преобразованія, такъ какъ устранялся бы хотя отчасти, вѣковой безпорядокъ въ Польшѣ. Въ интересахъ Пруссіи было удерживать Польшу въ ея анархическомъ состояніи. Фридрихъ среди этихъ неурядицъ надѣялся искусно вмѣшаться и безъ большихъ потерь урвать себѣ большую добычу. А для успѣха въ подобныхъ планахъ ему необходимо нужно было дѣйствовать совмѣстно съ Россіей, привлечь ее на свою сторону. И вотъ Фридрихъ начинаетъ науськвать русское правительство на польское, говорить объ опасностяхъ, грозящихъ, будто бы, обоимъ сосѣднимъ государствамъ отъ реформы въ Польшѣ.

7 сентября 1764 г. Сольмсъ, впервые извѣщая короля о предполагающихся въ Польшѣ реформахъ, говоритъ, что Панинъ одобряетъ эти предположенія. Панину казалось, что установленная между Россіей и Пруссіей „система“ (т.-е. сѣверная система) выиграетъ, если Польша достигнетъ положенія, въ которомъ она можетъ

быть сколько-нибудь полезной для своихъ союзниковъ, а по отношенію къ Россіи въ состояніи будетъ хотя бы частью возмѣстить, въ случаѣ войны съ Портою, потерю, которую она почувствуетъ, лишившись искренней помощи Австріи. Такъ какъ намѣреніе навсегда отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Австріи остается попрежнему неизмѣннымъ, то онъ находитъ, что неблагоразумно будетъ надѣяться на какую бы то ни было помощь съ ея стороны въ подобномъ случаѣ. Поэтому, имѣя цѣлью поставить Польшу на ту степень могущества, при которой она могла бы съ пользой поддерживать систему, онъ полагаетъ, что, допустивъ тамъ введеніе большаго порядка въ отправленіе правосудія и въ устройство торговли и внутренней полиціи, эта цѣль будетъ достигнута безъ того, чтобы предстояло опасаться, что подобная реформа сдѣлаетъ Польшу государствомъ, могущество котораго будетъ грознымъ для ея сосѣдей новаго союза, такъ какъ послѣдніе своимъ согласнымъ и одинаковымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ республикѣ, всего будутъ сохранять значительную долю участія въ управленіи ею.

Въ отвѣтъ на это донесеніе Фридрихъ 6 октября писалъ: „Воздержитесь отъ всякаго одобренія предложенія приведеннаго гр. Ржевусскимъ въ запискѣ на имя графа Панина относительно liberum veto поляковъ, и меня удивило, что послѣднему, повидимому, оно очень понравилось. Это значитъ слишкомъ торопиться, и хотя съ перваго раза оно покажется бездѣлицей, но немногаго надо, чтобы оно сдѣлалось предметомъ первостепенной важности, послѣдствіемъ котораго будетъ не только постепенное уничтоженіе конституціи республики, но даже опасность для всѣхъ сосѣдей, а для интересовъ самой Россіи большой вредъ. Правда, что въ настоящую минуту, въ виду зависимости, въ которой республика находится отъ Россіи, нечего опасаться; но обстоятельства могутъ измѣниться со дня на день, и Россіи, подобно прочимъ сосѣдямъ республики, придется, можетъ быть, раскаяться въ поддержкѣ этого предложенія, во всѣхъ отношеніяхъ весьма вреднаго. Надо принять во вниманіе, что какъ только будетъ измѣнена одна какая-нибудь статья въ настоящей формѣ правленія или въ консти-

туціи Польши, на этомъ не остановятся, и нельзя уже будетъ помѣшать тогда паденію всей этой формы правленія, въ случаѣ чего Россіи на себѣ придется испытать послѣдствія. Вотъ что вы внушите хорошенько гр. Панину и дадите ему понять громадную важность этого дѣла для того, чтобы онъ не слишкомъ торопилъ и прежде, чѣмъ рѣшить, хорошенько бы обдумалъ вредныя и опасныя послѣдствія, могущія произойти, если когда-нибудь сосѣди помогутъ полякамъ прикоснуться къ настоящей формѣ правленія и измѣнить хотя-бы одну статью".

27 октября онъ повторяетъ: Я остаюсь при томъ мнѣніи, что въ существующей формѣ правленія Польши не должно допускать ни малѣйшаго измѣненія, какимъ бы невиннымъ оно ни казалось съ перваго взгляда. Не сомнѣваюсь, что когда русское министерство серьезно о немъ подумаетъ, то придетъ къ тому же мнѣнію, въ такомъ случаѣ ему не слѣдуетъ терять времени, чтобы помѣшать республикѣ принять, на коронаціонномъ сеймѣ, мѣры, клонящіяся ко вреду сосѣднихъ державъ, иначе Петербургскому двору впослѣдствіи первому придется, можетъ быть, раскаяться. Итакъ, не пренебрегайте этимъ предметомъ въ вашихъ разговорахъ съ гр. Панинымъ и сообщите мнѣ, какія распоряженія, сообразно этому, онъ вызоветъ со стороны Государыни".

30 октября онъ добавляетъ: „Поляки, повидимому, все еще подумываютъ объ уничтоженіи liberum rumpo. Я уже васъ извѣстилъ, по какой причинѣ считаю это нововведеніе однимъ изъ самыхъ опасныхъ для сосѣднихъ державъ, и остаюсь попрежнему того мнѣнія, что надо стараться непремѣнно предотвратить его. Мои министры въ Варшавѣ сообщаютъ мнѣ, однако, что нельзя будетъ не допустить его, если только русская императрица не прикажетъ прямо объявить полякамъ чрезъ кн. Репнина, русскаго полномочнаго министра при польскомъ дворѣ съ конца 1763 года (²), что она не выведетъ изъ Польши своего войска, пока они не откажутся формально отъ намѣренія измѣнить свою форму правленія, а въ особенности отмѣнить liberum rumpo. Это, въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе дѣйствительное средство, какое только можно употребить, чтобы заставить этихъ людей

отказаться отъ своего опаснаго плана; но такъ какъ я не знаю, насколько гр. Панинъ пожелаетъ раздѣлить подобную мысль, то вы постараетесь это узнать и поставить себя въ возможность сообщить мнѣ его настоящій взглядъ на этотъ важный предметъ“ (3). Давая такія энергичныя инструкціи Сольмсу для того, чтобы онъ могъ все это настойчиво излагать Панину, Фридрихъ добивался своей цѣли и другимъ путемъ—путемъ воздѣйствія на Екатерину непосредственной перепиской. Того же 30 октября 1764 года онъ пишетъ Екатеринѣ (4): „Многіе изъ польскихъ вельможъ желаютъ уничтожить liberum veto и замѣнить его большинствомъ: это намѣреніе очень важно для всѣхъ сосѣдей Польши; согласенъ, что намъ нечего безпокоиться при королѣ Станиславѣ, но на будущее время? Если ваше величество согласитесь на эту перемѣну, то можете раскаяться и Польша можетъ сдѣлаться государствомъ опаснымъ для своихъ сосѣдей (Sic!); тогда какъ поддерживая старые законы государства, которые вы гарантировали, у васъ всегда будутъ средства дѣлать перемѣны, когда сочтете для себя это нужнымъ. Чтобы воспрепятствовать полякамъ предаться первому энтузіазму, всего лучше оставить у нихъ русскія войска до окончанія сейма“.

Всмотримся безпристрастно и посерьезнѣй во всю эту переписку. Какой неподкупный и бдительный союзникъ! Какъ, подумаешь, онъ печется объ интересахъ Россіи! А между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что онъ заботится рѣшительно только о своихъ интересахъ. Онъ ясно высказываетъ опасенія усиленія Польши и говоритъ, что это усиленіе будетъ опасно для Россіи. Такъ ли это? То, что было дѣйствительно опасно для небольшой, да еще недавно напрягавшей всѣ усилія Пруссіи, не опасно было для громадной и могучей Россіи. Это, какъ показываетъ только-что приведенная переписка, понималъ сначала ясно Панинъ. Зато не вполнѣ ясно онъ сознавалъ въ это время, кажется, то, къ чему сводились всѣ хлопоты Фридриха. Послѣдній настаивалъ на томъ, чтобы Польша оставалась въ анархическомъ состояніи, чтобы не допускалось ни малѣйшаго измѣненія въ существующей формѣ правленія Польши, и тѣмъ самымъ осуждалъ

Польшу на какой-то невозможный застой, остановку жизни.

Эту опасность усиленія Польши для Пруссіи высказываютъ ясно министры Фридриха графъ Финкенштейнъ и Герцбергъ въ своемъ докладѣ о донесеніяхъ Сольмса 5 октября 1764 года: „Намъ кажется весьма опаснымъ соглашаться на уничтоженіе въ Польшѣ liberum rumpo, потому что оно безспорно составляетъ главное оружіе, которымъ иностранныя державы могутъ пользоваться для противодѣйствія планамъ короля или партіи недовольныхъ въ Польшѣ, и для вашего величества всегда будетъ выгоднѣе, чтобы Польша оставалась въ настоящемъ анархическомъ состояніи“ (5).

Поляки начинали уже сознавать невозможность такого положенія и заговорили о преобразованіяхъ; правда, всѣ эти преобразованія не измѣнили бы характера польской націи и, вѣроятнѣе всего, остались бы только на бумагѣ, а неурядицы оставались бы сами по себѣ. Скорѣй всего, помечтавши на свободѣ о реформахъ, поболтавши на сеймахъ и оставивши ихъ только на бумагѣ, поляки продолжали бы жить попрежнему, потому что такой порядокъ, какой тогда былъ, трудно могъ быть исправленъ реформами. Вѣдь эти реформы должны были необходимо быть направлены по большей части на тѣхъ, которые подавали за нихъ голосъ, рѣшали вопросъ о нихъ-на шляхту. Шляхта добровольно не отказалась бы отъ своего своеволія. Это своеволіе могло быть ниспровергнуто, пожалуй, революціей, подобной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствительно вскорѣ послѣ этого случившейся великой французской революціи, революціей, главнымъ двигателемъ которой были бы не шляхтичи, а болѣе всего терпѣвшіе отъ своеволія шляхты. Но этого ожидать въ Польшѣ было напрасно. Тамъ не было могучаго, хотя бы и совершенно безправнаго tiers-état, тамъ горожане были разрознены, имѣли много чуждыхъ элементовъ-евреевъ и нѣмцевъ, тамъ была религіозная рознь. Движенія, поэтому, могли возникать тамъ въ отдѣльныхъ областяхъ, каковы и были движенія казаковъ въ юго-восточныхъ владѣніяхъ Польши.

Если же ни такимъ, ни другимъ какимъ-либо образомъ обновленіе Польши было невозможно, то для нея

оставалось только одно—потеря самостоятельности вслѣдствіе неспособности ея къ самостоятельной политической жизни. И она потянула бы, вѣроятнѣе всего, къ Россіи, къ народу, по крайней мѣрѣ, одного происхожденія, чѣмъ къ нѣмцамъ, старинным и заклятымъ врагамъ ея.

Дѣятельность Фридриха и склонность Екатерины дѣйствовать согласно съ нимъ изъ-за стремленія реализовать предположенную сѣверную систему, повернули дѣло въ другую сторону; они не дали свободы продолжаться вопросу о реформахъ. Сама Екатерина и Панинъ сначала ничего не имѣли противъ стремленія поляковъ къ реформамъ. Панинъ даже видѣлъ нѣкоторыя выгоды для Россіи въ этомъ стремленіи, такъ какъ полагалъ, что Польша, оправившись отъ неурядицъ, будетъ полезнымъ членомъ сѣверной системы. Поэтому онъ даже долго и стойко отстаивалъ свое мнѣніе о возможности допустить реформы въ Польшѣ, какъ предъ Сольмсомъ, такъ и предъ Екатериной, поддавшейся потомъ внушеніямъ Фридриха.

19 октября Сольмсъ пишетъ: „Панинъ не думаетъ, чтобы можно было принять за правило, будто бы въ интересѣ державъ не позволять полякамъ дѣлать измѣненія въ своей формѣ правленія. Онъ берется доказать фактами изъ исторіи предыдущихъ сеймовъ, что въ конституціи республики дѣлались измѣненія настолько часто, насколько этого требовали интересы двора, пользовавшагося въ странѣ наибольшимъ вліяніемъ... Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не объ отмѣнѣ законовъ, а только объ ограниченіи злоупотребленія свободою, доведеннаго до крайности, то ему кажется, что было бы **немножко жестоко останавливать попытку поляковъ выйти изъ состоянія варварства**, въ которомъ они пребываютъ вслѣдствіе такого злоупотребленія свободой, тѣмъ болѣе, что видоизмѣненіе права разрывать сеймъ, можетъ быть столько же полезно для системы обоихъ дворовъ, сколько и вредно, смотря по тому, въ какихъ обстоятельствахъ они будутъ находиться и что для нихъ будетъ желательнѣе—дѣйствительность ли сейма, или разрывъ его“.

Сольмсъ, по внушеніямъ Фридриха, приведеннымъ нами выше, старался убѣдить Панина въ неправильности этихъ взглядовъ, но это ему не удавалось. Панинъ продолжалъ твердо держаться своихъ убѣжденій по этому вопросу, несмотря на всѣ хлопоты Сольмса, такъ что послѣдній 29 октября доноситъ королю, что старанія его разубѣдить Панина до сихъ поръ еще остаются напрасными, что онъ до сихъ поръ упорно держится своего взгляда. Напротивъ, Панинъ говоритъ ему, „что чѣмъ болѣе онъ обдумываетъ это дѣло, тѣмъ менѣе видитъ основанія отвергать его. Онъ высказалъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, Россія болѣе заинтересована въ этомъ измѣненіи, чѣмъ Пруссія, хотя и послѣдняя ничего не теряетъ съ нимъ, а потому, разсматривая съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ скорѣе согласиться на него. Измѣненіе это, выгодное для настоящей системы, легко, впрочемъ, можетъ оказаться невыгоднымъ тому или другому изъ нашихъ дворовъ впослѣдствіи, въ случаѣ если бы они разошлись въ своихъ интересахъ; но встрѣчается почти во всѣхъ системахъ, что то же обстоятельство, которое подходитъ сегодня, можетъ не соотвѣтствовать при другихъ условіяхъ, и это соображеніе не мѣшаетъ, однако, союзникамъ трудиться на пользу настоящаго ихъ интереса. Если дѣлать предположенія, то онъ скорѣе допускаетъ, и съ значительной долей вѣроятности, что союзъ Пруссіи съ Россіей будетъ проченъ и продлится на будущіе вѣка.

Присоединеніе Польши было бы, несомнѣнно, весьма выгодно для этого союза, А ВЪ ОСОБЕННОСТИ ДЛЯ СѢВЕРНОЙ СИСТЕМЫ; но чтобы ожидать сколько-нибудь дѣйствительной пользы отъ этого государства, ему кажется, что, не усиливая его существенно, слѣдуетъ, однако, поставить его въ такое положеніе, при которомъ оно могло бы сдѣлать нѣкоторыя усилія, когда общій интересъ нашего союза заставитъ къ нимъ прибѣгнуть. Впрочемъ, не опасаясь преувеличенія, онъ считаетъ возможнымъ надѣяться, что кредитъ и вліяніе обоихъ дворовъ въ дѣлахъ Польши останутся всегда настолько значительными, что мы въ состояніи будемъ направлять рѣшенія сейма, согласно нашему общему интересу. Послѣднее высказанное имъ соображеніе заключалось въ

томъ, что если поляки, въ негодованіи на отказъ обоихъ дворовъ уничтожить это зло въ ихъ конституціи и, не взирая на него, вздумаютъ сами это сдѣлать, то не придется ли тогда нашимъ дворамъ употребить силу противъ силы; между тѣмъ, допустивъ означенное измѣненіе, мы можемъ надѣяться снискать ихъ дружбу и довѣріе, тогда какъ, воспротивившись этому, мы рискуемъ охладить ихъ и подать мысль обратиться къ содѣйствію Австріи, для возведенія себя на степень благоустроеннаго государства“ (6).

Такой ясный планъ русскаго дипломата, не согласовавшійся съ планами Фридриха, поставилъ его въ сильное безпокойство; это безпокойство усилилось еще послѣ донесенія Сольмса отъ 2 ноября, извѣщавшаго, что Панинъ очень предубѣжденъ въ пользу этой идеи (измѣненія liberum veto на польскихъ сеймахъ) и, „считаетъ почти **ДОЛГОМЪ ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ** помочь полякамъ выйти изъ хаотическаго состоянія, не позволяющаго гражданамъ этого государства жить такъ же, какъ живутъ другіе образованные народы“ (7).

Сольмсъ видѣлъ, что его старанія измѣнить этотъ взглядъ Панина были настолько безрезультатны, что онъ опасался даже, какъ бы Панинъ не вздумалъ помогать полякамъ въ задуманномъ ими дѣлѣ. При этомъ онъ извѣщалъ, что Екатерина, хотя и отказалась содѣйствовать полякамъ въ установленіи большинства въ сеймикахъ, но касательно различія liberum rumpo отъ liberum veto и значенія послѣдняго, которое, будучи произнесено на всеобщемъ сеймѣ, не должно уничтожать дѣйствительности всего сейма, хотя и можетъ отвергать извѣстное предложеніе, противъ котораго оно будетъ направлено, менѣе противорѣчила и не нашла, чтобы можно было ожидать какихъ-нибудь опасныхъ послѣдствій, если державы допустятъ такое измѣненіе. „5 ноября 1764 года Сольмсъ прибавлялъ, что императрица попрежнему намѣрена **допустить измѣненіе** liberum veto, а Панинъ повторилъ ему, что „въ интересѣ Россіи возбудить въ Польшѣ нѣкотораго рода дѣятельность, чтобы сдѣлать союзъ съ нею полезнымъ для **настоящей системы** и имѣть возможность употребить ее, въ случаѣ надобности, противъ

турокъ и татаръ, во вниманіе къ чему онъ надѣется, что Фридрихъ, бывши всегда интимнымъ и искреннимъ другомъ Россіи, не пожелаетъ противиться ему“ (8).

Фридрихъ, видя, что на Панина расчитывать трудно, снова пытается повліять на Екатерину и въ началѣ ноября пишетъ ей лично письмо, и, не получая затѣмъ далѣе извѣстій, 6 ноября еще разъ посылаетъ длинную депешу Сольмсу, въ которой оспариваетъ доводы Панина и въ заключеніе говоритъ: „я болѣе, чѣмъ когда-нибудь, настаиваю на томъ мнѣніи, что необходимо безотлагательно и совмѣстно принять мѣры, соотвѣтствующія общимъ интересамъ обоихъ дворовъ, чтобы не допустить поляковъ подняться до той высоты, на которой намъ неудобно было бы ихъ видѣть“.

Хлопоты эти уже были излишни. Письмо къ Екатеринѣ имѣло свое дѣйствіе: она, не вполнѣ довѣряя во всемъ Панину, желая всегда сама направлять политику Россіи, сдалась на убѣжденія Фридриха и измѣнила свой взглядъ, о чемъ съ радостью Сольмсъ сообщаетъ королю короткой замѣткой 2-го ноября и болѣе подробнымъ донесеніемъ отъ 9-го ноября: „Я могу сообщить вашему величеству, что ея величество императрица измѣнила свое мнѣніе по этому предмету и, не желая слышать о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ, требуетъ, чтобы въ Польшѣ дѣла оставались въ томъ видѣ, въ какомъ они были.

Этотъ случай **очень огорчаетъ гр. Панина.** „Независимо отъ утраты славы, которую онъ думалъ себѣ снискать, доставивъ во время управленія своего министерствомъ, эту выгоду полякамъ, его печалитъ, и болѣе чѣмъ онъ высказываетъ, внезапная перемѣна во взглядахъ ея императорскаго величества“ (9). Фридрихъ отвѣчалъ Сольмсу 19 декабря слѣдующей депешей:

„Я получилъ ваше донесеніе отъ 13 (2-го по ст. ст.) ноября. Изъ приписки къ нему я съ удовольствіемъ узналъ, что императрица вовсе не одобряетъ составленный поляками планъ установить на сеймахъ большинство голосовъ вмѣсто единогласія. Судя по разумному и основательному взгляду, высказанному государыней по этому предмету, я имѣю полное основаніе надѣяться, что письмо, недавно мною написанное ей и полученное вами

предъ отправленіемъ вашей депеши, окончательно утвердить ее въ намѣреніи противодѣйствовать не только установленію большинства голосовъ, но и отмѣнѣ liberum rumpo, всѣхъ послѣдствій которой она, быть можетъ, „не сообразила въ первый моментъ (10)“.

Эта переписка представляется знаменательной и весьма интересной: изъ нея ясно видно, кто былъ иниціаторомъ въ томъ направленіи, какое приняла политика сосѣдей по отношеніи къ Польшѣ, кто былъ сознательнымъ и хладнокровнымъ врагомъ ея политической самостоятельности. Съ другой стороны, изъ этой переписки ясно видно, что **побѣдилъ въ этомъ вопросѣ Фридрихъ**, а не **Екатерина.** Екатерина измѣнила свои взгляды вслѣдствіе настойчивыхъ убѣжденій Фридриха, а не наоборотъ. Такъ искусно Фридрихъ умѣлъ сбивать съ толку людей, даже не дюжинныхъ политиковъ своего времени. Дѣйствуя своекорыстно, онъ умѣлъ выставлять себя защитникомъ чужихъ интересовъ и ловко при этомъ загребалъ жаръ чужими руками. **Ничтожный, повидимому, вопросъ о** liberum rumpo на самомъ дѣлѣ **прокладывалъ путь къ паденію Польши, къ ея раздѣламъ всецѣло въ выгоду Пруссіи, а не Россіи.**

Мысль о политическихъ интересахъ и опасностяхъ, развиваемая Фридрихомъ, одержала верхъ, къ прискорбію Панина, надъ „долгомъ человѣколюбія“.

Екатерина взяла на себя активную роль въ этомъ дѣлѣ и дала знать Понятовскому, что она не желаетъ преобразованій. Это было для него очень непріятно, но онъ долженъ былъ согласиться, такъ какъ такое же желаніе высказалъ отъ лица своего двора и прусскій посланникъ. Станиславъ-Августъ въ письмѣ къ Екатеринѣ сознается, что, исполняя ея желаніе относительно реформъ, онъ дѣлаетъ великую жертву: „Я пожертвовалъ, говоритъ онъ, тѣмъ, что мнѣ всего дороже. Большинство голосовъ на сеймикахъ и уничтоженіе liberum rumpo составляютъ предметы самыхъ пламенныхъ моихъ желаній. Но вы пожелали, чтобъ этого пока еще не было,— и это даже не было предложено“. Но выражая такія похвальныя чувства повиновенія предъ Екатериною, онъ тѣмъ не менѣе не покинулъ совсѣмъ своей любимой идеи о реформахъ. Онъ ухитрился вопросъ о реформахъ при-

плести къ вопросу о диссидентахъ, выставляя, что невозможно достигнуть исполненія главнаго желанія. Екатерины, полноправія диссидентовъ, безъ преобразованія сеймовъ, безъ котораго Польша будетъ находиться въ постоянной анархіи до такой степени непріятной, что многіе, по словамъ его „начинаютъ громко говорить, что предпочтутъ абсолютную монархію тѣмъ постыднымъ злоупотребленіямъ своеволія, если уже невозможно достигнуть свободы болѣе умѣренной". Средства противъ этого отчаяннаго средства—реформы. Но напрасно Станиславъ-Августъ старался приплести этотъ вопросъ къ вопросу о диссидентахъ. Вскорѣ опытъ показалъ, что успѣхъ дѣла диссидентовъ не могъ зависѣть отъ преобразованій сеймиковъ и сейма; именно, когда примасъ на сеймѣ заявилъ о требованіяхъ диссидентовъ, то дѣло было остановлено страшнымъ всеобщимъ крикомъ и, слѣдовательно, здѣсь сеймъ отвергъ эти требованія не единичнымъ veto какого-нибудь шляхтича, а большинствомъ голосовъ. Въ 1765 году Георгій Конисскій былъ посланъ Екатериной въ Варшаву. Тамъ онъ, указывая, что просьба его одобрена Екатериною, „особливою вѣры нашей заступницею", просилъ возвратить православнымъ ихъ первобытную свободу. При этомъ онъ не преминулъ ссылаться и на привилегіи, данныя православнымъ прежними королями.

Понятно, благодаря своимъ требованіямъ онъ въ Варшавѣ сдѣлался лицомъ, не особенно популярнымъ. Дѣло же стали тянуть, будто бы наводя необходимыя справки, чтобы провѣрить жалобы Конисскаго. Это былъ пріемъ, и прежде уже употреблявшійся съ успѣхомъ. Но теперь онъ не далъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ Екатерина взялась за дѣло серьезно. Репнину, замѣстившему Кейзерлинга, министру русскаго двора въ Варшавѣ, приказано было устроить дѣло такъ, чтобы въ слѣдующемъ 1766 году дѣло о диссидентахъ было рѣшено. Репнинъ былъ очень хорошимъ орудіемъ въ рукахъ Панина и приходился ему, кромѣ того, родственникомъ. Требовали не одной религіозной свободы для диссидентовъ, а и нѣкоторыхъ политическихъ правъ. Нужно замѣтить, что диссиденты болѣе всего нуждались въ свободѣ религіозной, такъ какъ

засѣдать въ сенатѣ имъ все равно не пришлось бы, конечно, потому, что большая часть изъ нихъ были бѣдные земледѣльцы, а высшій классъ, культурный, давно уже ополячился и окатоличился.

Вопросъ о диссидентахъ Фридрихъ соглашался поддерживать только въ томъ случаѣ, если будутъ добиваться только свободы вѣроисповѣданія, а не политическихъ правъ (11), и при этомъ онъ упорно настаиваетъ на мысли о недопустимости реформъ въ Польшѣ. Интересно, что въ этомъ вопросѣ Фридрихъ такъ сумѣлъ подѣйствовать, что въ 1766 г. уже представитель русскаго правительства Сальдернъ даже открещивается отъ самой мысли о реформахъ.

На пріемѣ Сальдерна 8 мая 1766 г. Фридрихъ толковалъ ему о томъ, что надобно непремѣнно оставить Польшу въ томъ же положеніи, въ какомъ она теперь; что никогда не выйдетъ ничего хорошаго изъ какой-нибудь существенной перемѣны; что надобно думать о будущемъ; хотя нынѣшняго короля нечего бояться, но сосѣди должны имѣть правиломъ, что всякая перемѣна въ формѣ республики можетъ быть вредною въ будущемъ. „Кстати, сказалъ Фридрихъ, у васъ еще думаютъ позволить полякамъ уничтожить liberum veto“. Сальдернъ покраснѣлъ и отвѣчалъ; „Государь, у насъ объ этомъ никогда не думали“. „Какъ никогда не думали?“ сказалъ Фридрихъ. „Смѣю увѣрить ваше величество“, отвѣчалъ Сальдернъ, стараясь сохранить, какъ можно болѣе спокойствія, что ни императрица, ни ея министерство никогда серьезно не думали о позволеніи полякамъ уничтожить это знаменательное слово. Если министерство императрицы объ этомъ вопросѣ и о другихъ тогдашнихъ польскихъ желаніяхъ говорило по секрету съ министромъ вашего величества, то это дѣлалось въ твердомъ намѣреніи оказать вашему величеству величайшее довѣріе, не скрывать отъ васъ рѣшительно ничего изъ предложеній, дѣлаемыхъ тогда поляками, и единственно для того, чтобы знать виды и мысли вашего величества по такому важному вопросу“. „Если такъ, то это другое дѣло“, сказалъ король (12). Вышеприведенная переписка по этому вопросу показываетъ, что, въ дѣйствительности, дѣло обстояло совсѣмъ иначе; Фридрихъ въ душѣ посмѣивался

надъ увѣреніями Сальдерна и радовался своей побѣдѣ надъ Панинымъ.

Въ декабрѣ 1766 г. Фридрихъ продолжаетъ не раздѣлять мнѣній русскаго двора, хотя и соглашается поддерживать вопросъ: „Я готовъ, пишетъ онъ, оказать любезность русскому двору, приказавъ своему министру въ Варшавѣ еще разъ представить въ пользу диссидентовъ декларацію, хотя и скромную“ (13). Въ этомъ письмѣ король говоритъ также, что не слѣдуетъ особенно энергично, по его мнѣнію, впутываться въ диссидентское дѣло, такъ какъ есть опасность въ такомъ случаѣ и австрійскаго вмѣшательства, въ доказательство чего онъ пересылалъ въ Петербургъ шифрованную депешу своего агента въ Вѣнѣ, но опасность эта была почти что только воображаемой. Это хорошо понималъ Прусскій посолъ Сольмсъ. 5-го декабря онъ пишетъ королю: „Кажется несомнѣннымъ, что здѣшній императорскій дворъ твердо рѣшился вести диссидентское дѣло до конца и что, въ сущности, онъ намѣревается поддерживать его лишь собственными силами Россіи. Тѣмъ не менѣе, просятъ ваше величество оказать свое содѣйствіе, но подъ этимъ послѣднимъ понимаютъ лишь простое одобреніе, которое императрица желаетъ, чтобы ваше величество выказали посредствомъ представленія въ Варшавѣ министерскихъ деклараціи скорѣе, чѣмъ активнымъ соучастіемъ; я исключаю тотъ случай, когда австрійцы начнутъ войну. Но такъ какъ событія этого не приходится, повидимому, очень бояться, то кажется, что ваше величество, выразивъ подобное одобреніе, пріобрѣтете себѣ этимъ такого рода репутацію, что вы содѣйствовали планамъ русскаго двора, и вы воспользуетесь готовностью и честолюбіемъ здѣшняго двора, который употребляетъ свое войско для установленія системы, **могущей быть только выгодной вашему величеству и вашему королевству** (14).

Русскій дворъ напиралъ особенно на дарованіе диссидентамъ правъ политическихъ, потому что опасался, какъ бы русскіе раскольники, послѣ того, какъ въ Польшѣ диссидентамъ дадутъ свободу вѣроисповѣданія, не бѣжали въ Польшу.

Впрочемъ, Екатерина не требовала, чтобы диссидентовъ допускали въ сенатъ и къ высшимъ должностямъ; она только хотѣла допущенія ихъ къ выборамъ въ трибуналы, да чтобы они могли получать провинціальныя должности, и чтобы въ число членовъ сейма изъ каждаго воеводства выбирались депутаты такъ, чтобы при двухъ католикахъ былъ третій не католикъ.

Эти довольно умѣренныя требованія произвели въ Варшавѣ удивительное явленіе—единодушіе. Сброшена была долговременная маска усыпленія и разъединенія. Фанатизмъ оказался сильнѣе здраваго смысла. Не поднимались единодушно для того, чтобы улучшить положеніе своего государства, чтобъ усилить его; поднялись теперь, чтобы не давать никакихъ уступокъ проклятымъ еретикамъ-некатоликамъ. Но мы видѣли уже ранѣе, каково было тогдашнее состояніе Польши, каковъ былъ характеръ ея, деморализованной различными роковыми историческими обстоятельствами. При такомъ состояніи, конечно, нельзя было ожидать серьезнаго сопротивленія. Репнина такое положеніе дѣлъ ставило просто въ недоумѣніе. Онъ пишетъ въ Петербургъ: „что это такое? нашимъ требованіямъ уступить не хотятъ, но на что же они надѣются? Своихъ силъ нѣтъ, иностранцы не помогутъ“. Между тѣмъ, разъ начавши дѣло, и Россія и Пруссія рѣшительно не могли бросить его, особенно потому, что дѣло здѣсь и тамъ было популярно. Репнину, въ случаѣ неудачи проведенія этого вопроса на сеймѣ, приказано было составить конфедерацію, что, какъ извѣстно, за деньги было всегда возможно устроить въ Польшѣ. Съ помощью же конфедераціи, конечно, могли вмѣшаться и русскія войска легальнымъ образомъ, и, дѣйствительно, Репнинъ угрожалъ ввести въ Польшу 40.000 русской арміи въ случаѣ неудачи дѣла на сеймѣ. Эта угроза, конечно, должна была затронуть и національное самолюбіе. Дѣйствительно, на словахъ поляки много дѣлали. Епископы писали фанатическія воззванія, а король объявилъ, что готовъ умереть за вѣру и свободу. Изъ его послѣдующихъ поступковъ не видно что-то этой готовности! А что касается того, что упорство въ диссидентскомъ дѣлѣ, за которое открыто взялись Россія и Пруссія, да Данія и Англія высказались

за него же, было дѣломъ чистаго безумія,—объ этомъ мало раздумывали.

Русское же правительство твердо рѣшило отстоять диссидентскій вопросъ во что бы то ни стало. Макартней писалъ своему двору 1/12 ноября 1766 г.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что бы ни была вынуждена польская республика сдѣлать въ пользу ихъ (диссидентовъ), она сдѣлаетъ это весьма неохотно, такъ какъ кромѣ фанатизма и политики, возбуждающихъ противъ нихъ, въ дѣлѣ этомъ затронута гордость и честь націи. Въ послѣднее время обращеніе этого двора съ Польшей сдѣлалось до того диктаторски повелительно, что одно только полное безсиліе могло принудить свободный народъ подчиниться такому обращенію. По моему мнѣнію, такое поведеніе со стороны Россіи весьма неполитично, такъ какъ отчаяніе можетъ, наконецъ, заставить поляковъ отдаться въ руки какой-либо другой державы, которая бы защитила ихъ, ибо они сами неспособны защищаться, въ настоящую минуту имъ предстоитъ лишь выборъ между тиранами“ (15). Несмотря на хлопоты и старанія Репнина на сеймѣ 1766 года, все-таки диссидентскаго дѣла провести не удалось. 11 ноября былъ поднятъ этотъ вопросъ и вызвалъ страшный шумъ на сеймѣ. Послы грозились изрубить всякаго, кто будетъ говорить въ пользу диссидентовъ; разошлись всѣ съ крикомъ и ругательствами. На этомъ сеймѣ ранѣе 11 ноября король было опять заговорилъ о реформахъ, но кромѣ того, что послы были въ большинствѣ противъ нихъ, еще Репнинъ и прусскій посланникъ Бенуа охолодили его сразу, объявивъ, что ихъ дворы ни за что не допустятъ этого. Репнину послѣ этого не оставалось другихъ средствъ, какъ только рекомендованное ранѣе ему,—образованіе среди диссидентовъ конфедераціи, которая могла, конечно, попросить помощи у Россіи.

Панинъ писалъ Репнину образовать конфедерацію Фридрихъ все время не переставалъ побуждать русскій дворъ дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ въ Польшѣ; причины такого образа дѣйствій мы уже знаемъ. Такъ, 26 января 1767 года онъ пишетъ Сольмсу: „Вы пишете мнѣ, что императрица рѣшилась во что бы то ни стало поддерживать диссидентовъ; въ такомъ случаѣ я прошу

ее, какъ слѣдуетъ, поддержать ихъ дѣло. Надо, чтобы она имѣла на готовѣ и подъ руками достаточное количество войска, чтобы поддержать то, которое она посылаетъ въ предѣлы Польши; 25 тысячъ, о которыхъ вы пишете и которые должны вступить въ Польшу, совершенно достаточны для дѣлъ съ республикой; но если вмѣшается въ это вѣнскій дворъ, то ему придется противупоставить по крайней мѣрѣ 60000 и начать военныя дѣйствія со стороны Венгріи, иначе, если театръ военныхъ дѣйствій ограничить одной Польшей, то успѣха не будетъ. Постарайтесь хорошенько обратить вниманіе на этотъ пунктъ, потому что онъ очень важный..... Четвертое соображеніе мое по поводу плановъ австрійцевъ, если только таковые существуютъ, самое опасное и гибельное изъ всѣхъ. Не думаютъ ли австрійцы своими интригами произвести революцію въ Петербургѣ, воображая, что они ничѣмъ не рискуютъ за свои демонстраціи? Клянусь, что я ничего подобнаго ни отъ кого не слышалъ, иначе тотчасъ бы передалъ все извѣстное мнѣ императрицѣ. Но, во всякомъ случаѣ, я прошу ее усугубить вниманіе и увеличить надзоръ за тѣми, кого можно подозрѣвать въ измѣнѣ, чтобы быть въ состояніи и имѣть всегда возможность потушить заговоръ, если бы таковой случился, въ самомъ его зародышѣ“.

Итакъ, рекомендуя Россіи настойчивость, настаивая на томъ, чтобы не допускать въ Польшѣ измѣненія конституціи, и совѣтуя Россіи поддерживать свои требованія силою оружія, самъ Фридрихъ старался обойтись только деклараціей, да еще и „скромной“. Мало того, онъ даже впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, когда, не желая вмѣшаться энергично въ диссидентское дѣло, начинаетъ разсуждать о правѣ.

„Всякое государство, пишетъ онъ 5 февр. 1767 г. Сольмсу, монархическое или республиканское имѣетъ право уничтожать и издавать у себя законы. Польша воспользовалась этимъ правомъ. Она издала законъ, что диссиденты не должны занимать государственныхъ должностей и потому лишила ихъ этого права. Отсюда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ императрица Россіи можетъ вмѣшаться въ внутреннія дѣла Польши? По какому праву она это дѣлаетъ? Въ виду какой власти?

Вотъ вопросы, на которые вамъ не дадутъ опредѣлительныхъ отвѣтовъ. Вѣнскій дворъ въ этомъ поведеніи императрицы именно и усматриваетъ произволъ и покушеніе на свободу поляковъ. Признаюсь вамъ, что когда начнешь просматривать Гуго Гроціуса, то нельзя не согласиться, что поведеніе императрицы Россіи трудно чѣмъ-нибудь оправдать и вопросъ тутъ заключается не въ настойчивости, а въ правѣ. Во всякомъ случаѣ, что бы тамъ ни было, я простираю свою любезность на столько, что даже предлагаю свои услуги въ дѣлѣ, которое въ глубинѣ души не могу считать правымъ; но надѣюсь, что примутъ въ расчетъ эти мои услуги“ (16). Мы не будемъ излагать подробно исторію конфедераціи, образованной Репнинымъ, это не относится къ нашей задачѣ, скажемъ только о ней на столько, на сколько это необходимо.

Несмотря на всеобщую, повидимому, ненависть поляковъ къ дѣлу диссидентовъ, образовать конфедерацію было не трудно. Нужно было только брызнуть на шляхту, продававшую свои убѣжденія за небольшія, сравнительно, цѣны, русскимъ золотомъ. Да образованію конфедерацій, не одной, но даже нѣсколькихъ, способствовало и то обстоятельство, что среди польскихъ магнатовъ не было единодушія, господствовала постыдная партійность. Изъ-за того только, чтобы насолить своимъ недругамъ, готовы были продать не только отечество, но и брата родного.

Чтобы удобнѣе составить конфедерацію, цѣлью ея выставляли защиту старыхъ шляхетскихъ правъ отъ нововведеній реформаторовъ, главами которыхъ были Чарторыйскіе; поэтому къ конфедераціи приглашались лица, враждебныя „фамиліи“. По этой причинѣ, а отчасти и потому, чтобы среди самихъ католиковъ образовать конфедерацію, Репнинъ завелъ съ княземъ Карломъ Радзивилломъ сношенія. Этотъ Карлъ Радзивиллъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „Panie Kochanku“ и былъ, по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ, замѣчательнымъ безобразникомъ (17), такъ что Репнинъ, приглашая его къ участію въ конфедераціи, вмѣстѣ съ тѣмъ приглашалъ его вести себя поприличнѣй и благоразумнѣй. И этотъ младенецъ былъ уже съ сѣдыми волосами! Понятно, его

поманили обѣщаніями и онъ, бывши ранѣе врагомъ русскаго двора, (ввязывался въ дѣло Таракановой), сразу сдѣлался его величайшимъ другомъ. Собственно, онъ былъ нуженъ, по выраженію Соловьева, для „пугалища“ Чарторыйскихъ, такъ какъ онъ былъ ихъ врагомъ, а чтобы не давать ему надѣлать шалостей, къ нему Репнинъ приставилъ полковника Кара съ командой, подъ видомъ прикрытія конфедераціи.

Образовано было три конфедераціи: въ мартѣ 1767 г., въ Торнѣ изъ протестантовъ, около того же времени изъ православныхъ въ Слуцкѣ, а 3-го іюня въ Вильнѣ. Радзивиллъ торжественно подписалъ свой акцессъ къ конфедераціи. Потомъ онъ перешелъ въ Радомъ; тамъ русскія войска открыли конфедератамъ истинную цѣль составленія конфедераціи, и довольно нелюбезно угрожая конфедератамъ, попросили ихъ подписать требованія правъ диссидентамъ. Радзивиллъ и его партія подписали, хотя и открыто выражали свое неудовольствіе, такъ какъ они сначала думали, что конфедерація будетъ имѣть цѣлью сверженіе короля—врага Радзивилла и возвеличеніе послѣдняго даже до украшенія его сѣдыхъ волосъ польской короной.

Тутъ поднялся съ фанатическими и возбудительными посланіями краковскій епископъ Солтыкъ. На открывшемся 23 сентября сеймѣ ничего нельзя было сдѣлать въ пользу проекта о диссидентахъ благодаря сопротивленію Солтыка, краковскаго воеводы Вацлава Ржевусскаго и его сына Северина и кіевскаго епископа Залусскаго. Солтыкъ даже на дому обдумывалъ съ вождями оппозиціи Репнину, не устроить ли надъ некатоликами чего-нибудь вродѣ Варѳоломеевской ночи. Онъ устроилъ, однако, не Варѳоломеевскую ночь, а ночь съ 13 на 14 октября. Въ эту ночь Солтыкъ, Залусскій, Ржевусскій, отецъ и сынъ, были арестованы и отправлены въ Калугу. Вожди оппозиціи были устранены. Съ остальными Репнинъ не считалъ нужнымъ особенно церемониться. Онъ послѣ этого на сеймѣ говорилъ: „я требую не толковъ, не объясненій, а послушанія“, однимъ словомъ, велъ себя такъ, какъ ведутъ себя взрослые съ распалившимися черезъ мѣру дѣтьми. 19 ноября было рѣше-

но: допустить православныхъ и диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, исключая королевскаго достоинства.

По упорнымъ настояніямъ Фридриха II, не было позволено сейму сдѣлать какія-либо измѣненія конституціи, въ видѣ усиленія власти короля и учрежденія постояннаго совѣта. Опасенія Фридриха пробирались такъ далеко, что король совѣтуетъ Сольмсу объясниться по этому поводу хорошенько съ гр. Панинымъ, чтобы его племянникъ (Репнинъ) не вздумалъ какъ-нибудь, изъ любезности къ польскому королю, согласиться хотя на малѣйшее измѣненіе формы правленія. Свои разсужденія о правахъ государствъ измѣнить свои законы и о Гуго Гроціусѣ онъ здѣсь уже не вспоминаетъ.

Рѣшеніе сейма о дарованіи правъ диссидентамъ, а также и трактатъ съ Россіею были окончательно подписаны $^{13}/_{24}$ февраля 1768 года. Этимъ трактатомъ Россія гарантировала существующій строй Польши. Вотъ его формулировка (18): „А какъ яснѣйшая Рѣчь Посполитая для вѣчной твердости всему тому, что ею нынѣ въ собственную пользу узаконено, наиторжественнѣйшимъ образомъ рекламировала и теперь еще рекламируетъ высокую ея императорскаго величества всероссійской гарантію на конституцію, форму правленія, вольность и законы свои, то ея императорское величество, въ удовлетвореніе желаніямъ и дружеской довѣренности яснѣйшей Рѣчи Посполитой, торжественно гарантируетъ ей симъ трактатомъ въ вѣчныя времена конституцію, форму правленія, вольность и законы ея, обѣщаясь свято и обязуясь за себя и за преемниковъ своихъ удерживать, сохранять и защищать яснѣйшую Рѣчь Посполитую Польскую въ неприкосновенной ихъ цѣлости“.

Этотъ трактатъ въ исторіи „сѣверной системы“ имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и ранѣе разсмотрѣнный нами союзный трактатъ Россіи съ Пруссіей.

Екатерина и ея министры, въ особенности Панинъ, отуманенные, если можно такъ выразиться, созерцаніемъ будущихъ благъ, долженствующихъ произойти отъ сѣверной системы, угождали Фридриху въ настоящемъ, и трактатъ **13 февраля 1768 года съ Польшей дѣлаетъ Россію окончательно орудіемъ Пруссіи.**

Этотъ трактатъ гарантировалъ, какъ мы только что видѣли, существующій порядокъ, или, вѣрнѣе сказать безпорядокъ, въ Польшѣ и отнималъ у патріотовъ надежду, хотя бы въ значительной степени и призрачную, какъ нами выше было указано, на улучшенія, на реформы.... Онъ устанавливалъ въ государствѣ какой-то страшный китайскій застой и невозможность улучшеній. Но стремленія къ нимъ, какъ мы видѣли, уже были въ польскомъ обществѣ; къ нимъ же стремился и король. Слѣдовательно, Россія, становясь на пути этихъ стремленій, становилась въ глазахъ этихъ патріотовъ самымъ ужаснымъ и злокозненнымъ врагомъ.

И дѣйствительно, какъ мы увидимъ, съ этого момента популярность Россіи, и ранѣе бывшая небольшою въ Польшѣ, стала тамъ совершенно падать—и мы видимъ даже тяготѣніе Польши къ Пруссіи—это трактатъ Польши съ Пруссіей 1790 года.

И такъ, Россія становилась орудіемъ Пруссіи потому-во-первыхъ, что она дѣлала дѣло, для нея рѣшительно ненужное, а именно: противилась стремленіямъ къ реформамъ въ Польшѣ въ угоду Пруссіи, такъ какъ эти реформы ни въ какомъ случаѣ не были опасны для Россіи, а могли быть опасны для Пруссіи, что и видѣлъ Фридрихъ и, оставаясь въ сторонѣ, чрезъ Россію старался не допустить осуществиться реформамъ, во-вторыхъ, Россія становилась орудіемъ Пруссіи потому, что дѣйствуя не въ духѣ національныхъ польскихъ стремленій, она возбуждала къ себѣ ненависть и стремленіе освободиться отъ русской, насильно навязанной, опеки, а освободиться отъ нея можно было только тогда, когда за поляковъ заступился бы какой-нибудь сильный сосѣдъ; ближе же всѣхъ, кромѣ Россіи, сильнѣе и дѣятельнѣе была, безъ сомнѣнія, Пруссія. Все это, какъ увидимъ, и оправдалось на самомъ дѣлѣ.

IX.

Дальнѣйшія затрудненія, вызывавшіяся попытками осуществить на практикѣ сѣверную систему. Вражда французскаго и австрійскаго дворовъ. Барская конфедерація и необходимость русскаго вмѣшательства. Польскій вопросъ оказывается невозможнымъ рѣшить безъ одновременной борьбы съ Турціей.

Договоромъ 13 февраля 1768 года польскія дѣла, повидимому, были успокоены на будущее время, по крайней мѣрѣ, на ближайшее; но это было только повидимому.

Безпокойныя головы, возбужденныя фанатическими воззваніями епископовъ и вообще католическаго духовенства, не могли успокоиться сразу.

Правда, порядокъ, установлявшійся договоромъ, гарантированъ былъ двумя сильнѣйшими сосѣдями: Пруссіей и Россіей, съ которыми борьба была немыслима, но въ Польшѣ искони не обращали вниманія на подобные пустяки и всегда смѣло „прали противъ рожна“. То же самое случилось и теперь.

Въ Подоліи каменецкій епископъ Красинскій съ братомъ Михаиломъ и Іосифомъ Пулавскимъ, извѣстнымъ въ то время адвокатомъ, захватили городъ Баръ и объявили, что они составляютъ конфедерацію противъ сейма 1768 года, т.-е. противъ всѣхъ перемѣнъ, узаконенныхъ на немъ, а, главнымъ образомъ, противъ русской гарантіи и дарованія правъ некатоликамъ. Благодаря этому они объявляли, что возстали „за вѣру и свободу“. Понятно, что эти слова „вѣра и свобода“ брались просто, какъ первыя попавшіяся съ вѣтру красныя словца. Вѣра ихъ вѣдь на сеймѣ признана была господствующей, а свобода творить безобразія въ стилѣ Panie Kochanku, оставалась вполнѣ прежняя. Гаран-

тія Россіи именно не позволила покушеній сторонниковъ реформъ на пресловутую свободу шляхты и ея дорогое liberum veto, какъ это мы уже видѣли ранѣе.

Но шляхта, праздная и жаждущая легкой наживы, не старалась заглядывать далеко въ будущее, поэтому конфедерація быстро разросталась; въ другихъ мѣстахъ Польши тоже появились шайки. Русскія войска начали съ ними борьбу, которая должна была принять партизанскій характеръ. Въ то же время конфедераты разослали посланцевъ просить помощи; были посланы они въ Турцію, въ Саксонію, а во Францію поѣхалъ самъ епископъ Красинскій.

Между тѣмъ конфедераты обратили всю свою злобу противъ южно-русскаго населенія, которое было для нихъ ненавистно потому, что Екатерина заступилась за нихъ, выхлопотала на сеймѣ имъ дарованіе правъ. Начались совершаться конфедератами звѣрства, напр., былъ сожженъ самымъ варварскимъ образомъ мліевскій ктиторъ Данило Кушниръ по пустячному поводу. Все это возмущало русское населеніе, которое, надѣясь на русскую помощь, подъ предводительствомъ Желѣзняка и Гонты, наконецъ, подняло знамя возстанія. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было сильное; поэтому и поляки и гайдамаки, позволяли себѣ крайнія звѣрства другъ надъ другомъ, о которыхъ мы не будемъ здѣсь вдаваться въ подробности, такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего очерка.

Намъ важно въ этомъ возстаніи отмѣтить то, что взятіе гайдамаками Балты, пограничнаго городка съ Турціей, и истребленіе жителей турецкаго селенія Галты, лежавшаго возлѣ Балты, было ближайшимъ, непосредственнымъ поводомъ къ объявленію Турціей войны Россіи. Но, конечно, побудительныя причины къ войнѣ были прежде, а этотъ случай далъ только Турціи возможность придраться. Какіе же были поводы для вражды Турціи къ Россіи? Для выясненія этого вопроса намъ придется довольно надолго распрощаться съ польскими дѣлами и посмотрѣть, какъ дѣйствовала сѣверная система въ это время, и въ какой мѣрѣ она выполняла возлагавшіяся на нее ранѣе надежды.

Замѣтимъ только здѣсь, что Екатерина отнеслась недружелюбно къ возстанію гайдамаковъ, не оправдала надеждъ, которыя они возлагали на православную матушку-царицу. Ихъ обманомъ захватили, пригласивъ сообща будто бы дѣйствовать противъ конфедератовъ, и Желѣзнякъ былъ отправленъ въ Сибирь, а Гонту выдали польскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ вмѣстѣ съ русскими противъ конфедератовъ, которыя самымъ азіатскимъ образомъ замучили его (1). Причинами такой расправы съ гайдамаками были: во-первыхъ боязнь Екатерины, какъ бы возстаніе не отозвалось и въ Россіи возстаніемъ крестьянъ въ Малороссіи, положеніе которыхъ было не особенно привлекательнымъ, и во-вторыхъ, раздраженность на нихъ за то, что они поссорили Россію съ Турціей.

Союзъ Россіи съ Пруссіей, хлопоты Россіи о договорѣ съ Англіей и стремленіе ввести въ дѣйствіе въ Европѣ могучую по замыслу сѣверную систему—все это не могло нравиться Франціи.

Французскій дворъ былъ крайне раздраженъ. О степени его раздраженія можно напр., судить по слѣдующему письму Шуазеля (2): „мы знаемъ безпричинную злобу русскаго двора противъ Франціи. Король такъ глубоко презираетъ и государыню, которая царствуетъ въ этой странѣ, и ея чувства, и ея поведеніе, что наше желаніе—не дѣлать ни одного шага для того, чтобы ее склонить къ перемѣнѣ отношеній. Король думаетъ, что ненависть Екатерины II гораздо болѣе почетна, чѣмъ ея дружба“. Въ то же время король желаетъ, однако, избѣжать шума (разрыва съ русскимъ правительствомъ). Въ инструкціи Бретейлю (10 сентября 1762 г.) говорилось: „единственная цѣль нашей политики съ Россіей—это удалить ее возможно далѣе отъ всѣхъ дѣлъ Европы“ (3). „Говорятъ“, писалъ Людовикъ XV своему послу, „что русскіе вельможи, узнавъ разницу, существующую между началами отечественнаго правительства и порядками другихъ государствъ, не далеки отъ мысли свергнуть деспотію и устроить республику, или же, по меньшей мѣрѣ, ограничить власть государя. Я сознаю, что если не случится что-нибудь внезапное, достигнуть этого можно только долгимъ трудомъ. Но

какъ бы это ни случилось, тѣмъ или другимъ путемъ, послѣдствіемъ будетъ ослабленіе имперіи, и потому я не сомнѣваюсь въ вашей готовности серьезно заняться изученіемъ какъ расположенія народа къ императрицѣ и къ принцу Ивану, такъ и желаній народа возвратить ему свободу..." Все, что въ состояніи ввергнуть эту имперію въ хаосъ и заставить ее вернуться въ мракъ, выгодно моимъ интересамъ! Не можетъ быть рѣчи, съ моей стороны, о заключеніи съ Россіей какихъ-либо союзовъ. Достаточно будетъ поддерживать нынѣ существующія отношенія, основанныя на приличіи, и искусно предупреждать обязательства, направленныя противъ нашихъ видовъ."(4).

О взаимномъ ожесточеніи русскаго и французскаго правительствъ упоминается и въ донесеніяхъ англійскихъ и прусскихъ пословъ при русскомъ дворѣ.

Такъ графъ Букингамскій уже 25 апрѣля 1763 г. сообщаетъ своему правительству, что Екатерина „питаетъ глубокое отвращеніе къ французскому народу" (5).

Франція употребляла всѣ усилія, чтобы помѣшать усиленію какъ Россіи, такъ и Пруссіи какимъ бы то ни было образомъ.

Но если мы припомнимъ, въ какомъ положеніи Франція находилась въ то время, время постепенно увеличивавшагося, ужаснаго упадка; если припомнимъ, что она, кромѣ того, потерпѣла во время войны съ Англіей, во время которой были потеряны богатѣйшія колоніи въ Азіи,—Пондишери и Маге, и въ Америкѣ—Канада, и во время которой французы были совершенно вытѣснены изъ Остъ-Индіи; если мы припомнимъ, наконецъ, и то, что гордость французской націи была жестоко оскорблена высадками англичанъ на сѣверный берегъ Франціи, то мы, конечно, поймемъ, что Франція должна была напередъ вести себя осторожнѣй и не дѣйствовать открыто противъ враговъ, которые могутъ оказаться сильнѣй.

Положеніе французскаго правительства, возведеннаго до небывалаго могущества самовластіемъ Людовика XIV, самовластіемъ, безспорно положившимъ начало упадку Франціи (6), но въ то же время льстив-

шимъ народному тщеславію, а потому популярнымъ расшатывалось неудачами войны съ Англіей. Ничтожнѣйшій изъ ничтожнѣйшихъ государей, когда-либо бывшихъ въ мірѣ, Людовикъ XV сначала былъ популяренъ; въ 1744 году народъ, по словамъ Шлоссера, еще чтилъ его „идолопоклонническимъ образомъ", а въ концѣ войны съ Англіей, т.-е. въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ XVIII-го столѣтія, французы уже пѣли про него бранныя пѣсни. Дѣла Европы складывались, какъ на зло, такъ, что Франція не должна была сидѣть, сложа руки, хотя истощеніе ея и было страшное, и которое, вдобавокъ, правительство ея мало понимало (8). Вотъ поэтому она и выступаетъ на единственно возможный для нея путь—это путь интригъ.

Союзъ Россіи съ Пруссіей былъ для Франціи тяжелымъ ударомъ.

Пруссія была врагомъ Франціи и ея усиленіе допускать было противно всѣмъ стремленіямъ французскаго двора. Союзъ же непремѣнно долженъ былъ клониться къ усиленію Пруссіи, что и оправдалось на польскомъ вопросѣ. Вмѣшательство Россіи и Пруссіи должно было вести къ обрѣзкѣ польскихъ владѣній въ видѣ вознагражденія за хлопоты. Чтобы не допускать этого, Франція должна была вмѣшаться въ польскія дѣла. Но какъ она могла это сдѣлать? Ей было надо помощью интригъ угрожать постоянно Россіи, и она дѣйствительно употребляетъ всѣ усилія сблизиться съ Турціей и возбудить ее противъ Россіи.

Вотъ какъ, напр., смотрѣлъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ Шуазель въ письмѣ къ Верженню, французскому посланнику въ Константинополѣ (многое можетъ быть имъ и нарочно здѣсь подкрашено чернымъ цвѣтомъ) (9): „Я съ печалью убѣдился, что сѣверъ Европы подчиняется все болѣе и болѣе русской императрицѣ, и что англійскія субсидіи были приманкою, которую предоставляла эта государыня, чтобы утвердить тамъ свой деспотизмъ. Данія по боязни, а также и вслѣдствіе призрачной надежды пріобрѣсти часть Голштиніи, принадлежащей великому князю, подчиняется до низости всѣмъ прихотямъ царицы. Швеція, по неслыханнымъ причинамъ, мыслитъ и дѣйствуетъ только по

ея приказаніямъ. Король прусскій пощаженъ и поддерживаетъ петербургскія дѣйствія. Поэтому я съ печалью вижу, что на Сѣверѣ приготовляется лига, которая станетъ страшной для Франціи. Самое вѣрное средство разрушить этотъ проектъ и, можетъ быть низвергнуть императрицу Екатерину съ захваченнаго ею трона,— это было бы возбудить противъ нея войну.

Только турки въ состояніи оказать намъ эту услугу. Если вы это признаете возможнымъ и если вы надѣетесь добиться этого, то вамъ будутъ доставлены всѣ денежныя средства, которыя вамъ будутъ необходимы". На всякій случай уже въ 1765 г. французскіе шпіоны снимали планы крѣпостей на югѣ Россіи. Въ апрѣлѣ 1765 г. въ Саренѣ на Волгѣ былъ арестованъ французскій шпіонъ, у котораго были различные планы русскихъ крѣпостей, расположенныхъ по турецкой границѣ, но ему удалось бѣжать изъ-подъ ареста ([10]).

Французское правительство старалось убѣдить Турцію, что не надо позволять Россіи расправляться съ Польшей, что расправившись съ Польшей, она не преминетъ напасть на Турцію со всѣми силами, и что поэтому, чтобы предупредить это несчастье, нужно объявить войну Россіи тогда, когда у послѣдней будутъ силы отвлекаться на западъ, въ Польшу. На такія внушенія въ Турціи сначала не слишкомъ сильно обращали вниманіе, хотя русскому послу и приходилось давать довольно непріятныя для него разъясненія, но съ теченіемъ времени стали и прислушиваться къ нимъ, тѣмъ болѣе, что многое въ этихъ предостереженіяхъ было справедливо. Обрѣзковъ, русскій посолъ при турецкомъ дворѣ, постоянно извѣщалъ свой дворъ объ интригахъ Австріи и Франціи.

При извѣстіи о Барской конфедераціи, когда вожди ея обратились формально съ просьбою о помощи къ Турціи, и когда вблизи турецкихъ границъ для усмиренія конфедератовъ было большое русское войско, въ Турціи еще болѣе стали безпокоиться. Тамъ постоянно настаивали на выведеніи изъ Польши русскихъ войскъ, чего, конечно, никоимъ образомъ сдѣлать было нельзя.

Натянутость уже была въ высшей степени, когда вдругъ пришло въ Константинополь извѣстіе о Балт-

скомъ погромѣ. Хотѣли было немедленно объявить войну Россіи, и Обрѣзковъ едва сумѣлъ удержать отъ этого намѣренія увѣреніями, что это все произошло противъ воли Екатерины, и что она дастъ Портѣ полное удовлетвореніе. Но все-таки двадцатитысячному турецкому корпусу велѣно было придвинуться къ русскимъ границамъ. Дѣло, начатое французами, однако, не остановилось на этомъ. Въ Турціи противъ Россіи сказалось сильное народное движеніе неудовольствія, разжигавшееся еще фанатиками. Народъ желалъ войны. Обрѣзковъ долженъ былъ оправдаться въ Балтскомъ происшествіи; ему даже для приданія въ нужномъ случаѣ словамъ его у турецкаго министерства большей силы лестнымъ блескомъ золота, изволили ея императорское величество повелѣть отправить 70000 рублей (11). Но все это не помогло, и въ концѣ сентября война была объявлена, а Обрѣзковъ съ 18-ю человѣками своей свиты засаженъ въ тѣсное заключеніе въ Семибашенномъ замкѣ, несмотря на ходатайство о немъ прусскаго посланника и англійскаго посла.

Вотъ такимъ образомъ еще одно, не принятое въ расчетъ при составленіи сѣверной системы, послѣдствіе ея. Къ трудному вопросу польскому присоединяется еще болѣе трудный турецкій.

Войска должны были теперь раздѣлиться на 2 части—одной приходилось бороться съ Барской конфедераціей, а другой съ Турціей. То обстоятельство, что Станиславъ Августъ, подчиняясь желанію Екатерины, объявилъ Турціи также войну, не могло нисколько помочь Россіи, такъ какъ у Станислава Августа не было ни войска, ни денегъ; онъ и съ конфедераціей бороться былъ совершенно безсиленъ, напротивъ, самъ онъ подвергался опасности быть захваченнымъ конфедератами.

Къ тому же Франція, выдвинувши противъ Россіи Турцію, начала дѣйствовать смѣлѣе. Епископъ Каменецкій Красинскій получилъ отъ французскаго двора 200.000 ливровъ и обѣщаніе увеличить эту сумму до 3.000.000, если это окажется необходимымъ. Набирались также офицеры для посылки къ конфедератамъ.

Австрія за это время относилась къ Россіи враждебно и съ тревогой слѣдила за возрастаніемъ политическаго значенія Россіи, но съ другой стороны, она не вполнѣ довѣряла и французскому двору, который черезчуръ самостоятельно велъ свою политику, почти не обращая вниманія на желанія Вѣнскаго двора, безсиліе котораго такъ ярко выразилось и въ исходѣ семилѣтней войны и въ неудачныхъ попыткахъ поддержать кандидата на польскій престолъ, неугоднаго русской императрицѣ (12).

Мало-по-малу, повидимому, Австрія отстраняется отъ Франціи и начинаетъ подумывать о сближеніи съ Россіей и даже Пруссіей, по мѣрѣ того, какъ мысль поживиться на счетъ Польши являлась все болѣе и болѣе возможной; уже напр., въ ноябрѣ 1765 г. австрійскій посолъ, кн. Лобковичъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что императрица весьма неблагосклонно относится къ французскому посланнику, а съ нимъ любезна (13). То же самое повторяетъ онъ и въ апрѣлѣ 1767 года, замѣчая, что судя по обращенію гр. Панина съ нимъ, русскій дворъ намѣренъ сохранить съ Вѣнскимъ вполнѣ дружественныя отношенія (14).

X.

Затрудненія въ присоединеніи къ системѣ сѣверныхъ державъ: Швеціи, Англіи и Даніи.

Сѣверная система носила еще, такъ сказать, въ самомъ сердцѣ своемъ неизлѣчимую язву,—этой язвой была Швеція.

Мы видѣли, какъ упорно велась борьба между русскимъ и французскимъ дворами въ Швеціи, какъ много денегъ уходило туда, и какъ эти траты оставались почти безъ результатовъ. Мы видѣли, что Англія была готова дѣйствовать въ Швеціи сообща съ Россіей, такъ какъ интересы ея здѣсь сходились, и какъ эти совмѣстныя дѣйствія двухъ государствъ вызвали взрывъ народнаго негодованія противъ иноземнаго угнетенія, выразившагося въ воззваніи 24 февраля.

Англія все-таки дѣйствовала въ это время не такъ, какъ хотѣлось русскому двору. Она не хотѣла дѣлать денежныхъ тратъ въ мирное время и эти постоянные отказы въ субсидіяхъ, требовавшихся русскимъ дворомъ для дѣлъ, интересующихъ оба государства, а также и то, что русское правительство требовало „турецкій casus foederis“, т.-е. обязательства Англіи помогать Россіи и противъ Турціи въ случаѣ возникновенія войны съ послѣдней, производили то, что союзнаго договора не могли никакъ заключить, хотя переговоры о немъ не прерывались и послѣ заключенія торговаго трактата. Уже 23 іюня (4 іюля) 1766 г., Макартней доноситъ своему правительству: „онъ (Панинъ) отвѣчалъ, что ничего не желаетъ такъ сильно, какъ союза съ Великобританіей, такъ какъ согласно первому составленному имъ проекту, **его великая сѣверная система не можетъ состояться безъ этого,** но что союзъ съ Великобританіей можетъ обойтись слишкомъ дорого;

что мы требовали такой цѣны, которой онъ по чести никоимъ образомъ не можетъ согласиться выплатить, что онъ связанъ передъ Пруссіей и Даніей положительнымъ обязательствомъ не заключать союзнаго договора съ нами, ни съ какой-либо другой державой иначе, какъ подчинивъ ихъ, касательно Турціи, тѣмъ же самымъ условіямъ, на которыя согласились вышеупомянутыя государства; что таковы были обязательства русскаго двора, и что покуда императрица на престолѣ, а онъ ея министръ, она не отступится отъ нихъ; въ случаѣ же, если Великобританія искренна въ своихъ намѣреніяхъ, то ей будетъ весьма легко удалить всякое затрудненіе и достигнуть совершеннаго согласія между обѣими державами! (1).

И въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ онъ постоянно твердитъ о непреклонности Панина въ вопросѣ о турецкомъ casus foederis, при чемъ, однажды, увѣряя въ личномъ расположеніи къ нему Панина, тѣмъ не менѣе передаетъ ироническій отвѣтъ Панина на замѣчаніе Макартнея о томъ, что Англія истратила въ послѣднее время много денегъ въ Швеціи, дѣйствуя въ сущности въ согласіи съ Россіей: „когда скажу я вамъ, выразился Панинъ, что Данія дала 100.000 рублей, когда я скажу вамъ, что я истратилъ полмилліона въ этомъ проклятомъ сеймѣ, можете ли вы послѣ этого серьезно говорить мнѣ объ усиліяхъ Великобританіи?“ Я, говоритъ Макартней, хотѣлъ отвѣчать, но онъ прервалъ меня, прося оставить этотъ предметъ, который ему очень непріятенъ, и затѣмъ прибавилъ, что если бы онъ только имѣлъ понятіе о расчетливости Англіи, онъ никогда бы не просилъ ее выдать ни гроша“ (2).

При дальнѣйшихъ переговорахъ (въ октябрѣ 1766 года) Панинъ заявилъ Макартнею, что въ случаѣ отказа Англіи отъ издержекъ въ Швеціи, онъ не вступитъ въ дальнѣйшія обязательства съ Англіей, а составитъ свою систему, насколько можно лучше безъ англичанъ. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ о союзномъ договорѣ выяснялась все болѣе и болѣе важность пункта о Турціи, такъ какъ, по вполнѣ справедливому замѣчанію Панина „англійскій союзъ не представляетъ никакой пользы для Россіи, иначе какъ въ случаѣ войны съ От-

томанской Портой, ибо какая другая держава осмѣлится напасть на нее? Между тѣмъ какъ Великобританія извлечетъ для себя всѣ выгоды, какія только можетъ желать, изъ союза съ Россіей, все равно, разсматривать ли этотъ союзъ въ наступательномъ характерѣ, или только въ оборонительномъ“ (3).

И эти слова Панина были сущей правдой. Панинъ чаще, чѣмъ другіе современные ему политики, рѣшался говорить прямо, безъ всякихъ обиняковъ, то, что составляло его убѣжденіе. Въ данномъ случаѣ вѣрность его взгляда подтверждается инструкціей, посланной Макартнею изъ Лондона въ декабрѣ 1766 г., изъ которой видно, что англійское правительство въ свою очередь, было очень озабочено составленіемъ союза сѣверныхъ державъ противъ Франціи и Австріи, но хотѣло получить это безъ всякихъ съ своей стороны жертвъ.

„Считаю лишнимъ передавать вамъ, что его величество давно уже желалъ составить на Сѣверѣ союзъ, достаточно сильный для того, чтобы имѣть перевѣсъ надъ опасными замыслами южныхъ державъ. Главное препятствіе къ выполненію этого плана возникло, какъ вамъ хорошо извѣстно, вслѣдствіе затрудненій, поднятыхъ при дворѣ, гдѣ вы находитесь, ибо его величество постоянно считалъ свои переговоры съ этимъ дворомъ **за основаніе упомянутаго дѣла.** Затрудненія эти, какъ вамъ тоже хорошо извѣстно, состояли, смѣю сказать, въ одной только упрямой настойчивости императрицы на статьѣ о турецкомъ casus foederis; между причинами подобной настойчивости выставлялось на видъ согласіе короля прусскаго на такую же статью въ послѣднемъ трактатѣ съ Россіей. Мнѣнія этого монарха по предмету общаго союза, въ которомъ полагали и надѣялись, что онъ со временемъ приметъ участіе, были мало извѣстны, вслѣдствіе той холодности, съ какой онъ отозвался на первоначальныя предложенія, сдѣланныя ему на счетъ взаимнаго назначенія министровъ въ Лондонъ и Берлинъ. Но теперь, когда вслѣдствіе постояннаго и твердаго отказа императрицы разстаться съ этимъ пунктомъ, мы поставлены въ необходимость искать помощи вездѣ, гдѣ только можно расчитывать на нее, для того, чтобы поколебать эту рѣшимость, самой есте-

ственной мѣрой являлась попытка узнать мнѣнія его прусскаго величества, какъ на счетъ предполагаемаго союза, такъ и относительно того затрудненія, которое повидимому задерживало ходъ его. Это было исполнено нашимъ министромъ при этомъ дворѣ и къ сожалѣнію, я долженъ передать вамъ, что **совершенное нерасположеніе,** выраженное его прусскимъ величествомъ касательно общей цѣли, сдѣлало въ настоящую минуту ненужнымъ и даже невозможнымъ вступать съ нимъ въ дальнѣйшія объясненія по этому предмету.

Меня удивляетъ, почему оба упомянутые мною двора до того заблуждаются насчетъ собственныхъ интересовъ, чтобы не воспользоваться съ радостью предложеніемъ такого почтеннаго союза, столь соотвѣтствующаго поддержанію ихъ существеннѣйшихъ интересовъ въ такую критическую для нихъ минуту, тѣмъ болѣе, что союзъ этотъ усложненъ столь немногими затрудненіями, по смыслу испрашиваемыхъ нами условій. Но дѣло въ томъ, что гордость, неправильная политика и ложныя понятія этихъ державъ и ихъ министровъ, заставляютъ ихъ отталкивать съ презрѣніемъ свободное предложеніе такого союза, какъ съ Великобританіей, которой десять разъ меньше слѣдуетъ надѣяться на континентальныя державы или опасаться ихъ, чѣмъ тѣмъ, кои такъ неблагоразумно отвергаютъ планъ еще болѣе необходимый для ихъ ближайшей безопасности, чѣмъ для общихъ интересовъ, ежедневно угрожаемыхъ сильнымъ южнымъ союзомъ, честолюбіе котораго при настоящемъ положеніи дѣлъ, можетъ поколебать всю континентальную систему прежде, чѣмъ причинить существенный вредъ британскимъ владѣніямъ“ (4).

Все это на самомъ дѣлѣ были только одни красивыя слова. Въ сущности въ Англіи желали примкнуть къ сѣверной системѣ почти въ томъ же смыслѣ, въ какомъ ее представлялъ Панинъ, но только безъ всякихъ жертвъ со стороны Англіи. Хотѣли другими словами пользоваться выгодами системы, не неся съ своей стороны тяготъ ея. А тяготы эти, конечно, должны были предвидѣться въ виду враждебности бурбонскаго союза (т.-е. союза Австріи и Франціи). А гдѣ же легче всего этому союзу было нанести ударъ Россіи, какъ не въ Турціи.

Вѣдь и послѣдствія оправдали дальновидность политики Панина, когда французскіе политики сумѣли возбудить къ войнѣ съ Россіей именно Турцію.

Не мудрено, поэтому, что Панину пришлось отказаться отъ мысли скораго заключенія союзнаго договора съ Англіей. Поэтому переговоры съ конца 1766 г. теряютъ свою интенсивность. О немъ почти не говорятъ. Впечатлѣніе, произведенное собраніемъ депутатовъ для составленія новаго уложенія, было настолько велико, что даже хладнокровнымъ сынамъ Альбіона казалось отреченіемъ императрицы отъ своихъ самодержавныхъ правъ, чего на самомъ дѣлѣ, какъ теперь вполнѣ установлено, не было не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ.

Макартней, тщетно хлопотавшій о союзномъ договорѣ, былъ отозванъ въ началѣ 1767 г., а его преемникъ, лордъ Каскартъ пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1768 г., а въ промежуткѣ посольствомъ управлялъ Генрихъ Шерлей. Онъ, несмотря на неуступчивость Панина въ вопросѣ о союзѣ, считаетъ Панина важнымъ и полезнымъ для Англіи. Говоря объ интригахъ противъ Панина, онъ пишетъ: „вы, сэръ, такъ хорошо знакомы съ положеніемъ этого двора, что для васъ, конечно, будетъ очевидно, до какой степени пострадали бы дѣла Великобританіи, вслѣдствіе удаленія Панина, такъ какъ во всей имперіи не нашлось бы никого, кто бы согласился на дружбу съ нами, имѣя возможность быть нашимъ врагомъ; безкорыстіе Панина, его способности, преданность его системѣ, которую онъ считаетъ своимъ произведеніемъ, слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы о потерѣ такого министра не пожалѣлъ бы всякій, желающій успѣха общему дѣлу“ (5).

И Шерлей не только не могъ нисколько подвинуть дѣло заключенія союзнаго договора, но даже, судя по его донесеніямъ, какъ-будто и самъ сталъ склоняться къ мысли о справедливости настойчивости Панина въ вопросѣ о турецкомъ casus foederis, такъ по крайней мѣрѣ, можно судить по тому его донесенію отъ 4 (15) ноября 1767 г., гдѣ подробно излагая свой разговоръ съ Панинымъ объ этомъ предметѣ, онъ высказываетъ,

что Панинъ „не приступитъ къ переговорамъ съ нами (англичанами) ранѣе той минуты, когда Великобританія предложитъ какія бы то ни было мѣры для устраненія затрудненій, препятствовавшихъ намъ до сихъ поръ соединиться, такъ какъ мы бы должны того желать, т.-е. на основаніяхъ, которыя бы намъ доставили возможность держать въ своихъ рукахъ судьбу европейской войны въ томъ случаѣ, если бы одна изъ прочихъ державъ заявила намѣреніе нарушить настоящее спокойствіе". Далѣе онъ прибавляетъ: „скажу только, что я убѣжденъ въ искренности словъ этого джентльмена (Панина) и въ томъ, что онъ изобразилъ въ истинномъ свѣтѣ политику своей императрицы" (6), и тутъ же прибавляетъ, что **Фридрихъ употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы помѣшать заключенію союза Россіи съ Англіей.** Это его замѣчаніе еще разъ служитъ подтвержденіемъ высказаннаго раньше мнѣнія объ отношеніи Фридриха къ идеѣ „сѣверной системы".

По мнѣнію австрійскаго посла кн. Лобковича (донес. 20 декабря 1767 г.) то обстоятельство, что назначеніе англійскаго посла въ Россію оттягивается на будущій годъ, встрѣчено при русскомъ дворѣ не особенно дружелюбно, такъ какъ **препятствуетъ образованію великаго сѣвернаго союза** и оставляетъ невыясненными статьи русско-англійскаго трактата (7).

Къ Даніи отношенія и послѣ заключенія оборонительнаго союза продолжали быть довольно дружественными; помѣхой къ прочности дружбы былъ только вопросъ о Голштиніи, о которомъ говорено было уже выше. Хотя Екатерина отказалась совершенно отъ безполезной для Россіи войны, тѣмъ не менѣе въ Даніи могли опасаться, что русскій наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ, вступивъ на престолъ, возобновитъ претензіи своего отца. Дѣло нужно было уладить окончательно; Панинъ въ докладѣ, сдѣланномъ по этому предмету (8), выставляетъ на видъ, что „**составленіе особливой въ сѣверѣ общей системы** есть и должно быть первымъ предметомъ настоящей россійской политики. Но пока малое голштинское княжество пребудетъ въ нынѣшнемъ положеніи своемъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть никогда прочный быть на сѣверѣ покой, слѣ-

довательно ниже состояться въ немъ такая независимая отъ постороннихъ державъ система, которая бы одна все равновѣсіе въ Европѣ содержала. Не можетъ и не будетъ никогда Данія съ безпредѣльною довѣренностью полагаться на Россію, доколѣ по Голштинскимъ дѣламъ хотя малый видъ камня претыканія оставаться не будетъ. До того времени будетъ, конечно, Данія придерживаться Франціи и Австріи и по ихъ дудкамъ напрягать струны свои, дабы у сихъ дворовъ всякій разъ, когда голштинскія притязанія тронуты будутъ, искать себѣ опоры и ими ограждаться. Вѣрно будутъ Франція и Австрія сами всегда стараться продолжать сей камень претыканія, чтобъ способомъ онаго удерживать всегда Данію въ той зависимости, въ которой она у нихъ до нынѣ была. Если поэтому нужно, чтобъ **особливая въ Сѣверѣ система** достигнула когда-либо совершенства своего, время теперь положить оной основаніе. Малолѣтство его императорскаго высочества великаго князя можетъ нынѣ служить къ учиненію о всѣхъ распряхъ запасной сдѣлки, и когда оная отъ ея имп. величества предварительно поставлена, а потомъ, по достиженіи его имп. высочествомъ совершеннолѣтства, дѣйствительно въ исполненіе приведена будетъ, безъ ошибки уже почти можно сказать, что нынѣ же и положится прямое начало тому знатному въ Сѣверѣ политическому зданію, которое я поставляю за выгодное и полезное отечеству.... Когда уже дѣйствительное и твердое отчасти положено основаніе собственной нашей независимой системы, которою толь славно и счастливо произведенъ новый выборъ короля польскаго, должно намъ не о томъ помышлять, чтобъ искать дѣлъ для утвержденія знатности своей, но чтобъ паче руководствовать дѣлами и сохранять собою покой и тишину имперіи своей, чему, по собственному ея императорскаго величества признанію и удостовѣренію, ничто столь способствовать не можетъ, какъ **составленіе подъ предводительствомъ Россіи общаго Сѣверныхъ державъ между собою соединенія и союза.** Умалчивая о всѣхъ другихъ къ сему предмету относительныхъ обстоятельствахъ, нахожу я только примѣтить, что Голштинія, хотя ею и навсегда Данія къ союзу съ нами привлечена

быть можетъ, сама въ себѣ по состоянію своему въ разсужденіи Россіи и ея нынѣ въ Европѣ основанной силы и знатности, отнюдь не можетъ за важное пріобрѣтеніе почитаема быть, а толь меньше польза общаго сѣвернаго союза равняться когда-либо съ выгодою дѣйствительнаго ея владѣнія. Польза отъ союза очевидная, существенная и неоспоримая, а выгода отъ владѣнія исчезаетъ совершенно, если только прямо вообразить себѣ малость съ отдаленнымъ отъ Россіи неудобнымъ положеніемъ той части герцогства голштинскаго, которая принадлежитъ великому князю. Надобно здѣсь примѣтить: Данія предлагала въ прошлыя времена на обмѣнъ за великокняжескую долю Голштиніи графства Ольденбургское и Дельменгорстское. Такое предложеніе противно весьма истиннымъ началамъ россійской политики. Толь великая имперія, которой сила нынѣ совершенно уже утверждена, не будетъ конечно никогда имѣть нужды брать въ обмѣнъ толь бѣдныя землицы. Неприлично державѣ россійской имѣть въ Германіи такія крохи и въ смущенномъ германской имперіи корпусѣ то отъ австрійскаго дома ленное господство, поверхность, или же и одни прицѣпки имперскаго надворнаго суда сносить, то съ сильнѣйшими сосѣдями вступать въ бездѣльныя о границахъ хлопоты и въ соперничество о власти и юрисдикціи. По настоящимъ россійской политики правиламъ, не надобно ей къ истинному ея приращенію ни одной пядени земли въ Германіи. Славнѣе для насъ ничего тамъ не имѣть, а вмѣсто того сильными нашими союзами, особливо же **общимъ сѣвернымъ**, дѣлать всегда перевѣсъ, какъ въ Европѣ, такъ наипаче въ нѣмецкой имперіи при всякомъ томъ случаѣ. Сихъ ради причинъ представленный Даніею обмѣнъ графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго имѣлъ бы для россійской имперіи къ тому единственно служить, чтобъ обратить оный въ пользу и справедливое удовлетвореніе родственникамъ и леннымъ свойственникамъ его императорскаго высочества великаго князя“.

Въ инструкціи же чрезвычайному посланнику и полномочному министру Философову, посланному въ 1766 году въ Данію послѣ смерти Корфа, Панинъ излагаетъ подробно всю систему, при чемъ въ статьѣ 3 указываетъ,

что на сѣверѣ достигнуты дружескія и союзныя отношенія, при чемъ эти отношенія истолкованы очень оптимистически, а внѣшняя дружба существуетъ со всѣми государствами, а въ 4 статьѣ указывается, что слѣдуетъ въ голштинскомъ вопросѣ сдѣлать уступку Даніи, такъ какъ предложеніе о возобновленіи союзнаго договора со стороны Даніи „согласовало весьма принятой ея императорскимъ величествомъ единожды навсегда системѣ вывесть Россію изъ постоянной зависимости и поставить ее способомъ общаго сѣвернаго союза на такой степени, чтобы она, какъ въ общихъ дѣлахъ знатную часть руководства имѣть, такъ особливо въ сѣверѣ тишину и покой ненарушимо сохранять могла, то и было оное тѣмъ охотнѣе выслушано и принято, что къ составленію такой на сѣверѣ независимой системы, которая бы какъ нынѣ фамильному пакту бурбонскаго дома, такъ и всякому впредь подобному соединенію другихъ державъ совершенно равновѣсить могла, согласіе и приступленіе Даніи необходимо нужно, дабы имѣя при себѣ на сухомъ пути перевѣсъ силъ, имѣть еще способомъ ея и перевѣсъ на Балтійскомъ морѣ, которому ключъ въ ея рукахъ“. Далѣе признается, что „интересы его датскаго величества нераздѣльно самою натурою соединены съ интересами имперіи и съ цѣлостью тишины и покоя въ сѣверѣ“, и рекомендуется добиваться, чтобы въ Швеціи Данія дѣйствовала заодно съ Россіей, чрезъ что потрясенная нынѣ въ Швеціи инфлюенція версальскаго двора въ конецъ истреблена, а сія часть сѣвера **къ общей сѣверной системѣ** тѣмъ удобнѣе приведена быть можетъ (9).

Въ концѣ концовъ присоединеніе Даніи къ сѣверной системѣ было куплено уступкой въ голштинскомъ вопросѣ; покупка однако была не вполнѣ удачна, такъ какъ опасенія за перемѣну настроенія по отношеніи къ Россіи продолжали существовать. Въ это время королемъ Даніи былъ Фридрихъ V, а затѣмъ Христіанъ VII, человѣкъ слабый и недѣятельный, да кромѣ того еще склонный къ разгулу. Дѣлами заправляли разныя вліятельныя лица, среди которыхъ болѣе другихъ сталъ выдаваться Бернсторфъ, бывшій сторонникомъ Россіи.

Нужно было постоянно хлопотать, чтобы на короля не могли оказывать вліянія люди, враждебныя Россіи, такъ какъ, при безхарактерности короля, изъ него было можно дѣлать что угодно.

Можно себѣ представить, сколько переполоху надѣлало людямъ, хлопотавшимъ въ интересахъ Россіи, намѣреніе этого „невообразимо легкомысленнаго государя“, по отзыву Философова, русскаго министра при датскомъ дворѣ, отправиться путешествовать по Европѣ (10). Помѣшать путешествію, однако, не могли. Король поѣхалъ; при чемъ заѣхалъ и въ Францію, чего особенно боялись, такъ какъ Шуазель, у котораго всякій политикъ того времени, исключая развѣ только Фридриха II, могъ поучиться искусству веденія интригъ, могъ повліять на него.

Однако сначала послѣ поѣздки казалось все благопріятнымъ; благодаря вліянію на дѣла Бернсторфа; Данія приняла участіе въ дипломатической борьбѣ Россіи съ Франціей въ Швеціи; она пересылала туда деньги и даже начинала вооружаться на всякій случай. Поѣздка короля имѣла другой результатъ—король, окончательно сгубившій себя въ ней и потерявшій въ разгулѣ свои физическія и умственныя силы, познакомился съ альтонскимъ городскимъ врачемъ Струэнзе и взялъ его къ себѣ въ лейбъ-медики. Струэнзе, потакая всѣмъ выходкамъ короля, развлекая и занимая его, мало-по-малу началъ забирать его въ свои руки. Чтобы прочнѣе укрѣпиться въ своемъ положеніи вліятельнаго лица, Струэнзе ловко обошелъ королеву Каролину-Матильду (Христіанъ VII женился въ первый годъ своего царствованія на Каролинѣ-Матильдѣ, сестрѣ англійскаго короля Георга III). Матильда совсѣмъ не могла быть довольна такимъ мужемъ, какъ Христіанъ, отъ котораго можно было услышать, по выраженію Шлоссера, только разговоръ „о ребяческихъ потѣхахъ, да о распутствѣ“. Хитрый Струэнзе сумѣлъ понравиться королевѣ и вошелъ съ ней въ очень близкія сношенія. Онъ въ союзѣ съ королевой вытѣснилъ изъ министерства Бернсторфа, уничтожилъ совѣтъ министровъ, а дѣла прямо передалъ королевскому кабинету, говоря по просту, забралъ про-

сто въ свои руки. Впрочемъ, Струэнзе, устранивъ Бернсторфа, старался держать Данію къ Россіи въ отношеніяхъ дружелюбныхъ, такъ какъ Данія была тѣсно связана съ Россіей интересами голштинскаго вопроса, который хотя и былъ вполнѣ рѣшенъ еще въ 1767 году, тѣмъ не менѣе это рѣшеніе еще должно было получить санкцію великаго князя Павла послѣ того, какъ онъ достигнетъ совершеннолѣтія. Кромѣ того, Струэнзе считался пріятелемъ Панина и раздѣлялъ его политическія убѣжденія (11).

Въ самой Даніи путаница за время могущества Струэнзе была страшная.

Струэнзе былъ человѣкъ умственно недалекій; ознакомившись съ просвѣтительными идеями XVIII вѣка, расходившимися въ то время по всей Европѣ изъ Франціи, онъ рѣшилъ по нимъ произвести въ Даніи реформы. Но умѣньемъ проводить разумно реформы онъ не обладалъ рѣшительно. Въ спѣшности и неразумности веденія ихъ онъ перещеголялъ всѣхъ, неумѣлыхъ даже, реформаторовъ XVIII вѣка, и поэтому его реформы дали для Даніи очень мало результатовъ.

Съ сентября 1770 года до января 1772 года онъ издалъ до 600 распоряженій, частію мелочныхъ, частію совершенно несвоевременныхъ. Противъ него поднялось сильное неудовольствіе и въ странѣ и при дворѣ. Своими проявленіями трусости онъ ободрилъ своихъ враговъ, во главѣ которыхъ стояла мачеха короля Юліана. Они позорнымъ образомъ захватили его, пользуясь его безпечностью и трусостью, вынудили у него болѣе позорное признаніе въ томъ, что онъ находился въ связи съ королевой (чѣмъ погубилъ и ее), и поспѣшно казнили. Императрица Екатерина II старалась о томъ, чтобы Струэнзе и его сообщники были помилованы, но ея хлопоты въ этомъ отношеніи остались неудачными (*).

---

*) Письмо Н. И. Панина секретарю русскаго посольства въ Копенгагенѣ И. Местмахеру 13 марта 1772 г. „Не оставьте, государь, мой внушить открытымъ образомъ благонамѣреннымъ людямъ всѣ эти разсужденія и не скрывать того, что они наши здѣшнія. Я препоручаю вашему благоразумію стараться по всей возможности о томъ, чтобы датчане образъ мыслей своихъ о смертной казни перемѣнили, дабы безъ нужды не была пролита кровь людей, хотя и преступниковъ“, и собственноручное письмо императрицы Христіану

Отношенія къ Россіи и послѣ этого переворота, несмотря на мелкія неудовольствія, напр., изъ-за Ранцау, приверженца Франціи, получившаго мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ, оставались прежнія, т.-е. довольно дружественныя. Разсмотрѣніемъ ихъ мы займемся еще впереди.

VII королю датскому (21 марта 1772 года), заканчивающееся словами: „Впрочемъ, человѣколюбіе, свойственное всякому благородному и чувствительному сердцу побуждаетъ меня ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ и убѣждать предпочесть совѣты кротости совѣтамъ суровости и жестокости по отношенію къ несчастнымъ, которые навлекли на себя вашу немилость, какъ бы справедлива она не была“ (12).

XI.

Дальнѣйшія неудачи сѣверной системы: турецкая война; дѣйствія Фридриха, единственнаго союзника Россіи, имѣвшаго съ ней связи не фантастическія, направляются въ сторону, невыгодную для Россіи.

Обстоятельства, сложившіяся въ первые годы царствованія Екатерины, побудили ее принять непосредственное участіе въ польскихъ дѣлахъ; сѣверная система, вскорѣ утвердившаяся въ умахъ Екатерины и Панина, повела это вмѣшательство дальше, при этомъ новый союзникъ Россіи Фридрихъ дѣйствовалъ, заботясь только о своихъ выгодахъ, совершенно отличныхъ отъ выгодъ его новаго союзника. Дѣла были поставлены такъ, что Фридриха нужно было постоянно остерегаться.

Польскій вопросъ былъ поставленъ ребромъ: его нужно было рѣшить какимъ бы то ни было образомъ, а тутъ вдругъ присоединяется другой вопросъ, вырабатывавшійся также, какъ и польскій, давнымъ-давно,— это вопросъ турецкій.

Благодаря сѣверной системѣ, вооружившей противъ Россіи Францію, Турція не осталась спокойной зрительницей того, какъ Россія расправлялась въ Польшѣ. Турецкая война сдѣлалась почти неожиданнымъ сюрпризомъ для Россіи. Этой послѣдней приходилось такимъ образомъ сразу ловить двухъ зайцевъ, рѣшать сразу два разныхъ вопроса: польскій и турецкій, и это въ то время, когда остальная Европа или хладнокровно наблюдала за этой ловлей, или же бросала палки подъ ноги ловившему. Отъ такой ловли ждать многихъ успѣховъ, конечно, не приходилось.

Чтобы кончить дѣла въ Польшѣ скорѣе, Фридрихъ, не вступая активно самъ, совѣтовалъ еще до войны съ Турціей увеличить въ Польшѣ число дѣйствующихъ

противъ конфедератовъ войскъ, а теперь приходилось большую часть войска отдѣлить въ Турцію. Екатерина была сильно озабочена, хотя и бодрилась, видимо, и въ письмахъ выражала надежды на успѣхъ войны съ турками (1).

Дѣла, дѣйствительно, сначала только казались очень плохими благодаря неожиданности войны. Вскорѣ они пошли недурно. Поведись дипломатическія сношенія съ европейскими государствами болѣе осторожнымъ образомъ, пожалуй, вопросъ турецкій оказался бы рѣшеннымъ такъ, какъ это нами намѣчено въ началѣ настоящаго очерка. Но главнѣйшимъ отличительнымъ качествомъ вѣка Екатерины, да и вообще всего XVIII вѣка въ Европѣ, была театральность, стремленіе къ постоянной рисовкѣ другъ передъ другомъ. Почти всѣ болѣе или менѣе выдающіяся лица этого столѣтія, стоявшія во главѣ правленія государствами, а въ числѣ ихъ Екатерина въ особенности, страдали этимъ недостаткомъ. Мы нисколько не хотимъ обвинять Екатерину въ этомъ актерствѣ,—это общее явленіе вѣка, и обвиненіе поэтому было бы несправедливо. Здѣсь мы отмѣчаемъ только фактъ, что Екатерина въ дѣлѣ притворства имѣла особенный талантъ. Изъ чтенія ея переписки съ другимъ геніальнымъ притворщикомъ и хитрецомъ того времени—Вольтеромъ выносишь такое впечатлѣніе, что оба эти лица стараются какъ можно болѣе рисоваться другъ передъ другомъ, какъ можно болѣе напустить въ глаза туману, хотя, вѣроятно, и Сѣверная Семирамида и Фернейскій отшельникъ оба по своей геніальности понимали, что обманываютъ другъ друга.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не стремленіемъ представить себя въ лучшемъ свѣтѣ можно объяснить себѣ письма Екатерины къ Вольтеру, касающіяся, положимъ, Пугачевскаго бунта. Она презрительно называетъ Пугачева marquis de Pougatschev, говоритъ о бунтѣ, какъ о какомъ-то мимолетномъ явленіи въ то самое время, когда внутри Россіи чуть не казнили за одно произнесеніе имени Пугачева, когда сочли нужнымъ послать противъ этого бѣглаго казака—Суворова.

Какъ боялись marquis de Pougatschev можно видѣть между прочимъ изъ любопытнѣйшаго письма Н. И. Па-

нина брату Петру Ивановичу (21 іюля 1774 года): „Сего утра, пишетъ онъ, получили мы извѣстіе о разореніи города Казани, и что губернаторъ со всѣми своими командами заперся въ тамошнемъ кремлѣ. Мы тутъ въ собраніи нашего совѣта увидѣли Государыню крайне пораженною и она объявила свое намѣреніе оставить здѣшнюю столицу и самой ѣхать для спасенія Москвы и внутренности имперіи, требуя и настоя съ великимъ жаромъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ ей о томъ свое мнѣніе. Безмолвіе между нами было великое“ (2). Вотъ въ какомъ видѣ было дѣло въ дѣйствительности!

Вопросъ о стремленіи къ рисовкѣ, къ выставкѣ себя, если можно такъ выразиться, на показъ, мы подняли для того, что этотъ элементъ вмѣшался и въ дѣло турецкой войны.

Вмѣсто того, чтобы безъ шума вести дѣло и, уже сдѣлавъ его въ достаточной степени, смотрѣть, какіе можно получить изъ него результаты, поднимается вопросъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы, вопросъ, взбудоражившій, конечно, въ высшей степени всѣ не только враждебныя Россіи, но и до сихъ поръ спокойно относившіяся къ ней державы.

Снаряжали экспедицію въ Архипелагъ для возмущенія подданныхъ Порты—христіанъ. Экспедиція была съ самаго начала дѣломъ очень рискованнымъ, что сознавалось вездѣ. Во Франціи думали, что эскадра не выберется дальше Даніи. Даже когда экспедиція прошла Ла-Маншъ, Шуазель все еще считалъ ее „предпріятіемъ романичнымъ“ (3). „Оно дорого, и я не думаю, чтобъ много этимъ было сдѣлано“, замѣтилъ онъ представителю Россіи во Франціи въ это время—Хотинскому.

Стали хвалиться, „идучи на рать“, и результаты получились плачевные. Турецкая война не давала возможности даже покончить съ конфедератами въ Польшѣ. Эти господа, справедливо осмѣиваемые французскимъ генераломъ Дюмурье, посланнымъ имъ на помощь, творя дѣла, достойныя только разбойниковъ или германскихъ бароновъ временъ германскаго междуцарствія, долго еще продолжали совершать свои темные подвиги благодаря тому, что русскія войска были уменьшены

въ Польшѣ и стянуты къ югу для войны турецкой. Въ началѣ войны съ Турціей конфедераты не упустили случая заключить союзный договоръ, оборонительный и наступательный съ Турціей. Договоръ заключалъ статьи, содержаніемъ которыхъ были поруганіе и насмѣшка надъ Россіей. Польша уступаетъ по договору Портѣ кіевскую область, а сама беретъ за это отъ Россіи Смоленскъ, Стародубъ, Черниговъ и Ливонію... и т. д. въ томъ же духѣ.

Не стоитъ пересказывать далѣе содержаніе этого договора, такъ какъ онъ дѣйствовалъ только въ разгоряченныхъ умахъ конфедератовъ и никогда не имѣлъ никакихъ осязательныхъ результатовъ. Результаты могли только имѣть дерзость, оставшаяся по необходимости безнаказанной, дерзость, вызвавшая неудовольствія при русскомъ дворѣ противъ того, который своими политическими измышленіями поставилъ Россію въ такое непріятное положеніе, т.-е. противъ Панина. У него было много враговъ при дворѣ: они старались теперь, когда война началась неудачами главнокомандующаго Голицина, опустошеніемъ елисаветградской провинціи татарами, и дерзкими выходками конфедератовъ, зачернить его и его систему, выставить на видъ хорошія стороны прежней политики.

Эти интриги не могли имѣть успѣха, такъ какъ Екатерина, раздѣлявшая и одобрявшая его систему, изъ чувства самолюбія поддерживала его.

Шумъ, поднятый архипелагской экспедиціей, могъ имѣть еще болѣе худыя послѣдствія.

Фридрихъ, ранѣе побаивавшійся Польши, теперь уже начинаетъ трусить Россіи, задумываться надъ ея усиленіемъ. Правда, онъ еще продолжаетъ какъ будто интересоваться союзомъ съ Россіей, ищетъ возобновленія союзнаго договора, срокъ которому истекалъ, тѣмъ не менѣе, онъ уже старается измѣнить нѣкоторыя статьи договора въ свою пользу. 12 октября 1769 года договоръ былъ возобновленъ, при чемъ въ немъ были сдѣланы слѣдующія измѣненія (См. договоръ на 46, 47 и 48 страницахъ этого очерка). 1) Ко второй секретной статьѣ договора было прибавлено условіе, что если саксонскій дворъ отправитъ войско въ Польшу для достиженія сво-

ихъ видовъ, русская императрица будетъ въ правѣ потребовать отъ прусскаго короля, чтобы онъ противопоставилъ свое войско саксонскому, или вступилъ бы съ войскомъ въ Саксонію, смотря по обстоятельствамъ; 2) третья статья была передѣлана такъ, что въ случаѣ нападенія шведовъ на Россію и въ случаѣ ниспроверженія шведской конституціи 1720 года прусскій король обязывается сдѣлать диверсію въ шведскую Померанію (4).

Фридриху теперь уже не могли угрожать въ случаѣ его нападеній на Саксонію, не могли ее и защищать. Это было для него настоящимъ торжествомъ. Этотъ моментъ Соловьевъ считаетъ моментомъ исчезновенія сѣверной системы (5). Совершенно вѣрно его замѣчаніе, какъ по тому, что Швеція вслѣдствіе этого договора становилась уже въ положеніе опекаемаго государства, какимъ была уже Польша, и такимъ образомъ исключалась изъ полноправной доли участія въ сѣверной системѣ, такъ и потому, что Фридрихъ все яснѣе обнаруживалъ свою истинную политику, политику захвата прилегающихъ къ его государству земель.

Тѣмъ не менѣе политика Панина еще продолжала дѣйствовать; правда, что его вліяніе на дѣла начало падать, пока, наконецъ, не исчезло совершенно, смѣнившись могущественнымъ вліяніемъ новаго лица свѣтлѣйшаго Григорія Александровича Потемкина.

Тогда одно, исчезнувшее къ тому времени идеологическое произведеніе русскаго двора смѣнилось другимъ—именно „Греческимъ проектомъ“. Не Потемкинъ, впрочемъ, былъ авторомъ этого пректа. О немъ впервые заговорилъ еще Минихъ при Петрѣ III (6). Затѣмъ проектъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы и большей части Азіи выдвигалъ и Панинъ при началѣ переговоровъ о первомъ раздѣлѣ Польши (7).

Греческій проектъ докончилъ дѣла сѣверной системы: еще въ большей степени разстроилъ финансы Россіи, довелъ экономическое положеніе русскаго народа до еще болѣе жалкаго положенія.

Мы теперь постараемся прослѣдить ходъ русской политики до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и перваго раздѣла Польши. Эти событія были окончательными

результатами дѣйствія сѣверной системы; абсурдность ея довела ее до окончательнаго исчезновенія. Факты разрушили теорію, и уже въ раздѣлѣ Польши участвуетъ въ качествѣ союзника государство, по системѣ выходившее враждебнымъ Россіи,—это Австрія.

Политическое шатаніе, если можно такъ выразиться, и полная зависимость политики русскаго двора отъ тѣхъ личностей, которыя были въ то время сильны, бывшее во времена Анны и Елизаветы, возобновилось отчасти и теперь, конечно, только въ болѣе облагороженныхъ формахъ, такъ какъ грубость нравовъ смягчилась; но въ сущности шатаніе было то же самое.

Архипелагская экспедиція встревожила и Австрію. Она стала заискивать у Пруссіи. Фридрихъ, понятно, и это обстоятельство старался повернуть въ свою пользу. Въ своихъ запискахъ онъ пишетъ. „Успѣхи, столь быстрые, безпокоили равнымъ образомъ союзниковъ Россіи (т.-е. Фридриха) и прочія державы Европы. Пруссія должна была бояться, что ея союзница (т.-е. Россія), ставъ слишкомъ могущественной, не пожелала со временемъ предписать ей законы, какъ Польшѣ. Эта перспектива была столь же опасна, какъ и страшна. Вѣнскій дворъ слишкомъ хорошо понималъ свои интересы, чтобы не имѣть подобныхъ же опасеній. Эта общая опасность заставила забыть на время прежнюю вражду. Хотя изумительные успѣхи русскихъ возбудили подозрѣнія (опасенія) всей Европы, но впечатлѣніе этихъ опасеній было гораздо болѣе сильно въ государствахъ, находившихся по сосѣдству. Поэтому опасность сблизила дворы Вѣнскій и Берлинскій, одинъ шагъ послѣдовательно велъ за собой другой (намекается на свиданіе въ Нейссе 25 авг. 1769 г.) (8).

Не самъ ли Фридрихъ всѣми мѣрами побуждалъ Россію вмѣшаться въ польскія дѣла, а теперь это ставилъ ей въ вину! Вообще въ этихъ словахъ виденъ хорошо проницательный умъ Фридриха. Этотъ человѣкъ болѣе другихъ своихъ современниковъ понималъ положеніе дѣлъ и прекрасно имъ пользовался. Въ средствахъ, правда, онъ не былъ разборчивъ, но цѣль его была усиленіе Пруссіи—цѣль патріотическая, и іезуитскій принципъ политики Фридриха, дѣйствительно, здѣсь не

можетъ заслуживать порицанія моралистовъ, такъ какъ это порицаніе свидѣтельствовало бы только объ ихъ собственной близорукости. Грубость и мошенничество, можно сказать, въ политикѣ XVIII вѣка были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, да и не въ одномъ XVIII вѣкѣ. И XIX вѣкъ имѣлъ, къ стыду своему, своихъ политиковъ въ томъ же родѣ: Меттерниха, Талейрана и др. Не удивительно, поэтому, что Іосифъ, сынъ Маріи-Терезіи, извѣщая свою мать о свиданіи своемъ съ Фридрихомъ, свиданіи, бывшемъ результатомъ стремленія къ сближенію прусскаго и австрійскаго дворовъ, отзывается о Фридрихѣ такимъ образомъ: „это—геній; говоритъ онъ чудесно, но въ каждомъ словѣ проглядываетъ плутъ". Въ разговорѣ съ Іосифомъ Фридрихъ стращалъ его всевозможными ужасами, грозящими его странѣ со стороны Россіи.

Въ Петербургъ же писалъ Фридрихъ совершенно другое. Здѣсь онъ пугаломъ выставлялъ Австрію, говорилъ, что эта послѣдняя хочетъ вмѣшаться въ польскія дѣла, особенно, если турецкія дѣла пойдутъ у Россіи неудачно.

Это свиданіе Фридриха съ Іосифомъ, происшедшее въ Нейссе въ августѣ 1769 года и было результатомъ стремленія Фридриха завязать сношенія и устроить для себя нѣкоторое сближеніе съ Австріей. „Война между Россіею и Турціею, пишетъ Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, перемѣнила всю политическую систему Европы; открылось новое поле для дѣятельности; надобно было не имѣть вовсе никакой ловкости, или быть погребеннымъ въ безсмысленномъ оцѣпенѣніи, чтобы не воспользоваться случаемъ столь выгоднымъ. Я читалъ прекрасную аллегорію Боярдо; я схватилъ за волосы представившійся случай, и, посредствомъ переговоровъ, достигъ того, что вознаградилъ свою монархію за прошлыя потери, включивши польскую Пруссію въ число моихъ старинныхъ областей" (9).

Поэтому держась попрежнему за русскій союзъ, какъ за самую существенную для себя опору, Фридрихъ ищетъ сближенія съ Австріей, чтобы совмѣстно съ нею дѣйствовать въ Польшѣ и, кромѣ того, при случаѣ и сдерживать успѣхи Россіи въ Турціи.

Въ Австріи также готовы были пойти къ сближенію съ Фридрихомъ, такъ какъ въ этомъ сближеніи видѣли единственное средство сдержать русское вліяніе въ Польшѣ безъ опасности для достоинства своего государства.

Поэтому, начавъ съ мысли о раздѣлѣ вліянія въ Польшѣ между Пруссіей и Австріей, Кауницъ мало-по-малу пришелъ къ мысли о возвратѣ Силезіи отъ Пруссіи въ обмѣнъ на Курляндію и часть Польши. На свиданіи въ Нейссе Фридрихъ, по словамъ Іосифа, высказалъ „страхъ передъ русскимъ могуществомъ, страхъ, который ему хотѣлось внушить и намъ". Онъ мнѣ говорилъ о нашихъ грекахъ въ Венгріи (т.-е. православныхъ славянахъ), сказалъ, что наши купцы этой религіи въ Бреславлѣ задали публичный праздникъ въ честь русскихъ побѣдъ; говорилъ, что надобно съ ними хорошо обходиться, обнаруживъ терпимость, чтобъ они не привязались еще больше къ Россіи и не завязали смуты. Онъ мнѣ сказалъ: „чтобъ сдержать Россію, вся Европа принуждена будетъ вооружиться, ибо Россія овладѣетъ всѣмъ".

„Государь, отвѣчалъ я ему, въ случаѣ всеобщей войны,—вы въ авангардѣ, и потому намъ можно спать спокойно. Будучи безопасны съ нашей стороны, вы сдѣлаете съ русскими все, что вамъ угодно.—Онъ съ этимъ не согласился, признался, что боится русскихъ, и союзъ съ ними ему необходимъ, хотя и тяжелъ" (10).

Изъ этого письма очевидно, что Іосифъ разгадалъ узкій эгоизмъ политики Фридриха и отнесся къ нему вообще очень недовѣрчиво, что не ускользнуло и отъ Фридриха.

Вотъ какъ Фридрихъ сообщалъ Сольмсу о впечатлѣніи, которое на него произвелъ Іосифъ: „Это очень любезный государь и въ высшей степени вѣжливый. Онъ меня твердо увѣрялъ, что навсегда забылъ Силезію; я же придаю этимъ увѣреніямъ столько вѣры, сколько они заслуживаютъ...

Далѣе онъ говоритъ, что Іосифъ велъ себя очень сдержанно, сохраняя упорное молчаніе о французахъ... „Я вообще замѣтилъ, заключаетъ онъ, что это человѣкъ крайне честолюбивый, замышляющій какой-нибудь важ-

ный планъ, но что въ настоящее время его удерживаетъ мать, и онъ начинаетъ терять терпѣніе и тяготится игомъ, возложеннымъ на него; а какъ только онъ освободится отъ него, то онъ пожелаетъ прославить себя какимъ-нибудь необычайнымъ дѣломъ. Я никакъ не могъ узнать имѣетъ ли онъ виды на венеціанскую республику, на Баварію, Силезію или на Лотарингію. Но можно, во всякомъ случаѣ, безошибочно разсчитывать, что, какъ только онъ сдѣлается независимымъ властелиномъ, въ Европѣ разгорится война“ (11).

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Фридрихъ что-то готовилъ новое, къ чему-то подготовлялъ и Австрію и Россію...

Кажется, что его дѣйствія уже были направлены къ мысли устроить раздѣлъ польскихъ земель, мысли, высказанной имъ впервые въ началѣ 1769 г., но серьезно и настойчиво предложенной русскому двору въ 1770 году (12).

ГЛАВА IV.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПАДЕНІЕ СИСТЕМЫ.

XII.

Запутанность сношеній и невозможность соединить въ сѣверный союзъ державы сѣверныя: Швецію, Данію и Англію.

Мы видѣли каково было положеніе шведскихъ дѣлъ предъ началомъ войны Россіи съ Турціей; дѣла были уже и тогда въ положеніи очень непріятномъ; но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ эти дѣла все болѣе и болѣе запутывались и становились все болѣе и болѣе во враждебное положеніе къ Россіи. Теперь мы разсмотримъ дальнѣйшій ходъ дѣлъ, по возможности, кратко; будемъ вдаваться въ подробности на столько, на сколько это необходимо для уясненія дѣйствія сѣверной системы.

Причиной возрастанія натянутости было то, что наслѣдный принцъ шведскій, сдѣлавшійся въ 1771 году королемъ, Густавъ III, былъ человѣкъ враждебный Россіи и столь же рѣшительно симпатизировавшій Франціи. Онъ былъ человѣкъ отважный, не слишкомъ стѣснявшійся нарушать тѣ обязательства, данныя имъ по необходимости, которыя онъ считалъ вредными; при томъ онъ былъ фантазеромъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, чѣмъ онъ отчасти былъ обязанъ своему воспитателю барону Шефферу, старавшемуся сдѣлать изъ него „придворнаго, софиста и ритора“ съ философско-поэтическимъ настроеніемъ ума. Его фантастическія грезы, которыми онъ бредилъ въ концѣ своего

царствованія, касательно возстановленія на французскомъ престолѣ Бурбоновъ, сдѣлали, по выраженію Шлоссера, его посмѣшищемъ въ глазахъ Европы.

Эта же самая особенность его характера, какъ извѣстно, впослѣдствіи дала сюжетъ для комедіи Екатерины: „Горе-Богатырь Косометовичъ“.

Этотъ Горе-Богатырь однако тоже былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ разрушенія иллюзіи, носившей названіе „сѣверной системы“. Онъ впервые выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ на сеймѣ 1769 года. Предъ этимъ сеймомъ французскій дворъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы этотъ сеймъ имѣлъ благопріятныя результаты для Франціи. Екатерина, съ своей стороны, думала одержать на этомъ сеймѣ окончательную побѣду. 16 января 1769 г. она въ письмѣ къ Фридриху проситъ его содѣйствовать ея борьбѣ съ Франціей въ Швеціи. „Ваше величество, пишетъ она, будете, безъ сомнѣнія, уже извѣщены о дѣйствіи новыхъ интригъ Франціи въ Стокгольмѣ; какъ истинная и добрая родственница, я не могу воздержаться, чтобы не пожалѣть королевскую фамилію за то, что она позволяетъ играть собою этому пронырливому двору, въ ущербъ всему. Надѣюсь, что ваше величество пожелаетъ дѣйствовать сообща со мною, чтобы истребить въ самомъ началѣ это новое препятствіе, и тѣмъ отвратить грозу, которая могла бы рѣшить печальную участь бѣдныхъ шведовъ“ (1).

Деморализація страны отъ борьбы сеймовыхъ партій была ужасная.

Продажность сеймовыхъ членовъ напоминала собою продажность польскаго сейма. Борьба поэтому между Франціей и Россіей должна была вестись большими суммами, которыя быстро исчезали. На этотъ сеймъ Остерманъ, русскій министръ въ Швеціи, требовалъ отъ Панина 207.250 рублей. А, какъ извѣстно, тогдашній рубль былъ вдвое дороже, чѣмъ теперь, и Россія въ то время имѣла не 150 милліоновъ жителей, а не болѣе 25.

Въ этомъ же году ему еще посылали большія суммы нѣсколько разъ.

Французскій дворъ, видя, что такая политика неуспѣшна, что, сколько ни отправляй денегъ для подкупа членовъ сейма, русскіе не спасуютъ, а будутъ тратить еще больше, и что тратамъ этимъ конца не предвидится, рѣшилъ направить на этомъ сеймѣ дѣло совершенно въ другую сторону.

Они рѣшили уничтожить помощью своей партіи совсѣмъ конституціонную силу сейма, т.-е. возстановить самодержавіе. Королю, понятно, такія стремленія были пріятны, такъ какъ его роль среди борющихся партій была очень жалкая. Король Адольфъ-Фридрихъ былъ человѣкъ добрый, желалъ блага странѣ, хотя вопросъ о томъ, сумѣлъ ли бы онъ принести его послѣдней, спорный... Онъ былъ очень слабъ, поддавался различнымъ вліяніямъ, и притомъ у него не было ни смѣлости, ни энергіи. Онъ съ ужасомъ отвращался отъ коварныхъ, хитрыхъ и насильственныхъ мѣръ, что въ вѣкъ Шуазеля, Фридриха II Прусскаго, Кауница было совершенно несвоевременно.

Совершенно противоположенъ былъ королю наслѣдный принцъ Густавъ. Онъ, какъ мы ранѣе сказали, открыто сочувствовалъ Франціи, сочувствовалъ также и дѣлу уничтоженія конституціи, дѣйствовавшей въ то время. Король не хотѣлъ дѣйствовать насильственно, и только благодаря этому конституція 1720 года не была уничтожена. Густавъ энергично дѣйствовалъ, благодаря его происканъ всѣ сенаторы были отрѣшены отъ должности за то, что они будто стремились не совѣтовать, а царствовать. Всѣ усилія Остермана могли только сдѣлать то, что конституція осталась цѣлою, но французская партія все-таки еще оставалась очень сильною.

Сообщенная въ началѣ 1770 года Остерманомъ программа секретной комиссіи, той самой, помощью которой Густавъ смѣстилъ сенаторовъ, была очень враждебна Россіи. Изъ нея мы видимъ, какъ дѣло вліянія на Швецію не удавалось. „Прежде всего предписывалось сохраненіе мира, почему запрещалось вступать съ другими державами въ оборонительные союзы, равно какъ и **приступать къ сѣверной системѣ**, такъ какъ это приступленіе, не только не сходно съ шведскимъ интересомъ, но и странно, несообразительно. Естественно друже-

ственными державами Швеціи означены Франція и Турція, потомъ Испанія и Австрія. Тѣснѣйшее соединеніе съ Англіей должно быть отклонено, потому что эта держава самая завистливая относительно шведской торговли и промышленности. Русскій дворъ самый опасный для Швеціи сосѣдъ, и потому тѣснѣйшее соединеніе съ нимъ неестественно и невозможно, но должно отстранять все, что могло бы повести къ доброму согласію..." (2).

Вотъ къ чему вели огромныя траты, вотъ какого союзника старались ввести въ сѣверную систему!

Несмотря на подобныя выраженія ненависти къ Россіи, отношенія оставались въ прежнемъ положеніи благодаря тому, что Остерманъ тратилъ громадныя суммы на подкупъ партій сейма. Деньги шли непрерывно: Швеція для русскихъ денегъ была бездонной бочкой Данаидъ. Въ 1771 году, напр., было переслано въ періодъ съ апрѣля по ноябрь 737,900 рублей, да на 50.000 рублей хлѣба. Эта сумма, по-тогдашнему, на столько велика, что можетъ равняться годовымъ издержкамъ чуть не цѣлой войны, которой все-таки должны были постоянно опасаться и быть къ ней готовыми (3).

Впрочемъ, издержки 1771 года были особенно велики, потому что дѣла были особенно безпокойны. 1 февраля умеръ король, сдѣлался королемъ Густавъ, душа французской партіи. Надежда на дружбу Швеціи уже совершенно исчезала, а приходилось тянуть только для того, чтобы не дошло дѣло до войны. „Лучше дать денегъ, нежели видѣть въ Швеціи самодержавство и съ нимъ войну посредствомъ французскихъ денегъ и интригъ", писала Екатерина Панину. Несмотря на всѣ хлопоты, въ Швеціи дѣйствія Россіи были очень непопулярны, такъ какъ послѣдняя опиралась на партію сейма и конституцію, водворявшую произволъ дѣйствій партій сейма, раззорительный для страны.

Все болѣе и болѣе симпатіи шведовъ переходили на сторону Густава и французской партіи, стремившихся уничтожить конституцію и замѣнить произволъ многихъ произволомъ одного короля, что было бы гораздо выгоднѣй для страны.

Выполненіе своего замысла Густавъ сдѣлалъ очень ловко. Въ то самое время, когда онъ уже дѣлалъ приготовленія къ перевороту, онъ чтобы отвести глаза русскому двору, завелъ толки о своей поѣздкѣ въ Россію. Остерманъ, однако, скоро узналъ о его замыслахъ благодаря услужливости англійскаго посланника, сообщившаго ему цѣлый планъ будущаго переворота.

Переворотъ дѣйствительно совершился 19 августа новаго стиля. Усилія Остермана не привели ни къ чему. Подкупы, дѣйствовавшіе всегда успѣшно въ Польшѣ, здѣсь ни къ чему не вели. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть различіе положенія этихъ двухъ странъ.

Иностранные подкупы деморализовали высшіе классы одинаково какъ въ Швеціи, такъ и въ Польшѣ. Но въ Швеціи, кромѣ аристократовъ, была еще другая сила, болѣе могущественная, цѣльная, на которую можно было при случаѣ опереться королю—эта сила народъ. Эта инертная сила сказалась, кажется, и въ томъ, что выдвинула такія личности, каковъ былъ, напр., король. Онъ не былъ манекеномъ въ рукахъ различныхъ партій подобно Станиславу-Августу; онъ имѣлъ силу воли, совершенно отсутствовавшую въ его слабомъ современникѣ. Станиславъ-Августъ, искренно желая блага своему королевству, желая новой конституціи, которая уменьшила бы царившій въ Польшѣ произволъ, при первой угрозѣ со стороны Россіи, какъ мы видѣли, струсилъ, и жалкія фразы увѣренія свой преданности русскимъ интересамъ явились на смѣну его патріотическихъ порывовъ. Мы не осуждаемъ его за это, потому что долгъ защитника или обвинителя не совмѣстенъ съ цѣлями историка. Исторія изучаетъ ходъ человѣческой жизни массовой, а личности ее интересуютъ только, какъ наиболѣе типичныя проявленія жизни массы. Осуждать или оправдывать людей, окончившихъ давнымъ давно свое жизненное поприще, было бы совершенно безполезно и безцѣльно. Да и каждая личность, даже и геніальная, есть продуктъ своего вѣка, своей націи. Станиславъ-Августъ, сынъ своего вѣка и націи: онъ чистокровный полякъ-аристократъ конца XVIII вѣка, и вся деморализація этого общества отра-

зилась на немъ, какъ она, положимъ, отразилась на Карлѣ Радзивиллѣ, Чарторыйскихъ и другихъ. Личныя особенности въ сравненіи съ общимъ характеромъ представляютъ мелочь.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи была Швеція; тамъ тяжелое положеніе націи, здоровой и цѣльной въ тѣхъ слояхъ, которые не были развращены иностранными подкупами, породило желаніе стряхнуть позорное иго иностранцевъ, и энергичный, не стѣснявшійся въ выборѣ средствъ, Густавъ III пріобрѣлъ себѣ популярность. Интересно отмѣтить двѣ замѣтки Густава, сдѣланныя имъ въ своемъ журналѣ, относительно дѣлъ польскихъ и ихъ сравненіе съ шведскими (4).

„Въ Варшавѣ держали два совѣта, и результатомъ совѣщаній было то, что король и сенатъ обратятся за покровительствомъ къ русской императрицѣ. Это позоръ!.. Ахъ, Станиславъ-Августъ, ты не король и даже не гражданинъ! Умри для спасенія независимости отечества, а не принимай недостойнаго ига въ пустой надеждѣ сохранить тѣнь могущества, которую указъ изъ Москвы заставитъ исчезнуть!“. Таковы, дѣйствительно убѣжденія Густава; въ переворотѣ онъ рисковалъ жизнью. Другая замѣтка: „Польскія дѣла все тѣ же: анархія и подкупъ! То же будетъ и съ нами, если не поможемъ себѣ сильными мѣрами“. Этотъ взглядъ былъ пущенъ и въ публику. Въ одномъ журналѣ въ началѣ 1772 года было напечатано (5): „Время обратить вниманіе на наше „**завтра**“. Намъ угрожаетъ та же участь, что и полякамъ, но мы еще можемъ найти Густава-Адольфа... Отчего происходитъ несчастіе Польши? Отъ нетвердости законовъ, отъ постояннаго униженія королевской власти, и отсюда неизбѣжное вмѣшательство сосѣднихъ державъ во внутреннія дѣла“. Но совершивши переворотъ и установивши новую конституцію, дававшую гораздо большій просторъ власти, Густавъ не рѣшился сразу высказывать всю накопившуюся у него непріязнь противъ Россіи. Онъ писалъ къ Екатеринѣ очень вѣжливо, извиняя свой поступокъ необходимостью и благомъ государства и увѣряя, что онъ не измѣнитъ дружественныхъ отношеній къ Россіи. Та-

кое поведеніе Густава отчасти объясняется тѣмъ, что ему совѣтовалъ Фридрихъ II.

Этимъ событіемъ, т.-е. переворотомъ въ Швеціи, Фридрихъ сильно встревожился. По союзному трактату въ случаѣ войны Россіи со Швеціей онъ долженъ былъ помогать Россіи вооруженной силою, т.-е. итти противъ своего родного племянника, сына родной сестры, Густава, да и притомъ итти наказывать его за такой поступокъ, которому онъ сочувствовалъ. Поэтому 1-го сентября Фридрихъ пишетъ Густаву письмо слѣдующаго содержанія (6): „По письму вашего величества я вижу успѣхъ, полученный вами въ перемѣнѣ формы шведкаго правленія. Не думаете ли вы, что это событіе ограничивается успѣхомъ революціи внутри вашего королевства; не приходитъ ли вамъ на память, что Россія, Данія и я самъ—мы всѣ—гарантировали прежнюю форму правленія? Вспомните, что я говорилъ вамъ въ Берлинѣ во время вашего пребыванія тамъ. Боюсь, чтобъ послѣдствія этого дѣла не привели ваше величества въ положеніе худшее, чѣмъ то, изъ котораго вы вышли, и чтобъ съ этой революціи не началась эпоха величайшихъ бѣдствій для Швеціи. Вы знаете, что у меня обязательства съ Россіею. Я ихъ заключилъ гораздо прежде предпріятія, приведеннаго вами въ исполненіе. Честь и добросовѣстность одинаково препятствуютъ мнѣ ихъ нарушить, и, признаюсь, я въ отчаяніи, что вы сами заставляете меня дѣйствовать противъ васъ,—меня, который васъ любитъ и желаетъ вамъ всѣхъ выгодъ, совмѣстимыхъ съ моими обязательствами. Вы мнѣ вонзаете кинжалъ въ сердце, повергая меня въ жестокое затрудненіе, изъ котораго я не вижу выхода. Я то же самое написалъ королевѣ, вашей матери, изложилъ ей дѣло по сущей правдѣ. Но дѣло сдѣлано, и затрудненіе состоитъ въ отысканіи лѣкарства. Я буду считать лучшимъ днемъ моей жизни тотъ, въ который я буду имѣть возможность поправить случившееся“. Въ письмѣ отъ 5-го октября Фридрихъ добавляетъ: „Въ Швеціи двѣ партіи, враждебныя другъ другу: король долженъ начать съ ихъ примиренія и этимъ утвердить свой престолъ; но такое предпріятіе требуетъ спокойствія, потому я увѣренъ, что ваше величество не буде-

те слушать злыхъ внушеній, которые вамъ будутъ дѣлаться съ цѣлію поссорить васъ съ сосѣдями“ (т.-е. съ Россіей).

Сначала въ Россіи къ перевороту отнеслись очень враждебно. Фридрихъ II употреблялъ вѣ усилія, чтобы русскій дворъ не попросилъ его въ силу договора двинуться на Швецію и подумывалъ избавиться отъ подобнаго порученія только проволочками. Екатерина въ переворотѣ видѣла происки французскаго двора. Извѣстія изъ Швеціи о томъ, что тамошнее правительство распространяетъ слухи, враждебныя Россіи, среди народа подбавляли, понятно, еще масла въ огонь.

Но въ это время Россія не могла наказать Швецію за это. Война турецкая, близившаяся, казалось, къ концу, должна была возобновиться. Фокшанскій конгресъ былъ разорванъ безъ всякихъ результатовъ, благодаря тому обстоятельству, что Григорій Орловъ велъ дѣла дурно и даже, наконецъ, уѣхалъ съ конгресса внезапно, бросивъ дѣла неоконченными (7). Фридрихъ былъ очень радъ; онъ писалъ Сольмсу (8) (20 сент. 1772 г.):

„Узнавши о прекращеніи фокшанскаго конгресса, я не могу дать Россіи лучшаго совѣта, какъ скрыть свой гнѣвъ относительно шведской революціи; это не трудно, ибо Швеція не въ состояніи на первый годъ предпринять что-либо враждебное противъ нея“.

Старый маккіавелистъ Фридрихъ предвидѣлъ уже, что добромъ между Россіей и Швеціей дѣла кончиться не могутъ, что драка будетъ непремѣнно, лишь только Густавъ соберется съ силами.

Въ Россіи дѣйствительно рѣшено было (въ засѣданіи совѣта 23 августа) оставаться относительно Швеціи только въ оборонительномъ положеніи.

Надежды привлечь Швецію къ сѣверной системѣ теперь должны были утратиться навсегда. Панинъ въ разговорѣ съ французскимъ министромъ въ Петербургѣ Дюраномъ утверждалъ, что „Россія не можетъ послѣ переворота быть покойна со стороны Швеціи, не можетъ полагаться на ея союзъ, какъ зависящій теперь не отъ государственныхъ чиновъ, а единственно отъ молодого, предпріимчиваго и нарушившаго свою присягу государя“ (9).

Отношенія къ Швеціи съ этихъ поръ очень натянуты; ихъ мы разсматривать не будемъ, такъ какъ Швеція дѣйствовала уже совершенно не въ духѣ сѣверной системы. Замѣтимъ только, что, какъ извѣстно, натянутость эта кончилась внезапнымъ разрывомъ въ 1788 году, когда Россія вела опять войну съ Турціей, и когда Густавъ надѣялся получить успѣхъ въ войнѣ. Надежды его были напрасны. Враждебность къ Россіи сдѣлала его сначала популярнымъ королемъ; эта же самая враждебность, проявившаяся въ неудачной войнѣ, положила начало и уничтоженію этой популярности.

Только Данія дѣйствовала почти все время такъ, какъ было желательно Россіи. Но это государство, очень слабое, да еще пережившее передряги безобразнаго правленія Христіана VII, когда подати собирали даже съ двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, находившихся въ услуженіи (10), не могло играть значительной роли въ дѣлахъ Европы. Для Россіи, слѣдовательно, важныхъ выгодъ отъ ея союза не было, да и не могло никогда быть.

По сверженіи Струэнзе былъ принять въ министерство гр. Бернсторфъ, младшій племянникъ ранѣе упоминавшагося нами гр. Бернсторфа. Онъ, сдѣланный министромъ иностранныхъ дѣлъ, велъ дѣла хорошо, умѣлъ лавировать между различными требованіями сильныхъ сосѣдей: Швеціи, Англіи и Россіи (11). Онъ окончилъ выгоднымъ образомъ для Даніи переговоры о Голштиніи и во все послѣдующее время не возбуждалъ противъ Даніи русскаго двора. Эта была единственная страна, державшаяся сѣверной системы почти постоянно, хотя причинами, побуждавшими ее къ согласнымъ съ Россіею дѣйствіямъ, были не какія-нибудь отвлеченныя системы, а просто боязнь сильныхъ сосѣдей, въ особенности Швеціи, да боязнь за Голштинію; для Россіи же польза отъ союза съ Даніей была небольшая, такъ какъ на нее нельзя было разсчитывать въ случаѣ нужды, если даже и тогда, когда она нуждалась въ Россіи, а не Россія въ ней, приходилось постоянно опасаться за перемѣну политики и за то, чтобы Франція не перетянула Данію на свою сторону.

И Англію не удалось привлечь къ дѣятельному участію въ сѣверной системѣ. Лѣтомъ 1768 года пріѣхалъ въ Россію чрезвычайный и уполномоченный посланникъ лордъ Чарльзъ Каскартъ; ему дана была между прочимъ такая инструкція: „Такъ какъ въ 1742 году, въ Москвѣ былъ заключенъ между обѣими державами союзный трактатъ, срокомъ на 15 лѣтъ, нынѣ уже истекшихъ, и такъ какъ съ этого времени, было приступлено къ обсужденію возобновленія упомянутаго трактата, то вы воспользуетесь удобнымъ случаемъ освѣдомиться, измѣнились ли чувства, высказанныя до сихъ поръ по этому поводу министрами ея императорскаго величества, и сообщите намъ все, что узнаете касательно этого предмета, для дальнѣйшихъ вашихъ инструкцій, въ отвѣтъ на могущія послѣдовать вамъ предложенія, и сообразно съ тѣмъ, насколько вы найдете ея императорское величество расположенной облегчить достиженіе столь желанной цѣли, и удалить препятствіе, до сихъ поръ, къ несчастію, затруднявшее исполненіе этого дѣла, при чемъ, вы не преминете передать русскому двору наше искреннее желаніе, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ дѣловыхъ вопросахъ, заявить нашу неизмѣнную готовность скрѣпить доброе согласіе, нынѣ столь благополучно существующее между обоими дворами ([12]).

Изъ Россіи въ Англію также рѣшили послать вмѣсто полномочнаго министра посла гр. Ивана Чернышева. Хотѣли во что бы то ни стало привести къ благополучному окончанію, договоръ о союзѣ.

Новаго англійскаго посла Екатерина привела въ восхищеніе своимъ умомъ и обращеніемъ, и удивительной энергіей, а въ Панинѣ онъ также увидѣлъ выдающагося дипломата. Вотъ какъ онъ отзывается о немъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ донесеній (отъ 12 (20) августа 1768 года): „При послѣднемъ свиданіи со мною, Панинъ усиленно увѣрялъ меня въ томъ, что онъ сознаетъ значеніе дружбы Великобританіи и Россіи, и что императрица искренно расположена продолжать сношенія съ ними, на основаніи того же согласія, и если возможно, скрѣпить его тѣснѣйшими узами. Онъ отозвался съ похвалой о способностяхъ и добромъ рас-

положеніи сэра Джоржа Макартней, и перешелъ къ вопросу о частыхъ перемѣнахъ нашихъ министровъ, которые задерживаютъ ходъ дѣла, но къ чему онъ отнесся не иначе, какъ лишь по причинѣ этого неудобства онъ говорилъ о справедливости, прямотѣ и твердости собственнаго характера, съ сознательностью, которая въ немъ казалось совершенно естественной, и имѣлъ любезность высказать обо мнѣ лестное мнѣніе.

Рѣчь его замѣчательно медленна въ выраженіяхъ, объясненія его подробны, предложенія настойчивы, хотя онъ имѣетъ достаточно самообладанія для того, чтобы вести споръ и выслушивать противоположныя мнѣнія, если только они прилично поддержаны, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться, въ довольно продолжительномъ разговорѣ съ нимъ, вчера вечеромъ, касательно предмета, которымъ я, быть можетъ, не стану утруждать васъ, милордъ, такъ какъ не было ничего рѣшено, до слѣдующаго случая. Словомъ, я рѣдко видѣлъ человѣка, съ которымъ, по мнѣнію моему, я бы могъ вести дѣло такъ пріятно, довѣрчиво и выгодно". Далѣе онъ прибавляетъ: „Панинъ положительно держитъ бразды правленія этой имперіи" (13).

Въ виду уже назрѣвшаго разрыва съ Турціей и невозможности даже надѣяться на заключеніе союза съ Англіей со включеніемъ турецкаго вопроса, русское правительство рѣшило пожертвовать этимъ пунктомъ, но рѣшило настаивать на томъ, чтобы Англія согласилась за это на ежегодную уплату Швеціи субсидій въ 50.000 ливровъ для ослабленія тамъ французскаго вліянія. Вотъ какъ лордъ Каскартъ передаетъ свой разговоръ по этому поводу съ Сальдерномъ и вотъ какъ онъ самъ смотрѣлъ на возможность и выгодность заключенія союза съ Россіей. „Онъ (Сальдернъ) увѣдомилъ меня, что турецкій вопросъ будетъ оставленъ, но будетъ предложена субсидія Швеціи. Я сказалъ ему, что это значитъ покупать союзъ съ Россіей. Онъ отвѣчалъ: нѣтъ. Императрица покупаетъ союзъ съ нами, предоставляя намъ воспользоваться системой, достигнутой ея усиліями и требуя только, чтобы мы помогли поддержать эту систему, прибавляя, что, кромѣ денегъ, издержанныхъ ею тамъ и въ Польшѣ, по поводу избра-

нія короля и поддержанія диссидентовъ, императрица и впередъ возьметъ на себя гораздо больше расходовъ и пожертвованій, чѣмъ останется на нашу долю. Какъ видно изъ корреспонденцій моихъ предшественниковъ, Россія казалась имъ подъ вліяніемъ Франціи какъ по распоряженію и обычаю, такъ и по воспитанію. Въ настоящую же минуту, вслѣдствіе твердо заявленныхъ мнѣній императрицы, Россія рѣшительно склоняется на сторону Англіи, а настроеніе это еще усилится подъ вліяніемъ всѣхъ учрежденій императрицы. Поэтому невозможно найти моментъ, болѣе благопріятный для переговоровъ.

Нельзя болѣе подозрѣвать Россію въ желаніи достигнуть преобладанія надъ нами; она сама идетъ на встрѣчу желаніямъ Англіи и предлагаетъ ей гарантировать Швецію противъ себя самой.

Турецкій вопросъ оставленъ въ сторонѣ.

Сѣверная система, достигнутая императрицей, и возникающія изъ нея общія выгоды объяснены и предлагаются участію короля на совершенно равныхъ условіяхъ, несмотря на то, что дѣло это было совершено безъ всякихъ издержекъ со стороны его величества и теперь не налагаетъ на него новыхъ обязательствъ.

Далѣе выставляется на видъ необходимость замѣнить французскую субсидію въ Швеціи, въ видахъ сохраненія этой системы, при чемъ выражено желаніе, чтобы Англія приняла на себя эту субсидію, принимая въ соображеніе тѣ расходы, которые Россія уже понесла въ Швеціи, Польшѣ и другихъ мѣстахъ, и которые будутъ продолжаться ежегодно, клонясь къ утвержденію и сохраненію системы въ Швеціи, черезъ что союзъ налагаетъ на нее болѣе обязательствъ, чѣмъ на насъ.

Вслѣдъ за всѣми этими объясненіями выражено желаніе, чтобы мы выслали проектъ трактата, содержащаго всѣ наши собственные интересы и включающаго при этомъ столько интересовъ Россіи, сколько то признано будетъ нами возможнымъ.

Затѣмъ, милордъ, сознаюсь вамъ откровенно, что если его величество не отказался отъ желанія стать вмѣстѣ съ Россіей во главѣ этой системы, я не вижу причинъ, на основаніи которыхъ можно бы отвергнуть

предложеніе платить половину расходовъ, нужныхъ для поддержанія этой самой системы. Въ такомъ случаѣ нужно сказать: „Англія не желаетъ участвовать въ системѣ. Она не считаетъ себя заинтересованной въ ней наравнѣ съ Россіей. Она полагаетъ, что въ случаѣ, если бы она выплатила субсидію и оставила бы остальное Россіи, на ея собственную долю пала бы неравномѣрная часть обязательствъ... Я убѣжденъ, что по разсмотрѣніи окажется гораздо лучше и удобнѣе, а также и дешевле, взять на себя ежегодную уплату извѣстной суммы, чѣмъ составлять счеты и выплачивать изъ нихъ то, что придется на нашу долю или, по крайней мѣрѣ, будетъ сочтено за нашу долю“ (14). Гр. Панинъ въ своей депешѣ русскому послу въ Лондонѣ гр. Ивану Григорьевичу Чернышеву, въ январѣ 1769 года такъ мотивировалъ требованія Россіи въ предполагаемомъ союзномъ договорѣ. „Ея величество, вошедъ со мною въ разсужденіе, изволила мнѣ сдѣлать свои слѣдующія заключенія, что желанія ея соединиться тѣснымъ союзомъ съ его великобританскимъ величествомъ основаны на взаимной непоколебимой пользѣ и на ея персональной склонности, что при составленной ею ея настоящей политической системѣ, она свою имперію, довольно огражденную, доставляетъ отъ всѣхъ христіанскихъ ея сосѣдей, которые другъ противъ друга съ нею въ тѣснѣйшихъ обязательствахъ находятся; что всякая отъ третьяго въ томъ гарантія была бы одною пустою мечтою, что, напротивъ, того, тѣ обязательства гарантій, которыя ея величество дозволять изволитъ для англійскаго двора, суть, какъ по существительному его положенію, такъ и по политической связи неоспоримо такого рода, что требуютъ отъ ея имперіи содержанія во всегдашней готовности не токмо опредѣляемой трактатомъ помощной силы, но и запасной еще въ готовность на всякія дальнѣйшія происшествія для подкрѣпленія дѣлъ Великобританіи, что въ томъ и прямое существо безпосредственнаго и независимаго не отъ какихъ другихъ союзовъ состоянія ея соединенія съ великобританскимъ величествомъ; что она, уважая мудрый и рачительный монархини долгъ противъ своей имперіи, для того и предполагала прежде равновѣсное взаимство обяза-

тельствъ съ англійской стороны въ включеніи въ союзъ войны ея имперіи съ турками; что ея императорское величество однакожъ, сугубо побуждаема и общею пользою и своею склонностью противу коварной французской въ сѣверѣ инфлюенціи, не щадила конечно ни трудовъ, ни иждивенія къ истребленію оной, а достигнувъ до того, остается ей одно попеченіе, чтобы сію часть Европы обезпечить и впредь на нѣкоторое время отъ зависимости той державы, и потому предпочла уже ея величество сей конечно по послѣдней мѣрѣ равно Англію саму интересующій предметъ, своей единственной для имперіи безпосредственной пользы взаимнымъ съ Англіею обязательствамъ, чѣмъ она еще, слѣдуя склонности къ тѣсному съ нею соединенію, искать изволила изъять изъ среды тѣ непреодолимыя претыканія, которыя англійскій дворъ предъявлялъ себѣ встрѣчающимся отъ національной левантской торговли, въ принятіи союзнаго случая турецкой войны: что теперь, когда ея величество уже дѣйствительно въ сей войнѣ находится, еще меньше можетъ и намѣрена требовать какое-либо явное дѣйствительное ей вспоможеніе въ замѣну ея будущихъ союзныхъ обстоятельствъ; что и самый порядокъ вещей всѣ между государствами договоры установляетъ на отвращеніе и вспоможеніе быть могущаго, а не на настояніе уже съ одной стороны случившагося, ибо тутъ никакого взаимнаго равенства болѣе сыскать невозможно; что потому теперь и остается еще болѣе **одинъ только предметъ шведскихъ дѣлъ**, который можетъ связать узломъ опредѣленнаго союза наши два государства въ ихъ столь натуральныхъ и единогласныхъ интересахъ, происходящихъ изъ существа и положенія ихъ земель. Всемилостивѣйшая государыня, разсуждая такимъ образомъ, мнѣ въ заключеніе сказать изволила, что если и въ настоящихъ столь для нея съ двухъ сторонъ заботливыхъ обстоятельствахъ, великобританскій дворъ не рѣшится на сей послѣдній предметъ, могущій въ разсужденіи ея имперіи, согласить ея склонность къ союзу съ его великобританскимъ величествомъ съ пользою и интересомъ ея имперіи, то она противъ воли и желанія своего принуждена будетъ свои дѣла съ Англіею оставлять на од-

нихъ взаимныхъ искреннихъ и дружескихъ обращеніяхъ, такъ какъ по сіе время оныя продолжаются, стараясь съ своей стороны по возможности своихъ собственныхъ дѣлъ быть ей полезною и распространить довѣренность и доброе согласіе съ его величествомъ королемъ“ (15).

Англійскій посолъ, какъ видно изъ его вышеприведеннаго донесенія, находилъ выгоднымъ русскія условія, но его правительство осталось при прежнемъ рѣшеніи, не платить субсидій въ мирное время. Переговоры по этому тянулись безрезультатно и въ продолженіе всего 1769 года, при чемъ Фридрихъ, повидимому, всячески старался помѣшать союзу Россіи съ Англіей. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію графа Рочфорда, управлявшаго въ Англіи Сѣвернымъ департаментомъ, прусскій король былъ виновникомъ того, что союзный договоръ между Россіей и Англіей не былъ заключенъ: Фридрихъ II черезъ своего министра старался всюду разглашать въ Лондонѣ, что было бы безразсудно съ англійской стороны давать какія-нибудь субсидіи Швеціи.

Въ 1770 году лордъ Каскартъ выступилъ съ новымъ проектомъ союзнаго договора, приплетая опять къ нему посредничество по турецкимъ дѣламъ, но въ формѣ, невыгодной для Россіи, почему и этотъ проектъ не имѣлъ никакого успѣха, поэтому лордъ Каскартъ былъ отозванъ въ 1771 году, а на его мѣсто былъ назначенъ Робертъ Гуннингъ.

Въ это время все вниманіе русскаго правительства было поглощено польскими дѣлами и войною съ Турціей; а такъ какъ инструкціи, полученныя Гуннингомъ были нисколько не болѣе выгодными для Россіи, чѣмъ инструкціи Каскарта, то заключенія союзнаго договора такъ и не состоялось. Значитъ, Англія, долженствовавшая быть однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ „Сѣверной системы“, такъ и не пришла къ соглашенію по вопросу о союзномъ договорѣ, хотя вообще идея „Сѣверной системы“ для нея была весьма симпатична; правительство ея, однако, хотѣло дѣйствительно пользоваться выгодами системы, съ своей стороны не привнося къ ней ничего, т.-е., по просту говоря, загребать жаръ чужими

руками, что она успѣшно и дѣлала, такъ какъ не стремись Россія къ сдержанію южныхъ державъ, соединенныхъ фамильнымъ договоромъ, не затрачивай она огромныхъ суммъ на уничтоженіе французскаго вліянія въ Швеціи, Даніи и Польшѣ, Англіи приходилось бы поневолѣ самой гораздо больше хлопотать и тратиться. Понятно, что Панину и императрицѣ Екатеринѣ такой образъ дѣйствій казался по справедливости низкимъ и торгашескимъ.

XIII.

Отношенія къ Франціи. Крайняя враждебность Франціи къ Россіи. Враждебныя дѣйствія Франціи противъ Россіи: отказъ въ заходѣ въ французскія гавани русской эскадрѣ; помощь польскимъ конфедератамъ и туркамъ; дипломатическая борьба съ Россіей.

Въ разсмотрѣніи отношеній Россіи къ Франціи въ періодъ времени отъ начала турецкой войны мы точно также ограничимся указаніемъ только важнѣйшихъ фактовъ. Въ 1769 г. гр. Шуазель въ мемуарѣ кн. Мерси такъ изображаетъ положеніе дѣлъ въ Европѣ и политику своего двора (1): „Первою цѣлью короля было беречь, сохранять и упрочивать союзы, а именно только союзы съ Вѣною и Мадридомъ. Его величество думаетъ, что эти два союза составляютъ предметъ первой важности для Франціи, и что ими ей можно и ограничиться. Второю цѣлью было продолжить миръ на столько, на сколько это будетъ возможно, и вредить планамъ враговъ, которые его могутъ нарушить, или которые могутъ быть опасными, когда война произойдетъ. Это не фантазія, что Франція находится во враждебномъ отношеніи къ Россіи. Государыня, которая царствуетъ въ Петербургѣ, съ первыхъ мѣсяцевъ своего царствованія обнаружила свою честолюбивую систему; нѣтъ возможности скрывать ея плана, состоящаго въ томъ что она имѣетъ въ виду **вооружить Сѣверъ противъ Юга**, и въ то же время не чувствовать опасности такого плана. Одно изъ основаній нашего союза съ Австріей состоитъ въ томъ, чтобы по возможности избѣгать войны на материкѣ, но если бы **сѣверный союзъ**, руководимый русской императрицей и прусскимъ королемъ и оплачиваемый англичанами, состоялся на самомъ дѣлѣ, то Вѣнскій дворъ и Франція имѣли бы по не-

обходимости затрудненія и должны были бы вести значительную сухопутную войну. Поэтому слѣдовало искать всевозможныхъ способовъ остановить этотъ опасный союзъ, а для этого, какъ мы думали во Франціи, должно было бы надѣлать хлопотъ скорѣе Россіи, чѣмъ Англіи, потому что эта послѣдняя большею частью держалась спокойно. Русская императрица услужила намъ, втянувшись въ предпріятія, которыхъ не могутъ выдержать ея силы. Швеція не вступитъ въ союзъ противъ Франціи и Вѣнскаго двора; она будетъ и впередъ въ состояніи сдерживать Данію, которая хотя и слаба, все-таки желаетъ играть свою роль. Несчастная Польша терзаетъ сама себя, русскіе достаточно заняты Турціей и Польшей и могутъ быть только въ тягость своимъ союзникамъ; король прусскій, который, конечно, желаетъ войны, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, не посмѣетъ тронуться, когда его будетъ сдерживать Вѣнскій дворъ. Остается Англія съ своею Ганноверскою арміей, но она не можетъ безпокоить никого... Такимъ образомъ лучше всего для нашего союза, чтобы война Россіи съ Портою продолжалась еще нѣсколько лѣтъ съ равнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ; пусть каждая сторона ослабляетъ взаимно другую, если мы выиграемъ время, то всѣ случайности будутъ въ нашу пользу. Во Франціи не знаютъ, каковы планы Вѣнскаго двора относительно Польши и Турецкой войны, но ему можно высказать съ полной свободой и величайшей откровенностью, каково на этотъ счетъ мнѣніе короля, для котораго во всякомъ случаѣ совершенно безразлично, кто будетъ королемъ въ Польшѣ, лишь бы только Польша находилась въ волненіи, и лишь бы Россія была занята еще нѣсколько лѣтъ Польшей и Турціей".

Здѣсь мы видимъ цѣлую программу дѣйствій по отношенію къ Россіи, программу, въ высшей степени враждебную, и эта враждебность мотивируется именно боязнью передъ **сѣвернымъ союзомъ**, враждебнымъ государствамъ южнымъ.

Когда проходила русская эскадра, направлявшаяся въ Средиземное море, Хотинскій, русскій министръ во Франціи, просилъ въ случаѣ бурь позволенія входа

эскадрѣ въ гавани Франціи. На эту просьбу былъ данъ отвѣтъ неблагопріятный, хотя, по обыкновенію, и былъ прикрытъ нѣкоторой галантностью. Шуазель сказалъ, что Франція не откажетъ въ должной по человѣчеству помощи и не запретитъ входа русскимъ кораблямъ въ свои гавани, такъ какъ находится съ Россіею въ согласіи; но корабли должны входить въ гавани по одному, а не цѣлой эскадрою, потому что Франція, имѣя значительную торговлю съ Турціей, должна ее щадить. Этотъ хитрый, не говорящій ни да, ни нѣтъ отвѣтъ Хотинскому кажется въ порядкѣ вещей. Онъ попробовалъ поторговаться. Этого недостаточно, говорилъ онъ, если цѣлая эскадра, настигнутая бурею, будетъ искать спасенія въ гавани, то неужели примутъ одинъ корабль, а остальнымъ дадутъ погибнуть? Шуазель на это отвѣчалъ новой увертkой: если бы, сказалъ онъ, Россія была въ союзѣ съ Франціей, тогда бы можно было впустить цѣлую эскадру въ гавань,—таковы морскіе законы. При настоящихъ же условіяхъ измѣнить это рѣшеніе Шуазель считалъ невозможнымъ (2). Такой же пріемъ ожидалъ русскую эскадру и въ Испаніи по внушеніямъ Франціи. Въ это время противъ Россіи велись интриги, какъ вы видѣли, въ Швеціи, въ Польшѣ, даже въ Даніи. Именно, Шуазель угрожалъ датскому посланнику занятіемъ датскихъ колоній въ Америкѣ въ случаѣ открытаго вооруженнаго вмѣшательства датскаго короля въ дѣла Швеціи.

Мы не будемъ упоминать о другихъ мелкихъ интригахъ Франціи, о которыхъ мы отчасти упомянемъ въ другихъ мѣстахъ при разсмотрѣніи сношеній съ другими государствами, такъ о дѣятельности Франціи въ раздѣлѣ Польши мы скажемъ, говоря о дѣйствіяхъ Фридриха и Австріи, а теперь упомянемъ только еще одинъ важный шагъ французскаго правительства.

Въ 1770 году Шуазель, находя, что помогать деньгами польскимъ конфедератамъ очень трудно, и употребленіе этихъ денегъ подозрительно, послалъ Дюмурье, бывшаго тогда только капитаномъ, на помощь конфедератамъ. Онъ долженъ былъ установить порядокъ между конфедератами и единство ихъ дѣйствій. Мы уже въ одномъ мѣстѣ упомянули, какое впечатлѣніе произвели

на него эти грабители-кутилы: „изумительная роскошь, безумныя издержки, длинные, занимающіе большую часть дня, обѣды, игра и пляска—вотъ ихъ занятіе“ (3), замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ. „Они, говоритъ онъ далѣе, были увѣрены, что посланный къ нимъ изъ Франціи привезетъ имъ съ собой сокровища; и потому они были поражены, когда онъ имъ сказалъ, что онъ пришелъ безъ денегъ, и что, судя по ихъ образу жизни, они не нуждаются ни въ чемъ“. Войско ихъ, по его мнѣнію, было не лучше ихъ образа жизни. „Эта кавалерія, вся составленная изъ знатныхъ (шляхтичей), равныхъ между собою, безъ дисциплины, безъ повиновенія, плохо вооруженная, плохо снаряженная, совершенно не бывшая въ состояніи сопротивляться регулярнымъ русскимъ войскамъ, была даже гораздо хуже нерегулярныхъ казацкихъ войскъ. Ни одного укрѣпленія, ни одного артиллерійскаго орудія, ни одного человѣка пѣхоты“ (4). Дюмурье поэтому счелъ, что по меньшей мѣрѣ глупо было бы для французскаго двора платить субсидіи людямъ, которые такъ плохо пользуются ими... (5).

Онъ довольно здраво взглянулъ на состояніе Польши, хотя все-таки онъ представлялъ себѣ кое-что въ лучшемъ свѣтѣ. Онъ говоритъ, напримѣръ: „поляки страстно любятъ **свободу**“ и сваливаетъ вину во всѣхъ бѣдахъ на польскую конституцію. Но терминъ „свобода“ можетъ означать совершенно различное. Польскую „свободу“ второй половины XVIII вѣка прекрасно опредѣлилъ Костомаровъ. Подъ „свободой“ полякъ XVIII вѣка понималъ полный произволъ и тупой, ограниченный, сословный эгоизмъ, но особенно произволъ. Право не платить ничего государству, право своевольничать, обращаться, какъ вздумается, не только со своими рабами-хлопами, но и съ себѣ равными же, но менѣе богатыми шляхтичами—вотъ былъ идеалъ польской „свободы“ того времени. Дюмурье же, читавшій французскихъ философовъ, которыхъ первымъ догматомъ было что „chaque homme est né libre“ (6), жившій въ атмосферѣ, въ которой уже носились слова: „liberté, égalité, fraternité“, слова, сдѣлавшіяся девизомъ революціи,—принялъ понятіе свободы, проповѣдуемое филосо-

фами, тождественнымъ съ польскимъ терминомъ „свобода“. Здраво же Дюмурье взглянулъ особенно на политическій строй Польши. Онъ очень мѣтко характеризуетъ польскую аристократію и ея отношенія къ массѣ народа: „польская конституція, говоритъ онъ,—это чистая аристократія, но въ которой у благородныхъ нѣтъ народа для управленія, потому что нельзя назвать народомъ 8 или 10 милліоновъ рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, не имѣющихъ никакихъ политическихъ правъ, рабовъ, которыхъ продаютъ, покупаютъ, вымѣниваютъ, получаютъ по наслѣдству и мѣняютъ, какъ домашнихъ животныхъ. Польское соціальное тѣло,—это чудовище, составленное изъ головъ и желудковъ, безъ рукъ и ногъ... Польская нація предъ раздѣломъ представляла только собою соціальное тѣло изъ 8 или 9 сотъ тысячъ аристократовъ, занимавшихъ такое пространство земли, которое при другомъ положеніи вещей могло бы питать 30.000.000 свободныхъ людей (7). Мы, впрочемъ, уже разъ дали очеркъ состоянія Польши и здѣсь приводимъ отзывы Дюмурье, касающіеся того же состоянія Польши, какъ чрезвычайно мѣткія и любопытныя замѣтки современника и очевидца.

Въ это время и немного послѣ французскій дворъ дѣйствовалъ всего энергичнѣй. Возбудивъ Турцію, онъ помогалъ въ Польшѣ противъ Россіи и такъ успѣшно велъ дипломатическую борьбу въ Швеціи съ Россіей, что результаты этой борьбы оказались выгодными для французскаго двора, а не для русскаго;—тамъ была уничтожена, какъ мы видѣли, конституція 1720 года. Дѣло не ограничивалось и этимъ, баронъ де-Тоттъ, французскій инженеръ, укрѣпилъ Дарданеллы и закрылъ такимъ образомъ русской эскадрѣ, бывшей въ Архипелагѣ, доступъ въ Мраморное море. И все это велось подъ прикрытіемъ „galanterie“, разрыва не было, такъ что въ 1772 году Дюранъ, новый французскій министръ въ Петербургѣ, увѣрялъ Панина, что дворъ его всегда желалъ и желаетъ быть въ добромъ согласіи и дружбѣ съ ея императорскимъ величествомъ, что перемѣну въ Швеціи произвелъ онъ вовсе не въ намѣреніи нанести этимъ вредъ Россіи, что Франція еще прежде

совѣтовала шведскому двору возобновить союзъ съ Россіей, да и послѣ внушала то же самое, и король, государь его, весьма сожалѣлъ бы, если бы въ Россіи думали, что онъ старается причинять ей новыя заботы и распространить военное пламя въ Европѣ. Дюранъ былъ посланъ новымъ французскимъ правителемъ, герцогомъ Эгильономъ, смѣстившимъ Шуазеля, такъ какъ послѣдній не сумѣлъ угодить ничтожнѣйшей фавориткѣ ничтожнѣйшаго короля, — графинѣ Дюбарри (8). Цѣль его миссіи заключалась въ томъ, чтобы вести интриги въ самомъ Петербургѣ и, если можно, низвергнуть Панина. Фридрихъ очень безпокоился за послѣдняго, хорошо зная его довѣрчивость, и писалъ Сольмсу, чтобы онъ предостерегалъ и сдерживалъ Панина. Дюранъ, по его отзыву, былъ „мастеръ въ интригахъ". Сольмсъ, однако, писалъ (14 янв. 1774 г.), что по увѣреніемъ Панина „русскій дворъ не находится ни въ какихъ дружескихъ сношеніяхъ и не желаетъ ихъ устанавливать, а будетъ неизмѣнно придерживаться своей прежней системы" по отношенію къ Франціи (9). Какъ на самомъ дѣлѣ, а не по увѣренію Дюрана, былъ вообще расположенъ къ русскому двору французскій дворъ,— мы можемъ увидѣть изъ письма Шуазеля, гдѣ онъ осыпаетъ ругательствами и Екатерину и весь ея дворъ (10). Сносились даже съ Англіей, хотя чрезвычайно тайно, съ намѣреніемъ привлечь ее къ союзу противъ Россіи, такъ какъ съ Россіей союзный договоръ рѣшительно не могъ быть заключенъ. Опасность грозила здѣсь сильная, потому что въ Англіи скорѣй сталкивались интересы съ Россіей, чѣмъ сходились: изъ-за турецкой торговли могло произойти соперничество...

Эгильона по смерти Людовика XV въ 1774 году (въ апрѣлѣ) замѣнилъ графъ Верженъ. Новый король не былъ расположенъ къ энергичнымъ дѣйствіямъ; онъ думалъ, что деньги на субсидіи тратятся даромъ (11). Съ этого времени уже энергичныя дѣйствія противъ Россіи со стороны Франціи прекращаются, какъ благодаря тому, что этого не позволяло внутреннее состояніе Франціи, доведенной до невозможно тяжелаго положенія вслѣдствіе худой администраціи, страшно-большихъ и неравномѣрно разложенныхъ налоговъ, од-

нимъ словомъ, состояніе, которое черезъ нѣсколько лѣтъ должно было вылиться наружу въ ломкѣ стараго порядка, въ ужасахъ революціи. Второю же причиною прекращенія энергическихъ дѣйствій со стороны Франціи было то обстоятельство, что русская сѣверная система къ этому времени совершенно рушилась, точно такъ же, какъ развалился союзъ южныхъ государствъ, и политикой Европы руководили въ это время уже другіе принципы, да и почти другія лица.

Теперь Европа раздѣлилась на двѣ части—западную и восточную. Между ними сношенія ослабѣваютъ и интересы падаютъ; все вниманіе обращается въ каждой половинѣ на свои дѣла. Въ западной сперва на дѣла американскія, а потомъ на французскую революцію, а въ восточной подъ шумокъ французской революціи доканчивались раздѣлы Польши, хотя нельзя не замѣтить, что во Франціи допущеніе перваго раздѣла уже считали дѣломъ постыднымъ. Сегюръ, напр., отзывается объ этомъ такъ: „вслѣдствіе слабости министерство Людовика XV допустило позорно раздѣлить Польшу между Россіей, Пруссіей и Австріей; раздѣлъ гибельный и т. д. (12). Мѣтко характеризуются отношенія Франціи къ Россіи за время отъ 1762 г. до 1775 г. у Рамбо (13):

„Въ періодъ отъ 1756 г. до 1775 г., говоритъ онъ, Россія, за исключеніемъ только одного случая, а именно во время семилѣтней войны... съ нами противъ Пруссіи, казалась государствомъ враждебнымъ само по себѣ, нарушителемъ европейскаго равновѣсія, разрушителемъ государствъ, которыя казались нобходимыми для этого равновѣсія“.

Можно себѣ представить, какимъ раздраженіемъ были отмѣчены инструкціи французскаго двора и донесенія ея агентовъ.... Стоитъ лишь прочитать, напр., инструкціи г-ну де-Боссе: „не подобаетъ націямъ, держащимся здравой политики, видѣть безъ безпокойства, что Россія, освобожденная отъ истинно варварской оболочки, быстро воспользовалась своимъ новымъ состояніемъ для того, чтобы распространить свои границы и приблизиться къ намъ“, а равно и строгую оцѣнку версальскимъ кабинетомъ „лживости“ „непослѣдовательности“ Екатерины II въ внѣшней политикѣ и ея

„passion effrenée pour le comte Orloff“, и выраженіе надежды, что знатные русскіе сговорятся относительно „необходимости сохранить чрезмѣрныя права царской власти“, и склонность „вѣрить, что эта государыня не кончитъ своихъ дней на тронѣ“ (14), и пожеланіе, чтобы „настоящая война между Россіей и Турціей продолжалась столько времени, чтобы петербургскій дворъ, униженный, или по меньшей мѣрѣ истощенный, на долго не могъ и думать объ усиленіи своего могущества, и убѣжденіе, „что соперничество придворныхъ партій“ можетъ поставить жизнь и корону Екатерины II въ опасность“, и то, „что великій князь совсѣмъ не знаетъ преступленій своей матери“, и то, что „она будетъ низвергнута съ трона, на который она никогда не должна была вступать“,—не показываетъ ли все это, до какой степени враждебность дошла тогда съ обѣихъ сторонъ при полномъ мирѣ“ (15).

XIV.

Измѣненіе отношеній Россіи къ Австріи. Фридрихъ ищетъ сближенія съ Австріей. Онъ первый пускаетъ мысль о раздѣлѣ польскихъ земель. Упорство Панина. Фридрихъ убѣждаетъ императрицу Екатерину согласиться на раздѣлъ вопреки настояніямъ Панина. Радость Фридриха. Первый раздѣлъ Польши и Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

Окончательное паденіе сѣверной системы особенно ясно усматривается изъ отношеній Россіи къ Австріи.

Сначала отношенія были натянуты; никакихъ трактатовъ Россія не хотѣла заключать съ Австріей, да и послѣдняя не могла надѣяться на нихъ, такъ какъ сѣверная система не включала ее въ число союзниковъ Россіи, а, напротивъ, отталкивала къ южному союзу, въ главѣ котораго стояла Франція.

Мы видѣли, что по окончаніи семилѣтней войны Австрія была сильно истощена войною; видѣли мы также, какъ презрительно относился Фридрихъ къ ея заявленіямъ. Все это повело къ тому, что Австрія тѣсно должна была сблизиться съ Франціей. Но затѣмъ, когда сѣверная система не удавалась, когда началась турецкая война и пошла успѣшно, когда въ Польшѣ русскія войска также начали бить конфедератовъ, тогда вѣрный союзникъ Россіи, Фридрихъ, сталъ ощущать безпокойство. Онъ сталъ бояться силъ своего союзника Россіи и началъ мѣнять исподоволь свою политику. Ранѣе онъ, изъ опасеній усиленія Польши, старался ослабить ее, побуждалъ противъ нея Россію; а теперь онъ сталъ бояться, какъ бы на мѣстѣ Польши не очутилась Россія. Въ то самое время, когда Фридрихъ хлопоталъ въ Россіи о продленіи союза, онъ старался положить начало сближенію съ Австріей, результатомъ чего было

уже описанное нами (въ XI главѣ) свиданіе Фридриха съ Іосифомъ, будущимъ императоромъ Австріи, въ Нейссе (1). При началѣ турецкой войны Австрія объявила, что будетъ соблюдать нейтралитетъ. Франція же побуждала ее тайно помогать туркамъ съ цѣлью затянуть войну. Шуазель думалъ, что „все будетъ въ его пользу, если ему удастся выиграть время“ (2), но такого взгляда не раздѣлялъ австрійскій дворъ. Тамъ предвидѣли, что дѣло для турокъ хорошо не можетъ окончиться, что Россія изъ этой войны выйдетъ еще болѣе могущественной, чѣмъ была раньше; результатомъ этихъ опасеній было собираніе въ Венгріи и Трансильваніи войска, сначала съ цѣлью охранительною; а затѣмъ, пополнивши войска, думали при случаѣ употребить ихъ и на болѣе рѣшительныя мѣры (3). Фридрихъ начинаетъ теперь постоянно пугать Россію Австріей. Онъ говорилъ, что Шуазель, скрѣпивъ родственными связями оба двора (бракъ Людовика дофина (будущаго XVI-го) съ Маріей Антуанетой, дочерью Маріи-Терезіи), побуждаетъ Австрію къ войнѣ, что война непремѣнно будетъ, если Россія намѣрена присоединить къ себѣ часть Молдавіи и Валахіи. Фридрихъ предлагалъ посредничество въ заключеніи мира съ Турціей, желая только какъ можно скорѣе затормозить войну, не допустить Россію до большихъ завоеваній въ Турціи. Онъ, съ наглою откровенностью разсказывавшій въ своихъ мемуарахъ о всѣхъ своихъ политическихъ плутняхъ (4), разсказавши о своемъ первомъ свиданіи съ Іосифомъ въ Нейссе, говоритъ: „Должно согласиться, что въ политикѣ было бы непростительной ошибкой слѣпо положиться на добросовѣстность австрійцевъ; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда перевѣсъ Россіи становился слишкомъ значителенъ, и когда было невозможно предвидѣть, какія границы она положитъ своимъ завоеваніямъ, было очень кстати сблизиться съ вѣнскимъ дворомъ. Пруссія еще помнила тѣ удары, которые Россія нанесла ей въ послѣднюю войну; вовсе не было въ интересахъ короля самому содѣйствовать усиленію государства, столь страшнаго и опаснаго. Предстояло на выборъ одно изъ двухъ: или оставить Россію на поприщѣ ея громадныхъ завоеваній, или, что было всего благо-

разумнѣе, попробовать при помощи ловкости получить себѣ часть. Король ничѣмъ не пренебрегъ въ этомъ отношеніи; **онъ отослалъ въ Петербургъ политическій проектъ, приписанный имъ** графу Линару" (il avait envoyé à Pétersbourg un projet politique, qu'il attribuait à un comte Lynar) (5).

А брату своему Генриху Фридрихъ писалъ: „Россія—это страшное могущество, отъ котораго черезъ полвѣка будетъ трепетать вся Европа. Происходя отъ этихъ гунновъ и гепидовъ, которые сокрушили Восточную имперію, русскіе могутъ очень скоро напасть на Западъ, и заставятъ австрійцевъ страдать и раскаиваться въ томъ, что по своей ложной политикѣ они призвали этотъ варварскій народъ въ Германію и научили его военному искусству. Но ослѣпленіе страстями, эта ядовитая ненависть, питаемая австрійцами къ намъ, отуманила ихъ глаза насчетъ послѣдствій ихъ поведенія, и теперь, для предохраненія себя отъ этого опаснаго потока, я не вижу другого средства, кромѣ союза между сильными государями (6). Вотъ каковы были истинныя чувства единственнаго сильнаго союзника Россіи, долженствовавшаго быть краеугольнымъ камнемъ „сѣверной системы". Самъ Фридрихъ, очевидно, составилъ проектъ о раздѣлѣ Польши, но во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній приписалъ его нѣкоему графу Линару, который, по словамъ Фридриха „большой политикъ и еще въ настоящее время управляетъ Европой изъ своей деревни, въ которую онъ удалился".

Вотъ что писалъ Фридрихъ о его проектѣ Сольмсу 2 февр. 1769 года (7).

„Графъ Линаръ возымѣлъ довольно странную мысль, соединить въ пользу Россіи интересы всѣхъ государей и разомъ дать дѣламъ Европы другой оборотъ. Онъ хочетъ, чтобы Россія предложила вѣнскому двору, за его содѣйствіе противъ турокъ, городъ Леопольдъ (т.-е. Львовъ) съ его окрестностями и Ципсъ, а намъ польскую Пруссію съ Вармією и право покровительствовать Данцигу, а Россія, чтобы вознаградить себя за военныя издержки, захватила бы такую часть Польши, какую хочетъ, и что тогда всякая зависть между Австріею и Пруссіей прекратилась бы, и они наперерывъ другъ передъ другомъ

помогали бы Россіи противъ турокъ. Этотъ планъ блестящъ, нѣсколько соблазнителенъ, но черезчуръ смѣлъ, и я счелъ долгомъ сообщить вамъ о немъ. Вы, который знаете образъ мыслей графа Панина, или не воспользуетесь имъ, или употребите въ дѣло, если найдете нужнымъ; хотя мнѣ кажется, что въ немъ болѣе блеску, чѣмъ основательности". Фридрихъ очень желалъ, чтобы Панинъ склонился къ мысли о полезности и удобоисполнимости этого проекта, и поэтому рѣшилъ повести дѣло крайне осторожно. Сначала онъ спрашиваетъ мнѣнія своего посла Сольмса объ этомъ проектѣ, а затѣмъ, рекомендуетъ ему сообщить Панину о немъ, не говоря о томъ, что онъ присланъ самимъ королемъ.

Сольмсъ самъ далъ не вполнѣ благопріятный отзывъ. Онъ считалъ весьма сомнительнымъ, чтобы Панинъ согласился съ проектомъ графа Линара: „Во-первыхъ, потому, что принципъ, на которомъ въ настоящее время основана политическая система Россіи, противенъ тому, чтобы входить съ Австріей въ такіе переговоры, которые могли бы дать поводъ предполагать нѣкоторое взаимное довѣріе, возстановленія котораго не желали бы видѣть приверженцы новой системы. Также здѣсь не достаточно довѣряютъ искренности вѣнскаго двора, и думаютъ, что когда ему представятъ этотъ проектъ, то онъ воспользуется имъ лишь для того, чтобы бросить тѣнь на всѣ предшествовавшіе поступки императрицы, давъ имъ видъ предвзятаго намѣренія разграбить Польшу. Сверхъ того, существованіе этой республики дѣйствительно, очень близко сердцу здѣшняго двора; съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, какъ графъ Панинъ принялъ участіе въ дѣлахъ, онъ постоянно говоритъ объ этомъ одинаково. **Онъ смотритъ на Польшу, какъ на способную служить Россіи противъ Порты.** И хотя при настоящихъ обстоятельствахъ на нее и смотрятъ какъ на врага, онъ льститъ себя, однако, надеждой, что послѣ того, какъ разсѣется весь этотъ хаосъ, **ему удастся ввести ее въ систему своего двора" (т.-е. сѣверную)** (8).

Замѣтивъ далѣе, что русское правительство старается возбудить довѣріе къ Россіи и пріучитъ Европу смотрѣть на дѣйствія Россіи, какъ на безкорыстныя въ отношеніи Польши, онъ заключаетъ, что сомнительно надѣяться на

сочувствіе Панина этому проекту. „Однако, не довѣряя моимъ собственнымъ мнѣніямъ, **и не называя источника,** я сообщу его графу Панину и увѣдомлю ваше величество о замѣчаніяхъ, которыя онъ сдѣлаетъ по этому предмету". Въ происшедшемъ по поводу проекта разговорѣ, Панинъ велъ себя двусмысленно, выказывая себя болѣе, чѣмъ идилликомъ и фантазеромъ и болѣе, чѣмъ когда-либо простодушнымъ и непонимающимъ бывшаго тогда положенія дѣлъ, на самомъ же дѣлѣ, повидимому, признавая несообразность проекта Линара, хотѣлъ просто запутать дѣло, и сталъ высказывать планъ еще болѣе размашистый, чѣмъ проектъ Линара. Его, какъ будто не поразила мысль о раздѣлѣ Польши, мысль очень вредная для интересовъ Россіи, хотя и не бывшая уже новою, такъ какъ ранѣе ее предлагалъ Фридрихъ I Прусскій Петру I, который, однако, отвергнулъ ее, какъ дѣло непрактичное.

Мысль о раздѣлѣ существовала и послѣ, но никогда согласія въ этомъ дѣлѣ не было, и она являлась мелькомъ. Панина какъ-будто не поразила и такая очевидная нелѣпость, что за турецкіе грѣхи должна была расплачиваться Польша. Вредъ этой мысли сдѣлается еще болѣе яснымъ, если мы припомнимъ, что ею извращался вопросъ польскій. Вопросъ этотъ былъ національно-религіозный; нужно было пріобрѣсти, какъ нами намѣчено уже въ 1 главѣ, во что бы то ни стало западную Русь, удовлетворить этимъ національному русскому чувству, а также и религіозному, сдѣлать такъ, чтобы вся Русь-Великая, Малая и Бѣлая" была въ русскомъ государствѣ. Проектъ же дѣлежа сразу разбивалъ возможность такого рѣшенія вопроса. Онъ подставлялъ въ замѣну вопроса національнаго—территоріальный, такъ какъ уже въ проектѣ Линара Лембергъ, т.-е. южно-русскій городъ Львовъ, отдавался Австріи, и такимъ образомъ, часть юго-западной Руси отдавалась во владѣніе германскаго народа, отъ грозившаго ей ополяченія попала въ еще большую опасность онѣмеченія. Панинъ, однако, какъ-будто не поразился этой мыслью, а сталъ только торговаться: Ципсъ, говоритъ, пожалуй и можно было бы отдать Австріи, Лембергъ-то ужъ нельзя, не больно ли много захотѣла себѣ Австрія. Изъ этого можно было за-

ключить, что въ это время даже у него, творца сѣверной системы, носившагося съ нею тогда, когда уже она, очевидно, не удалась, она имѣла мало значенія, или вѣрнѣе было имъ совершенно оставлена.

Допустивъ мысль сближенія съ Австріей, онъ нанесъ окончательный ударъ самой идеѣ системы. Дѣйствительно, изъ дальнѣйшихъ словъ его мы узнаемъ, что онъ въ это время имѣлъ уже другіе планы и что сѣверная система была имъ позабыта. „Стоитъ ли труда, говорилъ онъ въ томъ же разговорѣ съ Сольмсомъ, по поводу проекта Линара, такимъ тремъ государствамъ соединяться для того только, чтобы отбросить турокъ за Днѣстръ! Ужъ если соединяться, то для того, чтобы выгнать турокъ изъ Европы и значительной части Азіи, что совсѣмъ не трудно (!?) исполнить. Австрія пусть дѣйствуетъ съ Россіею противъ турокъ; за это она получитъ вознагражденіе въ Турціи и притомъ такое, что оно восполнитъ собою и потерю Силезіи. Пруссія за то, что не будетъ мѣшать этому, получитъ безопасность и увеличитъ свои владѣнія польской Пруссіей и Вармією. Изъ Константинополя и его окрестныхъ мѣстъ образуется республика, а Россія не будетъ имѣть никакой претензіи на дѣлежъ, потому что у нея уже и теперь больше земли, чѣмъ нужно, чтобы она могла съ ними управиться, и не должно думать ей о пріобрѣтеніи еще новыхъ земель, за исключеніемъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстъ на границѣ“. (9).

Понятно, что такія фантастическія построенія должны были только бѣсить Фридриха; ему нужна была синица въ руки, а не журавль въ небѣ. Что на самомъ дѣлѣ Панинъ болѣе другихъ понималъ вредъ идеи раздѣла, видно изъ того, что послѣ этого разговора съ Сольмсомъ, онъ долго еще оставался противникомъ раздѣла, и даже нѣкоторое время пытался твердо отстаивать свой взглядъ, несмотря на то, что Екатерина скоро стала совершенно на сторону раздѣла по идеѣ Фридриха. Даже въ іюнѣ 1772 г, изъ Англіи писали въ Петербургъ лорду Каскарту: „передавали, что проектъ раздѣла не нравится многимъ членамъ совѣта, но что одинъ только графъ Панинъ открыто возсталъ противъ него письменнымъ

заявленіемъ, **возбудившимъ сильное неудовольствіе со стороны императрицы** (10).

Между тѣмъ, русское правительство, занятое войной съ Турціей, какъ бы забыло о проектѣ Линара. Фридрихъ замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ: „Великіе успѣхи русскихъ въ Молдавіи и Валахіи и побѣды, одержанныя флотомъ въ Архипелагѣ, такъ отуманили Петербургскій дворъ, что онъ не обратилъ никакого вниманія на такъ называемый мемуаръ графа Линара (au soi-disant Mémoire du comte Lynar). Поэтому послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ, король счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ (11). Средства эти—запугиваніе Россіи Австріею и Франціей и стремленіе самого Фридриха сблизиться съ Австріей.

Въ это время во Франціи объ намѣреніяхъ Фридриха узнали и пытались устроить раздѣлъ Польши помимо Россіи; въ мартѣ 1770 года австрійскій министръ въ Константинополѣ Тугутъ доносилъ своему двору, что Рейсъ-эффенди спрашивалъ его, не соединится ли Австрія съ Портой противъ Россіи, Порта, далѣе говоритъ онъ, готова принять какія угодно союзныя условія; этимъ союзомъ можно предписать законы всѣмъ державамъ; по изгнаніи русскихъ изъ Польши отъ Австріи будетъ зависѣть,—дать ли Польшѣ новаго короля, или раздѣлить ее пополамъ между собою и Портою (12). Такимъ образомъ, Австріи приходилось колебаться между двумя выгодными предложеніями: предложеніемъ Пруссіи и Турціи.

Турецкое предложеніе было болѣе неисполнимо, нежели прусское. Кромѣ того, Марія-Терезія, остарѣвшая въ это время и сдѣлавшаяся, по выраженію Соловьева, „религіозной, совѣстливой старушкой“, боявшейся пролитія крови,—не хотѣла и слышать о союзѣ съ невѣрными противъ христіанъ, хотя на счетъ католической Польши она не прочь была поживиться, но только не въ союзѣ съ Турціей. Марія-Терезія была сначала противъ сближенія какого бы то ни было съ заклятымъ своимъ врагомъ Фридрихомъ, но опасеніе того, что Австрія не усилится, а усилятся сосѣди, да въ добавокъ еще вліяніе, въ этомъ отношеніи сходное, двухъ различныхъ помощниковъ ея—сына Іосифа и старика-канцлера Кауни-

ца, привело къ тому, что она согласилась на сближеніе и свиданіе Іосифа съ Фридрихомъ во 2-й разъ. Въ Нейштадтѣ ([13]) лѣтомъ 1770 года оно и состоялось. Это свиданіе имѣло уже прямо политическій характеръ, а не было простымъ знакомствомъ двухъ сосѣднихъ государей. На немъ присутствовалъ и Кауницъ. На этомъ свиданіи Фридрихъ и Іосифъ совѣщались о томъ, какъ бы принудить какимъ-нибудь образомъ Россію къ заключенію мира прежде, чѣмъ Турція не будетъ окончательно разбита, и прежде чѣмъ будетъ перейденъ Дунай русскими войсками.

Вѣроятно, на свиданіи въ Нейштадтѣ шло дѣло и о раздѣлѣ ([14]). Австрія, правда, еще ранѣе свиданія заняла своими войсками часть Польши, но объявила о присоединеніи этой части (области Ципса, Новитарга, Чорстына, Бохніи и Велички) только въ концѣ ноября 1770 года, гораздо позднѣе свиданія. Предлогомъ занятія было выставлено, что эти земли принадлежали ранѣе (1412 года!) къ Венгріи. А Фридрихъ продолжалъ пугать русскій дворъ Австріей и предлагалъ свое посредничество къ заключенію мира; такъ какъ свое посредничество онъ предлагалъ вмѣстѣ съ Австріей, то оно было отклонено подъ тѣмъ предлогомъ, что тогда и Франція, пожалуй, будетъ предлагать свое посредничество.

Улаживать дѣло принужденія Россіи къ миру и, такъ какъ турки упорно отказывали вознаградить чѣмъ-нибудь важнымъ Россію, вести дѣло о вознагражденіи Россіи за войну, а Пруссіи и Австріи за дружбу и невмѣшательство въ войну, пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ октября 1770 г. братъ Фридриха, принцъ Генрихъ. Ему выпадала трудная работа, но обстоятельства помогали успѣшному ходу дѣлъ. Захватъ Австріею польскихъ земель былъ уже совершившимся фактомъ. Мысль о раздѣлѣ и при русскомъ дворѣ была уже не новою. Панинъ, отвѣтившій Сольмсу на проектъ Линара проектомъ изгнанія турокъ изъ Европы, можетъ быть даже съ нѣкоторой ироніей, теперь нѣкоторое время противился мысли о раздѣлѣ, „будучи, по словамъ Сольмса, того мнѣнія, что если вѣнскій дворъ и позволяетъ себѣ подобныя выходки, то вашему величеству (т.-е. Фридриху) и Россіи скорѣе должно помѣшать ему, чѣмъ слѣдовать его

примѣру; что касается его, **то онъ никогда не дастъ своей государынѣ совѣта завладѣть имуществомъ, ей не принадлежащимъ**“ (15). Впрочемъ, вліяніе Панина въ это время нѣсколько пошатнулось, такъ какъ онъ плохо ладилъ съ всемогущимъ въ то время Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, съ самой императрицей Екатериною и вельможами, напр., съ Захаромъ Чернышевымъ, игравшимъ роль маріонетки, которую выдвигалъ Григорій Орловъ, когда по чему-нибудь самъ не хотѣлъ выдвигаться на первый планъ (16).

Генрихъ увидѣлъ, что съ мыслью о раздѣлѣ примирились; онъ поэтому начинаетъ совѣтовать брату приступить также къ захвату земель.

Но подобная мысль не могла еще положить конца долгимъ переговорамъ; приходилось троимъ дѣлить добычу. Каждый изъ нея хотѣлъ имѣть себѣ львиную долю. Трудно было поэтому выработать такой планъ раздѣла, который удовлетворилъ бы всѣхъ. Притомъ Фридрихъ велъ дѣло такъ, что скорѣе могъ быть названъ врагомъ, чѣмъ союзникомъ Россіи. Его истинныя чувства къ Россіи на самомъ дѣлѣ были вполнѣ враждебныя.

„Увѣряю васъ, пишетъ онъ, что я очень мало забочусь о томъ, чтобы быть посредникомъ между русскими и турками... Я предоставилъ это дѣло на произволъ судьбы, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что если только русскіе не покинутъ совершенно Польшу, то австрійцы удвоятъ свою зависть къ нимъ, и рано или поздно, Россія будетъ обязана умиротворить смуты Польши, сообразно съ ея конституціей. Итакъ, мы остаемся равнодушными зрителями относительно смутъ Польши, и намъ ихъ нечего опасаться; если же ненависть **вѣнскаго двора къ петербургскому удвоится, то, конечно, тѣмъ лучше для насъ**“ (17).

Онъ на самомъ дѣлѣ сблизился съ Австріей, настаивалъ на своемъ и австрійскомъ посредничествѣ въ дѣлѣ заключенія мира съ Турціей. Такъ 4 января 1771 года онъ пишетъ императрицѣ письмо слѣдующаго содержанія: „Государыня, сестра моя! Письмо, написанное мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ, и планъ примиренія, который вы соизволили сообщить мнѣ, представляютъ мнѣ слишкомъ драгоцѣнное доказательство ва-

шей дружбы, чтобы я не поспѣшилъ засвидѣтельствовать вамъ за то мою благодарность. Я думаю, что не могу лучше отвѣчать на то, какъ говорить съ вами о столь важномъ, такъ близко касающемся васъ предметѣ съ тою откровенностью, какую предписываетъ мнѣ участіе, принимаемое мною во всемъ, что относится къ вамъ. Если бы дѣло зависѣло только отъ меня, то я безъ труда согласился бы на условія мира, который ваше величество требуетъ отъ Порты. Я видѣлъ бы въ пріобрѣтеніяхъ, какія вы могли бы сдѣлать, только распространеніе могущества перваго и самаго дорогого изъ моихъ союзниковъ, и для меня было бы удовольствіемъ имѣть возможность дать вамъ это новое доказательство моей преданности. Но нужно соединить слишкомъ много различныхъ интересовъ въ такомъ многосложномъ дѣлѣ, каково дѣло переговоровъ о мирѣ, чтобы быть въ состояніи дѣлать всегда то, чего желали бы. Вотъ случай, въ которомъ я нахожусь, побуждающій меня открыто высказаться вашему императорскому величеству относительно условій мира, которыя могу я взять на себя и тѣ, которыя казались мнѣ подверженными наибольшимъ затрудненіямъ. Мемуаръ, который я присоединяю къ этому письму, содержитъ въ себѣ доводы, на которыхъ основываются мои справедливыя опасенія. Я представляю ихъ вашему императорскому величеству со всѣмъ довѣріемъ, какое мнѣ внушаютъ ваши познанія и ваше благоразуміе, и надѣюсь, что вы признаете тамъ чувства самой искренней дружбы. Прошу ваше импер. величество высказать мнѣ то, что вы думаете о томъ, и что предпишутъ вамъ ваши интересы въ случаѣ, столь существенномъ для благополучія вашей имперіи и человѣчества. Если вы заблагоразсудите умѣрить свои требованія, то докажете высшую степень своего безкорыстія, составившаго славу вашего царствованія, и черезъ то увижу себя въ состояніи съ успѣхомъ трудиться надъ возстановленіемъ мира и отвратить всѣ несчастія, могущія произойти изъ продолженія войны.

Ваше императорское величество усмотритъ изъ новой декларації, которую Порта приказала сообщить мнѣ и двору Вѣнскому, что ея расположеніе къ миру пребываютъ тѣ же, несмотря на всѣ внушенія, которыя не пе-

рестаютъ ей дѣлать, и что освобожденіе г. Обрѣзкова не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія съ того времени, какъ будутъ согласны на статью о посредничествѣ. Ваше императорское величество спрашиваетъ моего мнѣнія объ образѣ мыслей двора Вѣнскаго. Я имѣю причину думать, что онъ искренно желаетъ возстановленія мира въ своемъ сосѣдствѣ и въ случаѣ, если бы его посредничество было допущено, онъ безпристрастно принималъ бы участіе въ томъ, на столько однакожъ, что не согласился бы на условія мира, которыя почиталъ бы непосредственно противными своимъ интересамъ. Внушенія Франціи не поколебали до сихъ поръ его систему нейтралитета. Я не поручусь, однако, за то, что случилось бы, если война будетъ продолжаться. **Это** послѣднее соображеніе въ особенности **склонило меня не дѣлать этому двору никакого сообщенія объ условіяхъ мира**, довѣренныхъ мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ. Вы видите, что я говорю съ вами безъ малѣйшей скрытности. Льщу себя надеждою, что ваше императорское величество поступите такъ же въ отвѣтѣ, который заблагоразсудите представить мнѣ на то". (18).

Возраженія, изложенныя въ письмѣ еще детальнѣе развиваются Фридрихомъ въ приложенномъ къ письму мемуару, гдѣ онъ особенно напираетъ на возможность и необходимость предстоящаго сближенія Турціи съ Австріей въ случаѣ продолженія войны и на то, что австрійскій дворъ „формально заявилъ необходимость поддержать равновѣсіе на Востокѣ, что его министръ, недавно прибывшій ко двору короля (Фридриха II) и котораго его величество вывѣдывалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, относительно этого предмета, не затруднился сказать королю, что въ Венгріи почитаютъ себя весьма счастливыми, имѣя такого слабаго сосѣда, каковы турки, и что его дворъ не былъ бы склоненъ пожелать измѣнить оное; какъ же можно было бы послѣ этого предложить имъ статьи, относящіяся къ Молдавіи и Валахіи. Самая независимость этихъ провинцій, сосѣднихъ съ его государствомъ, была бы несогласна съ намѣреніями этого двора и его величество полагаетъ, что достаточно знаетъ его мысли объ этомъ предметѣ, чтобы быть убѣжденнымъ, что **онъ скорѣе объявитъ войну**, чѣмъ

позволитъ этимъ княжествамъ подвергнуться измѣненію въ подвластности... Напрасно было бы льстить себя надеждою заставить его измѣнить мысли, относительно этихъ статей самыми прельщающими предложеніями. Этотъ дворъ **никогда не отступитъ** отъ правилъ, принятыхъ по этому предмету".

Далѣе въ мемуарѣ говорится, что единственно, что можно будетъ получить отъ Турціи—это обѣ Кабарды, Азовъ и его область и свободное плаваніе на Черномъ морѣ.

Всѣ эти увѣренія въ воинственномъ и рѣшительномъ настроеніи Австріи—сознательная ложь. Фридрихъ отлично зналъ, что Австрія воевать и не думаетъ. На свиданіи въ Нейштадтѣ онъ отлично это вывѣдалъ у самого Кауница. Тамъ онъ просилъ Кауница дать ему оружіе въ руки, чтобы можно было напугать русскую императрицу. „Не можете ли вы написать Румянцеву, говорилъ онъ, что вы надѣетесь, что онъ не станетъ переходить Дуная, или не можете ли вы уговорить Францію объявить вамъ, что если русскіе перейдутъ Дунай, и вы за это объявите войну Россіи, то она пришлетъ вамъ на помощь 100000 войска; вы мнѣ сообщите это извѣстіе, и я употреблю его въ дѣло" (19).

Кауницъ писалъ Маріи-Терезіи, что онъ изумился, услыхавъ отъ такого умнаго государя такія дѣтскія идеи и поспѣшилъ отвѣчать, что оба средства не годятся: первое потому, что нельзя грозить, не рѣшившись заранѣе исполнить угрозу, и что одинъ переходъ русскаго войска черезъ Дунай не можетъ служить достаточной причиной разрыва Россіи съ Австріей; второе потому, что Россія сочтетъ подобное объявленіе Франціи шуткой и не обратитъ на него никакого вниманія.

Соловьевъ справедливо замѣчаетъ (20), что Фридрихъ во время этого разговора узналъ то, что ему было нужно, а именно, что Австрія будетъ сохранять нейтралитетъ и послѣ перехода русскихъ черезъ Дунай, и что связь Франціи и Австріи, повидимому столь внушительная, въ сущности не представляетъ ничего важнаго. Такимъ образомъ Фридрихъ увидѣлъ, что дѣло въ его рукахъ; что Австрія безъ него не двинется и будетъ служить для него орудіемъ.

Теперь вотъ онъ и выдвигаетъ пугаломъ Австрію. Въ Австріи хотѣли, чтобы Россія заключила послѣ успѣшной и тяжелой войны такой миръ, которымъ бы не пріобрѣталось почти ничего. Фридрихъ также рѣшительно не желалъ усиленія Россіи; поэтому онъ старался связать вопросъ о раздѣлѣ Польши съ турецкимъ; между тѣмъ Екатерина соглашалась только на то, чтобы Пруссія и Австрія, вознаградивъ себя въ Польшѣ, не мѣшали Россіи заключить миръ съ Турціей на какихъ угодно условіяхъ. Фридрихъ же внушалъ, что для Россіи, начавшей войну изъ-за Польши, будетъ справедливо вознаградить себя за нее польскими землями. Онъ торопилъ дѣломъ, указывая на то, что Австрія уже захватила земли, и что, если не послѣдовать ея примѣру, она можетъ повести захватъ свой дальше и нарушить такимъ образомъ равновѣсіе между собой и Пруссіей.

Нужно замѣтить, что Екатерина наконецъ, стала понимать истинный смыслъ образа дѣйствій Фридриха; въ письмѣ къ Панину по поводу вышеприведеннаго письма Фридриха и его мемуара (4 янв. н. с. 1771 года) она замѣчаетъ, что, по ея мнѣнію, она совершала великій подвигъ умѣренности, предлагая планъ, на основаніи котораго она хотѣла вести мирные переговоры, и не думала найти въ прусскомъ королѣ „**адвоката турокъ**“. Далѣе она говоритъ, что во всѣхъ этихъ бумагахъ (письмѣ и мемуарѣ) видно большое неудовольствіе, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо отъ него (Фридриха), а все положено на счетъ Вѣнскаго двора.

Принцъ Генрихъ уѣзжалъ изъ Россіи съ твердой увѣренностью въ томъ, что вопросъ о раздѣлѣ Россіей будетъ принятъ. Впослѣдствіи онъ писалъ: „я могу безъ самохвальства—и я имѣю объ этомъ признаніе короля въ двадцати слишкомъ собственноручныхъ письмахъ—льстить себя, что я началъ дѣло, опредѣленное конвенціей“ (янв. 1772 г.) ([21]). Передъ отъѣздомъ же онъ писалъ брату, что въ Совѣтѣ нѣкоторые вельможи готовы раздѣлить польскія земли, но что еще существуетъ разногласіе. За захватъ польскихъ земель были Орловы и Чернышевъ, Панинъ же былъ противъ этого.

Средствомъ принудить русское правительство къ раздѣлу, Фридрихъ попрежнему считалъ запугиваніе

Россіи Австріей. На сообщеніе Екатерины, что она заводитъ съ Австрійскимъ дворомъ непосредственныя сношенія, что было сдѣлано, очевидно, по настоянію Панина, думавшаго уладить дѣло съ Австріей посредствомъ вознагражденія ея изъ турецкихъ земель, что было особенно непріятно Фридриху, такъ какъ такимъ образомъ изъ его рукъ могло ускользнуть все руководительство этимъ дѣломъ, Фридрихъ пишетъ императрицѣ: „я восхищенъ рѣшеніемъ, принятымъ вашимъ императорскимъ величествомъ, изъясняться со дворомъ вѣнскимъ черезъ своего министра, и сообщеніемъ, сдѣланнымъ мнѣ вами о приказаніяхъ, полученныхъ имъ. Донесенія, которыя вы получите о томъ, докажутъ вамъ, что я говорилъ съ вами со всею истиною, и что даже щадилъ выраженія, дабы не повредить дѣламъ. Итакъ, я прошу ваше императорское величество не смотрѣть на эти переговоры, какъ на бездѣлицу. Я имѣю причину почитать ихъ дѣломъ крайней важности, и которое, если бы было нарушено, могло бы легко навлечь войну, гораздо болѣе опасную и трудную, чѣмъ война съ турками. Я основываю это опасеніе не на простыхъ догадкахъ; я имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія, что дворъ Вѣнскій собираетъ двѣ арміи въ Венгріи, и что изготовляютъ все необходимое къ походу императора; я счелъ должнымъ не оставить неизвѣстными эти подробности вашему императорскому величеству. Вы увидите изъ того, **что положеніе дѣлъ опасно**, что горючія вещества всѣ приготовлены, и что одна искра можетъ причинить пожаръ болѣе значительный, чѣмъ настоящій“ (22).

А брату Генриху въ то же время онъ писалъ такъ: „Смѣю васъ увѣрить, что рѣшительно невозможно осуществить идеи графа Панина относительно Австріи (вознаградить ее изъ турецкихъ земель); тайная ненависть, которую питаютъ въ этой странѣ противъ русскихъ, превосходитъ всякое вѣроятіе и, смѣю сказать, что только я стараюсь препятствовать взрыву этой ненависти“ (23).

Впрочемъ, далѣе онъ проговаривается и замѣчаетъ: „я бы сдѣлалъ непростительную въ политикѣ ошибку, если бы сталъ стараться объ увеличеніи государства, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ сосѣдомъ для Пруссіи и страшнымъ для цѣлой Европы.“

Всячески стараясь о томъ, чтобы и Россія согласилась принять участіе въ захватѣ польскихъ земель, Фридрихъ все время твердитъ объ угрожающемъ положеніи Австріи и о томъ, что она никогда не согласится на захватъ Россіею турецкихъ земель, противъ же захвата польскихъ возражать не будетъ имѣть возможности.

„Я думаю, пишетъ онъ Сольмсу (24), что они (австрійцы) никогда не согласились бы, чтобы Молдавія и Валахія были отняты изъ-подъ турецкаго владычества. Я полагаю, что присоединеніе Азова и тѣ условія, которыя русскіе станутъ себѣ выговаривать для своей торговли, не встрѣтятъ никакого затрудненія. Я думаю, что дѣло татаръ еще можетъ устроиться согласно съ желаніемъ русскаго двора. Вотъ что мнѣ кажется яснымъ изъ всѣхъ объясненій, въ которыя я входилъ съ австрійцами. **Вотъ почему я предлагаю,** чтобъ вознаградить императрицу за военныя издержки, **чтобъ она получила часть Польши,** по своему выбору. Можетъ быть турки прибавятъ къ этому нѣкоторую сумму денегъ. Итакъ, видно изъ поведенія вѣнскаго двора, что онъ боится всякаго сосѣдства съ Россіей и я, съ своей стороны, предлагаю увеличить ея владѣнія, приблизивъ ихъ къ моимъ границамъ. И такъ какъ это приводитъ меня къ тому, чтобъ я поговорилъ съ вами о дѣлахъ Польши, то я скажу вамъ, что вчера фанъ-Свитенъ явился къ мнѣ, чтобъ сообщить мнѣ отвѣтъ вѣнскаго двора касательно владѣній, которыя онъ себѣ присвоилъ въ Польшѣ, и вотъ въ чемъ этотъ отвѣтъ состоитъ: что Ципсъ принадлежалъ имъ издавна, и что остальныя староства были отдѣлены отъ Венгріи, что они возвратили себѣ свое достояніе, и что при замиреніи Польши они представятъ свои документы и докажутъ свои права и основанія требованій. Это ясно. Люди подаютъ примѣръ. Какъ Россія, такъ и я—мы въ правѣ сдѣлать то же... И такъ вотъ моя мысль: прежде всего слѣдуетъ войти въ переговоры съ вѣнскимъ дворомъ касательно условій мира съ турками. Можетъ быть графъ Панинъ найдетъ этихъ господъ болѣе сговорчивыми; но я этого не думаю. Затѣмъ я желалъ бы, чтобы мы сговорились—Россія и я, о нашихъ пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ. Вѣнскій дворъ не можетъ этому воспротивить-

ся—это не въ сосѣдствѣ съ нимъ, и кромѣ того, онъ намъ самъ даетъ примѣръ, будучи первымъ въ дѣлѣ захвата. Слѣдовательно, нужно только условиться по поводу Молдавіи и Валахіи, и я убѣжденъ, что если захотятъ хоть немного повѣрить мнѣ на слово, остальное удастся къ удовольствію императрицы и ея союзниковъ. Я прибавляю здѣсь извѣстіе касательно турецкихъ субсидій, предложенныхъ вѣнскому двору; но это одно изъ тѣхъ извѣстій, за вѣрность которыхъ я не могу поручиться. Однимъ словомъ, вполнѣ достовѣрно, что вѣнскій дворъ болѣе завидуетъ Россіи, чѣмъ не довѣряетъ туркамъ, но это здѣсь ничего не значитъ. Надо, чтобы императрица получила вознагражденіе за военныя издержки, и если этого хотятъ, я могу гарантировать его ей въ Польшѣ, безъ того, чтобъ затѣмъ послѣдовало пролитіе крови (25).

Запугивая Россію Австріей, Фридрихъ указывалъ, что австрійцы заключаютъ субсидный договоръ съ Турціей, на который въ Австріи были свои разсчеты: хотѣли попробовать, нельзя ли будетъ воротить Силезію въ обмѣнъ на польскія земли, и въ то же время не желали, чтобы по сосѣдству усиливалась Россія въ Молдаво-Валахіи.

Только извѣстіе объ этомъ, по мнѣнію Фридриха, „наконецъ вывело петербургскій дворъ изъ летаргіи, въ которую онъ былъ погруженъ. Русская императрица почувствовала нужду въ поддержкѣ короля Пруссіи; она понимала, что для того, чтобы быть увѣреннымъ въ поддержкѣ этого государя должно ему доставить выгоды, такъ что графъ Панинъ объявилъ графу Сольмсу, что онъ ждетъ только проекта раздѣла, чтобы войти съ нимъ въ переговоры относительно этого предмета. Этотъ проектъ былъ отправленъ очень скоро въ Петербургъ и давалъ Россіи полную свободу выбрать себѣ въ Польшѣ такую провинцію, какую она признавала подходящимъ взять себѣ во владѣніе (26).

Уже 12 марта 1771 года Сольмсъ извѣщалъ короля, что Панинъ соглашается, наконецъ, очевидно принужденный къ тому императрицей, чтобы Пруссія увеличилась со стороны Польши (27). Дѣйствительно, Панинъ говорилъ, что „императрица, согласно съ королемъ прусскимъ изволила рѣшиться обратить на поляковъ собственную ихъ неблагодарность и сдѣлать на счетъ ихъ

пристойныя пріобрѣтенія, какъ границамъ имперіи своей, такъ и границамъ союзника своего, короля прусскаго, слѣдуя въ томъ примѣру вѣнскаго двора (28).

Въ маѣ 1771 года и съ русской стороны начали вести переговоры о томъ, какія земли брать у Польши (29).

Фридрихъ былъ въ восторгѣ. Онъ даже въ первомъ увлеченіи проговорился въ письмѣ къ Сольмсу, утверждая, что Россіи нечего будетъ бояться угрозъ Австріи, что тѣсный союзъ Россіи съ Пруссіей заставитъ умолкнуть Австрію.

Такимъ образомъ нѣтъ ни малѣйшихъ сомнѣній относительно вопроса, откуда шла иниціатива раздѣла Польши, а между тѣмъ, когда Панинъ заговорилъ объ участіи въ раздѣлѣ, хитрый Фридрихъ началъ стараться представить дѣло такъ, что иниціатива шла, наоборотъ, изъ Россіи, а не изъ Пруссіи.

Въ запискѣ, посланной гр. Финкенштейну (государственному и кабинетъ-министру Пруссіи) 15 мая, Фридрихъ пишетъ: „Я забылъ, писавъ къ вамъ этимъ утромъ, одно обстоятельство, заслуживающее нѣкотораго вниманія, а именно, замѣтить г. Свитену, австрійскому министру въ Берлинѣ, что проектъ раздѣленія нѣкоторыхъ областей Польши **исходитъ прямо отъ русскаго двора, а не изъ моей лавочки** (30).

Въ этомъ отношеніи Фридриху, однако, не удалось, повидимому, обмануть Австріи. При русскомъ дворѣ были недовольны дѣйствіями Фридриха и справедливо видѣли въ нихъ двоедушіе и эгоизмъ. Поэтому пытались завести непосредственныя сношенія съ вѣнскимъ дворомъ объ условіяхъ мира съ турками и захватѣ польскихъ земель. Лобковичъ, австрійскій посолъ въ Петербургѣ, сообщалъ своему двору, что, по словамъ Панина, русскій дворъ дружбѣ вѣнскаго двора готовъ пожертвовать дружбою короля прусскаго, которымъ въ Петербургѣ недовольны: находятъ его поведеніе двоедушнымъ и подозрѣваютъ въ намѣреніи взять у Польши что-нибудь, а это здѣсь **считаютъ для себя невыгоднымъ**“ (31).

Іосифъ II писалъ своему брату: „Обнаружилось, что прусскій король намъ солгалъ, представляя предложеніе о раздѣлѣ Польши идущимъ изъ Петербурга“ (32).

Императрица Екатерина, по словамъ Храповицкаго, категорически утверждала, что авторомъ проекта раздѣлить Польшу былъ прусскій король (33).

Въ инструкціи отъ 11 августа 1772 года барону Штакельбергу, посланнику и полномочному министру при королѣ и республикѣ польскихъ, составленной по спеціальному приказанію императрицы, гр. Н. И. Панинымъ и кн. А. Голицынымъ, излагается исторія отношеній Россіи къ Польшѣ до перваго раздѣла, при чемъ инціатива раздѣла приписывается Австріи, захватившей Ципсъ, и русское правительство изображено самостоятельно пришедшимъ къ мысли о выгодности и необходимости раздѣла безъ указанія на внѣшнее давленіе (со стороны Фридриха (34).

Изъ всего вышеизложеннаго можно судить, насколько искренни были такіе взгляды въ устахъ императрицы Екатерины II и въ особенности въ устахъ Н. И. Панина, который, какъ мы видѣли, долго и упорно боролся противъ мысли о раздѣлѣ (35).

Мы не будемъ подробно разсматривать хода этихъ переговоровъ о раздѣлѣ,—это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи. Приведемъ только характерное мѣсто изъ исторіи Соловьева, характеризующее способъ дѣйствій Австріи (какъ дѣйствовалъ Фридрихъ,—мы уже знаемъ): „Австрія упорно, долго торговалась, какъ человѣкъ, который, вошедши въ лавку и желая повыгоднѣе купить, начинаетъ нарочно хулить товары:—и тотъ не хорошъ, и другой ему не по вкусу“ (36).

Вообще можно замѣтить, что сношенія въ это время были чрезвычайно запутаны. Каждое правительство имѣло свои цѣли, совершенно несходныя съ цѣлями двухъ другихъ, а всѣ вмѣстѣ, пожалуй, только въ нѣкоторомъ отношеніи, кромѣ Россіи, желали поживиться на счетъ бѣдной Польши.

Все это время русскій дворъ слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ Фридриха, какъ это видно, напр., изъ донесенія Сольмса отъ 14 авг. 1772 г., гдѣ онъ говоритъ такъ: „позвольте мнѣ, ваше величество, еще разъ указать вамъ на уваженіе, слѣдуя которому, русскій дворъ въ дѣлахъ, касающихся общихъ интересовъ, **ничего не предпринимаетъ безъ совѣтовъ** вашего величества, какъ на доказа-

тельство дѣйствительнаго вліянія вашего **на умы русской императрицы и ея главнаго министра,** признающаго не только превосходство вашихъ свѣдѣній, но также пользу и необходимость союза съ вашимъ величествомъ, и увѣреннаго въ личной вашей дружбѣ къ нимъ“ (37).

Выше мы уже видѣли, какъ Н. И. Панинъ думалъ объ этомъ, и видѣли, что ему пришлось отказаться отъ своихъ взглядовъ по настоянію императрицы, измѣнившей свои взгляды подъ вліяніемъ Фридриха.

Трудные и долгіе переговоры во всякомъ случаѣ привели благодаря стараніямъ Фридриха къ тому, что раздѣлъ былъ совершенъ.

Сначала при извѣстіи о раздѣлѣ въ Польшѣ сильно взволновались, но обѣщанія и деньги сдѣлали свое дѣло. Члены сейма оказались такими, какими они были всегда до того времени, оправдывая мнѣніе Фридриха, думавшаго, что поляковъ „слѣдуетъ разсматривать, какъ націю самую легкомысленную и самую пустую въ Европѣ“ (38).

Сеймъ долженъ былъ согласиться на раздѣлъ тѣмъ болѣе, что въ самихъ захваченныхъ провинціяхъ радовались по поводу раздѣла, такъ какъ этимъ прекращался господствовавшій въ Польшѣ произволъ и анархія (39).

Въ этомъ раздѣлѣ больше всего былъ удовлетворенъ Фридрихъ, потому что земли, доставшіяся ему, округляли его владѣнія. Въ порывѣ радости отъ исполненія этого дѣла Фридрихъ 24 сентября 1772 года писалъ собственноручно Сольмсу: „Вы скажете гр. Панину, что онъ можетъ увѣрить императрицу отъ моего имени, что сегодня, въ день торжества для Пруссіи, я увѣряю, что она не обязала неблагодарнаго, но что я буду искать случая, чтобы доказать ей и Россіи мою благодарность не только въ словахъ, но на дѣлѣ“ (40).

Нужно замѣтить, что и договоръ о раздѣлѣ польскихъ земель съ Австріей снерва заключила Пруссія, а потомъ уже объ этомъ было сообщено въ Петербургъ. Въ своихъ мемуарахъ Фридрихъ объ этомъ говоритъ такъ: „Этотъ трактатъ (4 марта 1772 г.) между берлинскимъ и вѣнскимъ дворами былъ немедленно сообщенъ петербургскому двору; императрица съ удовольствіемъ получила эту важную новость; она вслѣдствіе этого присоединенія (къ раздѣлу) Австріи видѣла себя освобожденной отъ

бремени новой войны, которую она, можетъ быть, должна была бы взять на себя; она послѣдовала совѣтамъ короля (Фридриха), который убѣждалъ ее уменьшить, насколько только возможно, число своихъ враговъ; такъ, немного позже, это же самое соглашеніе было подписано въ Петербургѣ двумя императорскими дворами“ и т. д. (41).

По раздѣлу Россія получила 2200 квадратныхъ миль и до полутора милліоновъ жителей: это была самая худая часть всего польскаго государства, какъ по отношенію къ природнымъ достоинствамъ почвы, такъ и по отношенію къ обработкѣ и устройству; Пруссія взяла 700 квадратныхъ миль съ 900000 населенія, а Австрія 1600 квадратныхъ миль съ 2.500.000 жителей. Австріи, по выраженію Костомарова, достался самый лакомый кусокъ.

Война съ Турціей въ это время была прервана переговорами, и Фридрихъ старался оттѣснить на задній планъ турецкій вопросъ. Онъ доказывалъ необходимость сдѣлать раздѣлъ ранѣе всякихъ переговоровъ съ турками, что послѣднимъ въ такомъ случаѣ „придется проглотить спокойно пилюлю“ (42). Переговоры съ Турціей, однако, не привели ни къ чему, хотя, принявъ участіе въ раздѣлѣ, Россія принуждена была отказаться отъ всѣхъ своихъ главныхъ завоеваній, а ограничиться сравнительно ничтожными: нужно даже было отказаться отъ освобожденія Молдаво-Валахіи, что было весьма непріятно, такъ какъ населеніе этихъ странъ было христіанское православное, и заступничество за него казалось главнымъ долгомъ Россіи.

Современники, какъ замѣчаетъ Соловьевъ (43), на дѣло раздѣла не смотрѣли неблагопріятно ни съ политической, ни съ нравственной точки зрѣнія. Неудовольствіе сказалось лишь впослѣдствіи. Но неудовольствія имѣли вполнѣ основательныя причины. Присоединеніе новыхъ земель было пріятно, но это присоединеніе было куплено крайне дорогою цѣной,—цѣной отдачи земель русскихъ (Галиціи) и польскихъ нѣмцамъ—пруссакамъ и австрійцамъ. Все это было, можно сказать, дѣломъ Фридриха и вполнѣ выгодно было только для него.

Между тѣмъ Россія, какъ мы упомянули, за эти пріобрѣтенія должна была понести тяжкія утраты и на югѣ.

Она во время переговоровъ о раздѣлѣ должна была отказаться отъ Молдаво-Валахіи, отъ Крыма, а обѣ эти страны были заняты русскими войсками. Правда, Фридрихъ согласился признать независимость Крыма, но въ этомъ признаніи были опять лишь своекорыстныя цѣли. Онъ надѣялся, что Россіи придется еще управляться съ этимъ Крымомъ, и такимъ образомъ дѣла польскія отступятъ на задній планъ. Россія своими дѣлами въ Польшѣ безпокоила Фридриха, а крымскія дѣла могли только безпокоить Австрію, какъ ближайшаго сосѣда и, можетъ быть, какъ разсчитывавшаго, въ свою очередь, поживиться на счетъ „больного человѣка“, какъ впослѣдствіи стали называть Турцію.

Война съ Турціей тянулась еще и въ 1774 году, когда, наконецъ, былъ заключенъ миръ, но исходъ ея уже былъ рѣшенъ при раздѣлѣ.

Убійственная и кровопролитная война съ перевѣсомъ постоянно на сторонѣ русскихъ окончилась миромъ, которымъ Россія пріобрѣла Керчь, Еникале и Кинбурнъ, да еще Турція обязалась выплатить 4.500.000 рублей; объявленіе свободы торговли русскихъ въ моряхъ Турціи было не важно въ то время, такъ какъ эта торговля на Черномъ морѣ должна была еще зародиться. Названныя же сейчасъ земельныя пріобрѣтенія въ сущности не имѣли никакого значенія.

Россіи нуженъ былъ Крымъ. Турецкій вопросъ былъ вопросомъ, затрагивающимъ народное хозяйство, былъ вопросомъ экономическимъ, потому что обширныя плодородныя пространства, лежащія на югѣ Россіи, не могли обрабатываться до тѣхъ поръ, пока отчасти на нихъ, а отчасти возлѣ нихъ жили полудикіе хищные кочевники— крымскіе татары. Между тѣмъ въ то время Крымъ съ прилежащими землями представлялъ собою совершенно дикую степь и самъ по себѣ не стоплъ и одной войны, даже и не такой тяжелой, какъ бывшая. А какъ тяжела была война, каково было вліяніе ея на русскую жизнь, какъ были заброшены внутреннія дѣла подъ вліяніемъ войны, краснорѣчиво говорятъ цифры доклада генералъ-прокурора князя А. Вяземскаго о государственныхъ расходахъ, бывшихъ сначала войны до ея конца (44).

Генеральный перечень изо всѣхъ счетовъ даетъ такія цифры:

1. На сухопутное войско	22.744.575	руб.	— коп.
2. На флотъ въ Средиземномъ морѣ	9.473.758	„	24 „
3. Въ артиллерію и на крѣпости	3.482.495	„	70 „
4. Въ адмиралтейскую коллегію и вице-адмиралу Сенявину	3.029.564	„	17 „
5. На министерскіе расходы	1.261.005	„	67 „
6. На внутренніе расходы	3.700.702	„	50 „
7. На покупку товаровъ	3.824.159	„	40 „
Всего	47.516.260	„	70 „

Первые четыре пункта представляютъ собою издержки на военныя потребности; если ихъ мы сложимъ, то получимъ сумму почти въ 39 милліоновъ (38.730.393 р. 12 коп.). Послѣднихъ три пункта представляютъ собою издержки на дѣла внутреннія и въ суммѣ даютъ немного менѣе 9 милліоновъ (8.785.867 руб. 57 коп.).

Такимъ образомъ, на внутреннія дѣла тратилось въ 4 слишкомъ раза менѣе, чѣмъ на военныя. А если принять во вниманіе трату людей, побитыхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, людей, представляющихъ собою утерянную рабочую силу, то тяжесть и результаты войны выяснятся во всемъ своемъ величіи.

Дѣла обстояли такъ плохо, что и такому невыгодному миру были очень рады. При извѣстіи о немъ Екатерина сказала: „нынѣшній день для меня очень радостенъ, и я хочу видѣть около себя только веселыя лица“ (45).

XV.

Итоги сѣверной системы. Паденіе значенія Панина. Польскій вопросъ и его неправильное разрѣшеніе. Тяжесть турецкой войны. Невниманіе къ внутренней политикѣ. Раззореніе Россіи и въ особенности тяжкое состояніе податныхъ сословій.

Неудачи послѣднихъ лѣтъ сильно уменьшили вліяніе Панина; притомъ онъ уже становился старъ: дурныя стороны его характера становились еще болѣе замѣтными. Его медлительность и лѣность и его склонность къ фантастическимъ планамъ съ годами все болѣе и болѣе увеличивались.

Онъ сильно долженъ былъ подорвать свой авторитетъ невозможнымъ планомъ изгнанія турокъ изъ Европы и большей части Азіи, предложеннымъ имъ Сольмсу во время переговоровъ о раздѣлѣ и не вносившимъ въ дѣло ничего, кромѣ большей запутанности. При обсужденіи подробностей проекта раздѣла, онъ упорно отстаивалъ свое мнѣніе, чѣмъ возбуждалъ противъ себя императрицу, ревниво оберегавшую свою самостоятельную роль во внѣшней политикѣ. Такъ, въ іюнѣ 1772 года изъ Англіи писали англійскому послу, лорду Каскарту: „передавали, что проектъ раздѣла не нравится многимъ членамъ совѣта, но что графъ Панинъ открыто возсталъ противъ него письменнымъ заявленіемъ, возбудившимъ сильное неудовольствіе со стороны императрицы“ (1). А между тѣмъ, принужденный императрицей согласиться на раздѣлъ, онъ какъ бы взялъ на себя нравственную отвѣтственность за послѣдствія раздѣла. Особенно раздражало русскихъ патріотовъ усиленіе Пруссіи. Григорій Орловъ, человѣкъ смѣлый и дерзкій вслѣдствіе того, что считалъ себя при дворѣ могущественнымъ, открыто выражался, что люди, составлявшіе раздѣльный договоръ, заслужи-

вають смертной казни. Такого рода толки показывають, насколько велико было раздраженіе противъ Панина.

Благодаря своему уживчивому характеру, Панинъ продолжалъ управлять Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ до самой своей смерти (31 марта 1783 года), но прежнимъ значеніемъ уже не пользовался.

Разставаясь здѣсь съ нимъ въ нашемъ очеркѣ, мы замѣтимъ, что насколько непрактичной оказалась его система, и какъ много русская политика потеряла изъ-за нея, насколько политическая дѣятельность Панина, представляющая, правда, собою попытку ввести строгую систему въ политику на мѣсто политики случайностей, попытку несвоевременную и неудачную, была вредна для Россіи, настолько, съ другой стороны, самая личность Панина возбуждаетъ къ себѣ горячія симпатіи, какъ личность честная, гуманная и высокообразованная. Въ мірѣ безсовѣстныхъ интригъ такихъ личностей, какъ Фридрихъ II и Шуазель, въ мірѣ грубой лжи и обмана, онъ былъ единственнымъ политикомъ, искренно рѣшавшимся говорить о „состраданіи“, о „человѣчности“. Этою-то человѣчностью объясняется отчасти неудачность всѣхъ политическихъ дѣлъ Панина. Его дѣятельность была несвоевременна; тогда нужны были политики вродѣ Фридриха, вродѣ предшественника Панина по могущественному вліянію на дѣла внѣшнія А. П. Бестужева, такіе политики, которые не задавались бы обширными планами, но пользовались всякой удобной минутой. А этого качества у Панина рѣшительно не было. У него и его политики были идеи, но не было трудолюбія, не было практичности. Онъ не могъ рѣшительно во всю свою жизнь пріобрѣсти себѣ вѣрнаго историческаго глазомѣра; онъ постоянно за мухами гонялся съ обухомъ, а за слонами съ иглой.

Недостаткомъ этого политическаго глазомѣра объясняется его наклонность къ сложнымъ политическимъ комбинаціямъ и широкимъ планамъ, результатомъ которыхъ, въ свою очередь, было неумѣнье угадывать и преслѣдовать ближайшія цѣли, вѣрно взвѣшивать средства, находящіяся подъ руками, соображаться съ ними и доводить до конца разъ начатое.

Послѣ перваго раздѣла Польши было бы неумѣстно даже говорить о сѣверной системѣ. Она исчезла совершенно, но въ ходѣ дѣлъ еще долго не замѣчается крутого поворота. Замѣчается только охлажденіе между Россіей и Пруссіей, начинаются попытки сближенія Россіи съ Австріей.

Замѣна національнаго вопроса территоріальнымъ, какъ уже было нами сказано ранѣе, произведенная идеею раздѣла Польши, повела за собою то, что вопросъ о воссоединеніи юго-западной Руси съ Россіей уничтожился совершенно, и взамѣнъ его выступилъ вопросъ о расширеніи русскихъ границъ на западѣ; а такъ какъ на западъ тянулась одна и та же безграничная, такъ сказать, равнина, то пріобрѣтеніе куска земли въ первомъ раздѣлѣ не могло положить предѣла стремленіямъ къ дальнѣйшимъ захватамъ до тѣхъ поръ, пока матеріалъ этихъ захватовъ не истощился; отсюда вытекаетъ то, что названная нами замѣна вопроса національнаго территоріальнымъ непремѣнно должна была влечь за собою и дальнѣйшіе раздѣлы Польши, какіе и дѣйствительно имѣли мѣсто въ исторіи. Въ концѣ концовъ послѣ трехъ раздѣловъ Польша исчезла съ карты Европы. Пруссія восточной границей стала имѣть Вислу, а Австрія завладѣла южной частью Польши и Галиціей, населенной русскимъ народомъ. Исчезновеніе съ карты Европы Польши было менѣе всего выгодно для Россіи. Приведенная въ свои этнографическія границы, она могла бы быть полезной для Россіи тѣмъ, что служила бы, такъ сказать, государствомъ-буферомъ, посредникомъ между Россіей, Австріей и Пруссіей, отъ чего столкновенія между этими тремя могущественными государствами принимали бы менѣе острый характеръ, чѣмъ тогда, когда они очутились лицомъ къ лицу. Сама же Польша, будучи только польской, т.-е. безъ юго-западной Руси и Литвы, не могла бы намъ никогда внушать столько страху, сколько она могла это дѣлать, будучи нѣмецкой провинціей. Кромѣ того, еще другой результатъ раздѣловъ засвидѣтельствованъ исторіей—это озлобленіе польской націи противъ русской. Поляки Россію стали считать виновницею своихъ бѣдствій, что было совершенно неосновательно, какъ это

показано, кажется, довольно ясно въ настоящей работѣ. Послѣ перваго же раздѣла въ Польшѣ появляется враждебность къ Россіи въ усиленной формѣ: разультатъ ея—тяготѣніе къ злѣйшему врагу ея—къ Пруссіи и договоръ, ускорившій уничтоженіе политической самостоятельности, договоръ 1790 года съ Пруссіей. Правда, у Россіи съ Польшей былъ вѣковой антагонизмъ, но, кажется, подлило масла въ огонь и то обстоятельство, что Россія, славянское государство, раздѣлило другое славянское государство—Польшу, какъ добычу, съ двумя германскими государствами: Пруссіей и Австріей. А обстоятельства хода жизни польскаго государства въ послѣдніе годы ея самостоятельнаго существованія вели, кажется, къ тому, что Польша вся добровольно могла бы потянуть къ Россіи. Вспомнимъ, что, несмотря на горечь раздѣла, находились въ ней люди, желавшіе сближенія съ Россіей; по крайней мѣрѣ, какъ это сказалось въ желаніи короля и его партіи сблизиться съ Россіей въ 1787 году. Король былъ даже не прочь навѣчно соединить съ Россіей Польшу, сохранивъ, однако, государственную цѣлость ея (²).

Но всѣмъ этимъ стремленіямъ къ сближенію мѣшалъ образъ дѣйствій русскаго двора, жившаго еще воспоминаніями предразсудковъ сѣверной системы.

Итакъ, польскій вопросъ, благодаря союзу Россіи съ Фридрихомъ, союзу, за который держались, какъ за основаніе сѣверной системы, получилъ самое неправильное и вредное для Россіи направленіе. Не лучше было вліяніе сѣверной системы и на турецкія отношенія. Единственный сильный союзникъ—Фридрихъ и тутъ велъ себя настолько своекорыстно и враждебно Россіи, что не помогалъ, а затруднялъ только, какъ мы видѣли, и веденіе войны, и самый ходъ мирныхъ переговоровъ. Благодаря тому, что онъ подстрекалъ Австрію противъ Россіи и дѣйствовалъ съ нею заодно, Россія послѣ тяжкой, продолжительной войны, начатой тоже, какъ мы видѣли, отчасти вслѣдствіе сѣверной системы, вслѣдствіе этой же системы порвавшая старыя связи съ Австріей и сдѣлавшая ее враждебной, должна была согласиться на весьма невыгодный, въ сущности, миръ. Между тѣмъ, мы уже

выше видѣли, какъ эта война была тяжела, какое напряженіе силъ она вызвала.

Вслѣдствіе этого внутреннія дѣла были отодвинуты на задній планъ. Начавшаяся съ такимъ шумомъ дѣятельность Комиссіи для составленія новаго уложенія, переведенная въ Петербургъ, мирно и тихо доканчивала свое существованіе въ тиши петербургскихъ канцелярій. Даже и то, что правительство узнало благодаря этой Комиссіи, не было примѣнено къ дѣлу довольно долгое время. Лишь на сословныхъ и административныхъ мѣрахъ 1785 года мы замѣчаемъ нѣкоторое вліяніе того, что было узнано во время Комиссіи.

Пренебреженіе внутреннимъ дѣлами повело ко многимъ тягостнымъ явленіямъ. Достаточно напомнить, что чума въ Москвѣ и сопровождавшія ее волненія, были отчасти результатомъ такого пренебреженія, или лучше сказать, невозможности своевременно принять нужныя мѣры. А страшный Пугачевскій бунтъ возникъ также вслѣдствіе тяжелаго, чтобы не сказать невозможнаго, состоянія казачества, инородцевъ и крестьянства. Положеніе заводскаго крестьянства, въ высшей степени безотрадное, дало бунту первыя силы, а тяжелое состояніе крестьянства, закрѣпощеннаго въ это царствованіе еще болѣе прежняго, дало бунту возможность разлиться на огромное пространство.

Борьба съ внутренними неурядицами еще болѣе напрягала экономическія силы страны, и мы не ошибемся, если скажемъ, что результатомъ политики русской первой половины царствованія императрицы Екатерины II было сильное пониженіе экономическаго благосостоянія населенія и особенно тяжкое положеніе податныхъ его классовъ.

Увеличивались подати и налоги, а производительность поднималась слабо и незамѣтно, въ результатѣ оказывалось пониженіе благосостоянія, а какими же идеями руководилось правительство въ эти годы въ своей политикѣ,— безъ сомнѣнія идеей „сѣверной системы“, отъ которой и получились такіе печальные результаты.

Такимъ образомъ, изученіе „сѣверной системы“ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Внѣшняя политика Россіи въ первой половинѣ царствованія императрицы Екатерины II (1762—1774 гг.) безспорно направлялась „сѣверной системой“, усвоенной Н. И. Панинымъ и поставленной имъ въ основаніе политики Россіи въ это время.

2) Сѣверная система не была детально разработана; будучи построена на шаткомъ основаніи, она не могла быть осуществлена, такъ какъ интересы государствъ, долженствовавшихъ дѣйствовать по ней, были совершенно несходны, и согласія въ дѣйствіяхъ поэтому быть не могло.

3) Система, не разработанная детально, не могла давать отпора ясно выраженнымъ требованіямъ Пруссіи, и, такимъ образомъ, благодаря стараніямъ Фридриха, она сдѣлала Россію орудіемъ Пруссіи, и польза отъ нея получалась только Пруссіей, а не Россіей.

4) Россія, благодаря системѣ, сдѣлавшей ее орудіемъ Пруссіи и требовавшей вмѣшательства въ дѣла Польши, должна была согласиться на раздѣлъ, задуманный Фридрихомъ, сумѣвшимъ убѣдить въ его необходимости и выгодности императрицу Екатерину, несмотря на упорное сопротивленіе Панина, выказавшаго себя въ этомъ дѣлѣ проницательнымъ политикомъ, понимавшимъ и провидѣвшимъ истинные интересы Россіи. Раздѣлъ же окончательно перессорилъ Россію съ польской націей и результатомъ этой вражды было впослѣдствіи много печальныхъ недоразумѣній, выгодныхъ для Пруссіи.

5) Сближеніе съ Пруссіей перессорило Россію съ Франціей и Австріей, что повлекло за собой разрывъ съ Турціей и тяжелую турецкую войну.

6) Старанія насильно сблизить съ Россіей Швецію повели къ чрезвычайному охлажденію, а потомъ и къ разрыву.

7) Сближеніе съ Англіей достигнуто не было.

8) Вслѣдствіе всего этого задачи русской политики: 1) присоединеніе западно-русскаго края, и 2) достиженіе на югѣ естественныхъ границъ пришлось рѣшать сразу, и ни та, ни другая не были рѣшены въ желаемомъ смыслѣ: на западѣ вмѣсто возсоединенія Руси — дѣлежи

Польши, на югѣ—двѣ жестокихъ войны изъ-за пустынной степи.

9) Неудачи внѣшней политики повлекли за собою чрезмѣрное напряженіе силъ государства и не давали возможности правительству удѣлять больше вниманія дѣламъ внутреннимъ, въ результатѣ чего получилось пониженіе экономическаго благосостоянія государства и задержка внутреннихъ преобразованій, необходимость которыхъ уже ясно сознавалась.

ПРИМѢЧАНІЯ:

I.

Задачи внѣшней политики сперва Московскаго государства, а затѣмъ Россійской имперіи особенно рельефно намѣчены въ лекціяхъ. В. О. Ключевскаго и проф. С. Ѳ. Платонова.

II

1. Соловьевъ XIX, 970. (3 изданіе Тов. „Обществ. Польза". СПБ.).
2. Тамъ же XIX, 1004.
3. Тамъ же XXI, 184.
4. Тамъ же XXI, 185.
5. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IX (X), стр. 113.
6. Соловьевъ XXI, II, 191.
7. Мартенсъ IX (X), стр. 131.
8. Соловьевъ XXI, IV, 276.
9. Объ этомъ у Мартенса. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами т. I, № 20. Вступленіе.
10. Соловьевъ XXIV, I, 892.
11. Соловьевъ XXIV, I, 914.
12. Мартенсъ I, 305.

III.

I. Цифровыя данныя къ этой главѣ взяты у П. Н. Милюкова изъ его „Очерковъ по исторіи русской культуры“, т. I оч. I.

IV.

1. Полное Собраніе Законовъ. № 11582.
2. Донесеніе Корфа, у Соловьева т. XXV, II, 1409.
3. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества т. XLVIII, I.
4. Castéra II, livre V и у Дашковой въ мемуарахъ.
5. Сборникъ Р. И. О, т. VII, стр. 85.
6. Соловьевъ, XXV, II, стр. 1396.
7. Донесеніе Сольмса 11/22 февраля 1763 г. въ Сб. Р. И. О. т. XXII, стр. 26.
8. Тамъ же, стр. 141.
9. Тамъ же, стр. 173—175.
10. Письмо Фридриха отъ 7 апр. 1764 г. Сб. Р. И. О. т. XX, стр. 202.
11. Сб. Р. И. О. т. XII, стр. 182.
12. Сб. Р. И. О. т. XXII, стр. 126.

V.

1. Храповицкій. Памятныя записки. М. 1862 стр. 4. „Toute ma politique est fondée sur trois mots: sirconstance, conjecture et conjoncture“.
2. La cour de la Russie il y a cent ans. гл. VI.
3. Напр. Гаррисъ, англійскій резидентъ писалъ 26 янв. 1776 г.: „Онъ выше лихоимства и во всѣхъ переговорахъ, въ которые онъ входитъ, одинъ онъ поступаетъ съ честью и достойно“. Русскій дворъ 100 лѣтъ назадъ, стр. 172.
4. Дѣла Датскія 1764 г., приведено у Соловьева XXVI, гл I.

5. Сб. Р. И. О. т XXII, 221.

6. Тамъ же, стр. 241.

7. Сб. Р. И. О. т. XII, стр. 188.

8. Сб. Р. И. О. т. XXII, 440—444.

9. Тамъ же, стр. 440 — 444.

10. Этотъ разговоръ приведенъ Соловьевымъ (XXVII, 3, 444—446) на основаніи данныхъ, взятыхъ имъ въ архивѣ М. И. Д. (Дѣла Прусскія 1766).

11. Соловьевъ XXVII, 449 — 451.

12. Mémoires de Frédéric, publiés par E. Bontaric et E. Campardon. Paris. 1866. t. II, 321.

13. Сб. Р. И. О. т. XII, стр. 323.

VI.

1. Соловьевъ, XXV, стр. 1427.

2. Въ сокращеніи у Соловьева XXV, 1427; полнѣе у Beer. Die erste Theilung Polens III, 81. Переводъ сдѣланъ по тексту, взятому у Beer'a.

3. Сб. Р. И. О., XVIII, 425 — 427.

4. Тамъ же, стр. 462 и 463.

5. Соловьевъ XXV, 1428 и сл.

Множество любопытныхъ подробностей, касающихся несбывшихся надеждъ Австріи на возобновленіе союза съ Россіей, на содѣйствіе этому возвращеннаго изъ ссылки Бестужева и на др. обстоятельства, заключаются въ донесеніяхъ гр. Мерси за 1762 и 1763 гг. въ Сб. Р. И. О. т. XLVI.

6. Сб. Р. И. О. т. CIX, 4, 5, 14.

7. Тамъ же, стр. 57 и 58.

8. Тамъ же, стр. 236.

9. Тамъ же, стр. 245.

10. Сб. Р. И. О. т. CXL, стр. 11.

11. Тамъ же, стр. 17.

12. Тамъ же, стр. 60.

13. Сб. Р. И. О., XII, стр. 97.

VII.

1. Жоффре (Jauffret), авторъ, часто видящій причины и поводы событій въ случайныхъ обстоятельствахъ, разсказываетъ, что передъ совершеніемъ переворота 1762 г. Екатерина ссудила у какого-то англійскаго купца 100.000 рублей, а что французскій посланникъ Бретейль ей отказалъ въ ссудѣ, и что поэтому Екатерина сначала была расположена къ Англіи.

2. Сб. Р. И. О. т. CXL, стр. 34 и 35.

3. Соловьевъ, XXV, стр. 231.

4. См. инструкціи Екатерины Воронцову 1 ноября 1762 г. у Соловьева, XXV, стр. 233, и донесеніе графа Бёкингама гр. Галифаксу отъ 22 ноября (н. с.) 1762 г., помѣщенное въ Сб. Р. И. О., XII, стр. 54.

5. Сб. Р. И. О., т. XII, стр. 60.

6. Тамъ же, стр. 55. Предложеніе это не имѣло, вѣроятно, никакого результата, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, кромѣ этого донесенія, не упоминается.

7. Сб. Р. И. О. т. XII, стр. 101—103. Эти инструкціи очень любопытны; въ нихъ видно все желаніе англійскаго двора добиться выгодныхъ для него трактатовъ.

8. Тамъ же, стр. 121—124.

9. Тамъ же, стр. 122—124.

10. Донесеніе отъ 17 апрѣля 1764 г. Сб. Р. И. О., т. XXII, стр. 246.

11. Соловьевъ, XXV, стр. 1536.

12. Тамъ же, XXVI, стр. 95.

13. Тамъ же, стр. 95.

14. Эти слова приведены въ донесеніи Макартнея отъ 10 января 1766 г. Сб. Р. И. О. т. XII, стр. 243.

15. Сб. Р. И. О. т. LVII, 456—463. (письмо отъ 7 февр. 1766 г.) Въ сокращеніи у Соловьева т. XXVII, гл. 3, стр: 465

16. Сб. Р. И. О. т. XII, стр. 264—266.

17. Мартенсъ, IX (X). Трактаты съ Англіей 234 и сл.

18. Memoires de Frédéric II Paris. 1866. II, 322.

19. Castéra говоритъ, что „tant que vécut Frédéric-Adolphe, le ministre de Russie et l'ambassadeur de France régnèrent tour à

tour dans Stockholm". Дальнѣйшія же слова его ничѣмъ не оправдываются; онъ не хочетъ понять совершенно цѣлей Россіи, говоря, что „le but du ministre de Russie n'etoit sans doute que de disposer la Suède à devenir une province russe". Можно съ увѣренностью сказать, что Россія въ созданіи такой цѣли неповинна.

20. Соловьевъ, т. XXVII, гл. 3 passim.

VIII.

1. Кастера думаетъ, что Екатерина дѣйствовала и здѣсь съ цѣлью „diviser la Pologne pour conquérir ensuite plus aisemet". Весьма сомнительно, чтобы уже тогда у имп. Екатерины была такая тайная мысль, но и безъ такихъ цѣлей Екатерина могла заступиться за диссидентовъ, потому что дѣло это было въ Россіи популярнымъ. Мнѣніе Castéra раздѣляетъ и Jauffret см. т. I, стр. 189.

2. Сб. Р. И. О, т. V, 129. Письмо имп. Екатерины II отъ 11 ноября 1763 г.

3. Сб. Р. И. О. т. XXII, стр. 315—324.

4. Соловьевъ. Исторія паденія Польши, стр. 22.

5. Сб. Р. И. О., XXII, 318 и 319.

6. Сб. Р. И. О., XXII, 331.

7. Тамъ же, стр. 333.

8. Тамъ же, стр. 335.

9. Тамъ же, стр. 337.

10. Тамъ же, стр. 334.

11. Это ясно изъ переписки Фридриха съ Сольмсомъ. См. Сб. Р. И. О., т. XXII, стр. 473—475, 476 и 477 и 482—4.

12. Взято у Соловьева, т. XXVII, гл. III, 444 и 445.

13. Депеша короля Сольмсу 28 дек. 1766 г. Сб. Р. И. О:, XXII, 575.

14. Тамъ же, стр. 578—579.

15. Сб. Р. И. О., т. XII, стр. 281.

16. Сб. Р. И. О., т. XXXVII, 29—30.

17. Вотъ отзывы о немъ: *Dumouriez* въ La vie du général

Dumouriez ed. 1795 l. I, ch. VII, p. 196: „La prince Radzivil étoit une bête brute"...

Сольмсъ о немъ писалъ королю (1764 г. авг. 6): „Въ глазахъ Панина это лютый разбойникъ, котораго нѣтъ надобности щадить, потому что сограждане его презираютъ; онъ даже преслѣдуется судомъ за свои злыя дѣянія и, вѣроятно, будетъ сосланъ по приговору республики". Сб. Р. И. О., т. XXII, 295.

Костомаровъ (Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. В. Е. 1869, 3, стр. 176).—„Panie Kochanku былъ большой руки самодуръ"...

Соловьевъ. (Исторія паденія Польши, стр. 49): „Знаменитый вельможа, особенно подъ веселый часъ (а эти часы случались нерѣдко), позволялъ себѣ дикія выходки".

18. Соловьевъ, т. XXVII, гл. III, стр. 514.

IX.

1. Это подробно описано у Костомарова: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой".

2. Приведено у Castéra, II, 147.

3. Recueil des instructions, données aux ambassadeurs et ministres de France, depuis les traités de Wéstphalie jusqu'à la révolution française. Russie. t. II. (1749—1789). Paris. 1890. Par. A. Rambaud, p. 213.

4. Тамъ же, стр. 215.

5. Сб. Р. И. О., т. XII, стр. 97.

6. Такъ думаетъ, напр., H. Taine. Origines de la France contemporaine, I. (Ancien régime).

7. Шлоссеръ. Всемірная исторія. т. XVI, стр. 328, пер. В. А. Зайцева.

8. Ségur въ своихъ мемуарахъ характеристично опредѣляетъ это непониманіе: „Tous les Français ressemblaient alors à ces jeunes Napolitains, qui rient, chantent et s'endorment sans inquiétude sur la lave et au bord d'un volcan". И затѣмъ съ нѣкоторой наивностью восклицаетъ: „Comment prévoir d'hor-

ribles malheurs au sein de la paix et dé la prospérité. (Tome I, p. 108).

9. Письмо приведено у Castéra (II, 125) и Jauffret (I, 308).

10. Объ этомъ случаѣ сообщаетъ вѣнскому двору кн. Лобковичъ въ донесеніи отъ 26 апр. 1765 г. Сб. Р. И. О., т. CIX, стр. 131.

11. Письмо Панина у Соловьева, т. XXVII, стр. 537.

12. Въ донесеніи своему двору кн. Лобковичъ 23 іюля 1765 г. пишетъ, что онъ съ французскимъ посланникомъ не особенно откровененъ, потому что тотъ слишкомъ подчиняется вліянію испанскаго посла. Сб. Р. И. О., CIX, 147.

13. Сб. Р. И. О., т. CIX, стр. 156.

14. Тамъ же, стр. 236.

X.

1. Сб. Р. И. О., т. XII, 267 и 268.

2. Тамъ же, стр. 273. (Донесеніе отъ 25 іюля 1766 года).

3. Тамъ же, стр. 295. (Донесеніе Макартнея отъ 2 февр. 1767 г.).

4. Тамъ же, стр. 285—7.

5. Тамъ же, стр. 302 и 303.

6. Тамъ же, стр. 319 и 320.

7. Сб. Р. И. О., т. CIX, стр. 277.

8. Приведенъ у Соловьева, т. XXVII, стр. 459 и 460.

9. Сб. Р. И. О., т. LXVII, стр. 20—28.

10. По совершенно непонятнымъ причинамъ Кастера утверждаетъ, что короля побудилъ путешествовать Сальдернъ. Вотъ его слова: „Ce fut Saldern, qui contre l'opinion du conseil et le voeu du peuple determina le roi de Danemarck à faire un voyage en France et en Angletérre, voyage dont les suites ont été si funestes à ce foible prince et à son imprudente épouse“ (III, 5). Развѣ ужъ только потому, что „les suites du voyage ont été si funestes“, а причиною всѣхъ золъ Даніи онъ считалъ Россію. Вообще Кастера, писавшій, такъ сказать, по горя-

чимъ слѣдамъ, часто является въ роли памфлетиста, а не историка, хотя его трудъ и заключаетъ въ себѣ много цѣннаго, хотя и односторонне освѣщеннаго матеріала.

11. Такъ утверждаетъ Соловьевъ, XXIX, 1066.

12. Сб. Р. И. О., т. CXVIII, стр. 23 и 36 и стр. 48.

XI.

1. См. ея 2 письма у Соловьева, XXVIII, 556 и 557.

2. Сб. Р. И. О., т. VI, стр. 74 и 75.

3. Соловьевъ, XXVIII, стр. 628.

4. Тамъ же, стр. 620.

5. Тамъ же, стр. 620.

6. Объ этомъ см. у Кастера II, 17. „Munich lui (à Pierre III) communiquoit le plan qu'il avoit tracé pendant son exil en Sibérie, pour chasser les Turcs de Constantinople, plan qui flattoit singulièrement l'ambition de Catherine, et qui, trente ans après nous l'avons vue presqu'au moment d'exécuter.

7. Сб. Р. И. О., XXXVII, 215 — 218. У Соловьева, XXVIII, 673 и 674.

8. Mémoires de Frédéric II, roi de Prusse, publiés par E. Boutaric et E. Campardon. P. 1866; II, 333.

9. Тамъ же, II, 314.

10. Письмо къ Маріи-Терезіи у Arneth, Maria-Teresie und Ioseph II, I, 300. Письмо приведено и у Соловьева, въ 3 главѣ XXVIII тома.

11. Сб. Р. И. О., т. XXXVII, 241—242.

12. Castéra (II, 243) положительно утверждаетъ, что на свиданіи въ Нейссе Фридрихъ предложилъ Іосифу раздѣлъ, но серьезныхъ доказательствъ этому онъ не даетъ.

Fr. Smitt. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. 1861. „Первое предложеніе и соглашеніе между Пруссіей и Австріей имѣли мѣсто не въ Нейссе, а въ Нейштадтѣ". Стр. 57.

XII.

1. Сб. Р. И. О., XX, 253.

2. Соловьевъ, XXVIII, 712.

3. Объ этихъ предосторожностяхъ на случай войны упоминается въ донесеніяхъ Сольмса; см. Сб. Р. И. О., XXXVII, 466 и 468.

4. Соловьевъ, XXVIII, 880.

5. Тамъ же, стр. 880.

6. Тамъ же, стр. 883.

7. О причинахъ этого поступка Орлова подробно разсказывается у Кастера (II, 234—6), а вкратцѣ у Жоффре (I, 444).

8. Соловьевъ, XXVIII, 885 и 886.

9. Разговоръ Панина съ Дюраномъ, у Соловьева XXVIII, 888 и 889.

10. Шлоссеръ, т. XVI, 400.

11. Кастера, оправдывающій вездѣ политику Франціи, отзывается о Бернсторфѣ тѣмъ не менѣе чуть не восторженно (III, 11—14); русскіе Бернсторфомъ также были довольны; такъ гр. С. Р. Воронцовъ въ письмѣ къ гр. А. А. Безбородкѣ называетъ его „весьма привязаннымъ къ Россіи. (Письмо 30 сентября 1785 года). Архивъ кн. Воронцова, т. XVI, стр. 192.

12. Сб. Р. И. О., т. XII, 333—334.

13. Сб. Р. И. О., т. XII, 343 и 344.

14. Донесеніе Каскарта отъ 7/18 октября 1768 г., въ Сб. Р. И. О., т. XII, 381—384.

15. Сб. Р. И. О., т. XIX, стр. I—III. (Вступительная статья А. А. Половцова къ донесеніямъ англійскихъ пословъ).

XIII.

1. Adolf Beer. Die erste Theilung Polens. Wien. 1874, t. III, 5—7.

2. Соловьевъ, XXVIII, 629.

3. La vie du général Dumouriez. Hambourg. 1795. L. I, ch. VII, p. 194—196.

4. Тамъ же, ch. VII, p. 199.

5. Тамъ же, ch. VII, p. 197.

6. Начальныя слова „Contrat Social"—Rousseau.

7. Vie du général Dumoiriez. l. I, ch. VIII, p. 274, 275. Далѣе онъ дѣлаетъ любопытное сопоставленіе положенія польскихъ хлоповъ съ положеніемъ спартанскихъ илотовъ, при чемъ полагаетъ, что положеніе послѣднихъ было лучше положенія первыхъ.

8. Кастера называетъ Эгильона: „un ministre peu prévoyant" (II, 242), а въ примѣчаніи говоритъ: „Le duc d'Aiguillon, qu'on avoit mis à la tête du ministère des affaires étrangères, étoit plus propre à suivre des intrigues de boudoir et des cabales de courtisan, qu'a peser les interêts dé l'Europe et á soutenir la gloire de la nation française".

9. Сб. Р. И. О., т. LXXII, 432.

10. Оно приведено у Кастера (II, 147 и сл.) и цѣликомъ переведено нами въ IX главѣ. Напомнимъ здѣсь интересный конецъ его. Несмотря на все благородное негодованіе „du roi, qui pense, que la haine de Catherine II est beaucoup plus honorable, que son amitié" (это Людовику-то XV-му!), въ концѣ высказывается истина, а именно: en même temps il désire d'éviter l'éclat d'une rupture", т.-е. попросту говоря, несмотря на все благородное презрѣніе, порядочно-таки побаивается!

11. Соловьевъ, XXIX, 999.

12. Ségur. Memoires, t. I, p. 113—114. „Par la faiblesse le ministère de Louis XV, avait laissé honteusement partager la Pologne par la Russie, la Prusse et l'Autriche: partage funeste" etc...

13. A. Rambaud. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres dé France, VIII, Paris. 1890. Russie, t. I, Introduction, p. VIII.

14. Цитировано изъ вышеуказаннаго изданія Рамбо. Инструкція маркизу де-Боссе.

15. Инструкція Сабатье де-Кабру 30 мая 1769 года. Тамъ-же.

XIV.

1. Кастера не понимаетъ иногда отношеній Фридриха къ Екатеринѣ II. Вотъ какъ онъ, напр., говоритъ (II, стр. 242): „Mais un objet plus important occupoit en ce moment Catherine. Elle se voyoit enfin prête à recueillir le fruit des troubles et des divisions qu'elle avoit semés parmi les Polonais. L'on a vu que, dès longtemps d'accord avec le roi de Prusse, elle laissa à ce prince le soin de faire consentir la cour de Vienne au démembrement de la Pologne".

Изъ его словъ можно заключить, что скорѣй Фридрихъ былъ орудіемъ Екатерины, а не наоборотъ. Такой взглядъ вытекаетъ изъ того, что Кастера невѣрно понимаетъ отношенія Екатерины къ Польшѣ. Онъ думаетъ, что со стороны Екатерины составлялся планъ раздѣла Польши, а не со стороны Фридриха. Между тѣмъ мы увидимъ ясно, что иниціатива этого дѣла всецѣло принадлежитъ Фридриху, и что на раздѣлъ въ Россіи могли на самомъ дѣлѣ, а не притворно, съ трудомъ согласиться. Сближеніе же Фридриха съ Австріей совсѣмъ не было дѣломъ Россіи. Самъ Фридрихъ старался скрыть свои переговоры съ Австріей, что доказываетъ то, что онъ дѣйствовалъ не въ духѣ русскихъ интересовъ.

2. Соловьевъ, т. XXVIII, стр. 627.

3. Тамъ же.

4. Такъ смотритъ на мемуары Фридриха между прочими и извѣстный англійскій историкъ Маколей. См. т. XIV. Монографія „Фридрихъ Великій".

5. Mémoires de Frédéric II, I, 335.

6. Соловьевъ, XXVIII, 677. Dunker. Aus der Zeit Friedr: des Gross. 188.

7. По словамъ *Храповицкаго* (Записки, изд. Барсукова, 1874, стр. 237) имп. Екатерина положительно утверждала, что авторъ этого проекта—прусскій король.

Ранке (Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. Lpz. 1871. B. 1, 5, 14, 16), думаетъ, что мысль была вызвана Австріей и была принята въ Петербургѣ, но Пруссія содѣйствовала тому, что мысль эта разрослась въ такіе ши-

рокіе размѣры и произвела переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ на Сѣверѣ и Востокѣ.

Ошибочность этого взгляда и ему подобныхъ доказывается приведенной здѣсь перепиской Фридриха.

M. Alexis de Saint-Priest въ его Etudes diplomatiques et litterairés (t. I, p. 18) ,говоритъ объ этомъ такъ: „Кто же первый предложилъ раздѣлъ Польши? Кому принадлежитъ эта мысль? Всѣмъ или никому, если дѣло идетъ только объ абстрактной идеѣ, но если хотятъ говорить о непосредственномъ и практическомъ приложеніи, то она принадлежитъ великой націи, представленной самымъ великимъ изъ ея государей, Германіи, предоставленной Фридрихомъ".

Кн. Павелъ Вяземскій (Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Перевелъ и составилъ по мемуарамъ Фридриха. Осмнадц. вѣкъ кн. I. М. 1868 г.), говоритъ, что въ части своихъ записокъ, относящихся ко времени раздѣла, Фридрихъ откровенно и положительно признаетъ инициативу свою въ первомъ раздѣлѣ Польши (стр. 163). Онъ замѣчаетъ, что изъ его (т.-е. Фридриха) разсказа ясно опредѣляется постоянное нерасположеніе русскаго правительства къ принятію участія въ этомъ раздѣлѣ. Такимъ образомъ Фридрихъ смываетъ съ Россіи пятно безнравственности и коварнаго образа дѣйствій,—главнаго обвиненія, взводимаго на Россію просвѣщенной и нравственной Европой..

8. Эта депеша напечатана у Шлёцера. Friedrich und Katharina, стр. 212, а у Дункера переводъ ея, въ изслѣдованіи Zur Preussischen Geschichte, стр. 178, Сб. Р. И. О., т. XXXVII, 205.

9. Донесеніе Сольмса отъ 6 (17) февраля 1769 г. въ Сб. Р. И. О., XXXVII, 209.

10. Исторія проекта Линара подробно изложена у Соловьева, т. XXVIII, гл. II.

О любопытномъ своемъ разговорѣ съ Панинымъ Сольмсъ говоритъ въ донесеніи 20 февраля 1769 года Фридриху, Сб. Р. И. О., XXXVII, стр. 215—218.

11. Сб. Р. И. О., XIX, стр. 270.

12. Mémoires de Frédéric II, II, 336.

13. Соловьевъ, XXVIII, 678. Это взято Соловьевымъ у Beer. Die erste Theilung Polens I, 311.

14. О Нейштадтскомъ свиданіи см. Beer. Die Zusammenkünfte Iosefs II und Friedrichs II, 115.

Alf. Rambaud въ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. P. 1890, говоритъ: „Юный императоръ Іосифъ II измѣнилъ Франціи и продалъ Польшу на свиданіяхъ съ Фридрихомъ въ Нейссе и Нейштадтѣ. Его добродѣтельная мать императрица Марія-Терезія умѣла только „плакать“ и „брать“; ища средства заглушить угрызенія своей совѣсти въ огромности доли, которую она получила себѣ въ разграбленіи (Introd. L.).

15. Такое предположеніе дѣлаетъ и Соловьевъ, XXVIII, 681 и сл.

16. Сб. Р. И. О., XXXVII, 344 (Донесеніе Сольмса королю отъ 31 декабря 1770 г.).

17. Панинъ въ одномъ письмѣ говоритъ про Чернышова такъ: „Скаредный Чернышевъ трепеталъ между фаворитами“. Сб. Р. И. О., VI, стр. 75.

18. Сб. Р. И. О., XXXVII, 317:

19. Сб. Р. И. О., XX, 288—290.

20. Beer. Die Zusammenkünfte Iosefs II und Friedrichs II, II, 115.

21. Соловьевъ, XXVIII, 2, 683.

22. Мартенсъ, VI (во введеніи).

23. Письмо Фридриха отъ 19 февр. 1771 г. въ Сб. Р. И. О., XX, 307.

24. Oeuvres, XXVI, 349.

25. Депеша отъ 28 апр. 1771 г. въ Сб. Р. И. О., XXXVII, 469—70.

26. Собственноручное письмо короля гр. Сольмсу отъ 28 апрѣля 1771 г. въ Сб. Р. И. О., т. XXXVII, 470—472.

27. Mémoires de Frédéric, II, 349.

28. Сб. Р. И. О., XXXVII, 440.

29. Мартенсъ, II, 17. Фридрихъ въ мемуарахъ (II, 346), говоритъ, что Екатерина сказала Генриху: „если вѣнскій дворъ желалъ раздѣлить Польшу, то и другіе сосѣди этого государства были на столько же въ правѣ это сдѣлать“.

30. Англійскій посолъ лордъ Каскартъ узналъ объ этомъ только въ іюлѣ, но и то передаетъ объ этомъ своему

правительству только, какъ сомнительный слухъ. Донесеніе Каскарта отъ 12 іюля 1771 г. Сб. Р. И. О., XIX, 224.

31. Сб. Р. И. О., XXXVII, 479.

32. Сб. Р. И. О., CIX, 522 и сл.

33. Цитата у Соловьева, XXVIII, 762; взята, вѣроятно, у Beer, Friedrich II und van Swieten Lpz. 1874. S. 4.

34. Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова. 1874, стр. 237.

35. Сб. Р. И. О., CXVIII, стр. 176—190.

36. *Fr. Smith*. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. 1861, такъ резюмируетъ свое сочиненіе:

„Изъ всего предыдущаго становится яснымъ, что Фридрихъ первымъ и съ давнихъ поръ имѣлъ мысль о раздѣлѣ земель, которыя составляли необходимость для частей его государства, и которой Кауницъ далъ первый толчекъ, съ умысломъ или безъ умысла, занятіемъ Ципса; что затѣмъ братъ короля, принцъ Генрихъ, сообразно со своими тайными инструкціями, воспользовался негодованіемъ, возбужденнымъ этимъ занятіемъ, и осторожно предложилъ раздѣлъ, чтобы предупредить, какъ тогда объ этомъ говорили, общую войну и удовлетворить тремъ дворамъ; что Фридрихъ тотчасъ же, какъ только первая преграда была устранена братомъ, представилъ свои формальныя и настойчивыя предложенія, и поддержанный партіей Чернышева въ С.-Петербургѣ, вырвалъ, наконецъ, согласіе у русскаго двора, который *долго былъ противникомъ проекта;* послѣ чего шли толки о соглашеніи сначала между Россіей и Пруссіей, а затѣмъ, послѣ многихъ увертокъ Кауница, съ Австріей, и, наконецъ, это соглашеніе было устранено.

Таковъ былъ ходъ этого дѣла, какъ оно явствуетъ изъ актовъ, но пристрастіе старалось его исказить, при помощи умолчаній, скрытыхъ намековъ, искусной группировкой фактовъ, приданіемъ преувеличеннаго значенія разговорамъ въ обществѣ".

Ранке (Die deutschen Mächte und der. Fürstenbund. Lpz. 1871. Bd. I, S. 14—16), говоритъ, что совершенно несправедливо считаютъ Фридриха Великаго первымъ, предложившимъ увеличить территоріальныя владѣнія трехъ дер-

жавъ на счетъ Польши. Мысль эта была вызвана Австріей и была принята въ Петербургѣ, но Пруссія содѣйствовала тому, что мысль эта разрослась въ такіе широкіе размѣры и произвела переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ на Сѣверѣ и Востокѣ.

Prof. Anatol *Lewicki* (Zarys historyi Polskiej, az do najnowszych czasów. Kraków. 1897) совершенно правильно думаетъ, что Фридрихъ придумалъ планъ раздѣла, и что Екатерина и Панинъ сначала не соглашались на этотъ проектъ (стр. 347 и 348).

Мартенсъ [т. IV, стр. 65, примѣч. къ № 227 (т.-е. конвенціи о раздѣлѣ)] говоритъ объ этомъ такъ: „На основаніи новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій и дипломатическихъ переговоровъ съ Австріей, мы старались доказать, что честь почина въ первомъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой принадлежитъ несомнѣннымъ образомъ прусскому королю Фридриху II. Изученіе актовъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и относящихся до дипломатическихъ сношеній между Россіей и Пруссіей, *уничтожаетъ малѣйшее сомнѣніе относительно такого происхожденія этого дѣла*“.

Г. Есиповъ (Фридрихъ II и графъ Панинъ. Бесѣда. 1871, кн. 1), утверждаетъ, что Фридрихъ былъ авторомъ проекта Линара, и что Екатерина была за раздѣлъ, а Панинъ противъ него.

37. Соловьевъ, т. XXVIII, 773.

38. Сб. Р. И. О., LXXII, 235.

39. Фридрихъ о современныхъ ему полякахъ отзывается такъ: „Les Polonais, qu'il faut considérer comme la nation la plus légère et la plus frivole de l'Europe“. Mémoires, II, 373.

40. Dumouriez въ своей автобіографіи замѣчаетъ (I livre, ch. VIII, p. 276): „Les parties envahies de la Pologne ont gagné en changeant de maîtres“.

41. Приведено у Мартенса, VI, стр. 90.

42. Memoires de Frédéric, II, 356.

43. Сб. Р. И. О., XXXVII, 564.

44. Соловьевъ, XXVIII, 898.

45. Сб. Р. И. О., XXVIII, 212.

46. Сб. Р. И. О., XIX, 428. Донесеніе Роберта Гуннинга, англійскаго посланника при русскомъ дворѣ, отъ 29 іюля 1774 г.

Въ I томѣ Сб. Р. И. О., стр. 100, въ письмѣ Екатерины къ Орлову (28 іюля 1774 г.), говорится о впечатлѣніи, произведенномъ на пословъ разныхъ государствъ извѣстіемъ о мирѣ: „Вчерашній день здѣсь у меня ужиналъ весь дипломатическій корпусъ и любо было смотрѣть, какія были рожи на друзей и недрузей; а прямо рады были только датскій да англійскій".

А въ письмѣ къ Штакельбергу Екатерина замѣчаетъ: „Я замѣтила искреннюю радость въ одномъ англійскомъ и датскомъ министрѣ; *въ австрійскомъ и прусскомъ меньше*. Вашъ другъ Браницкій смотрѣлъ сентябремъ, Гишпанія ужасалась; Франція, печальная, безмолвная, ходила одна; сложивъ руки; Швеція не можетъ ни спать, ни ѣсть" (Тамъ же).

XV.

1. Сб. Р. И. О., XIX, 270.

2. Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. В. Европы. 1869. Кн. IV, стр. 621.

Цѣна 1 р. 50 к.